

СЛОВО ОБ ИГОРЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ПОРОХЕ

Прошлый, 18-й выпуск «Историографического сборника» оказался последним для его ответственного редактора Игоря Васильевича Пороха (26.04.1922 – 02.07.1999). Среди нас не стало одного из наиболее ярких профессоров исторического факультета Саратовского государственного университета, замечательного исследователя, компетентного редактора, просто обаятельного, незабываемого человека.

Незадолго до смерти И. В. был избран на очередной пятилетний срок профессором кафедры истории России, работал без скидки на возраст, был полон идей и планов. До последних дней он жил настоящим — полнокровной жизнью ученого и преподавателя. Мемуаров И. В. не оставил, даже полного списка научных трудов среди его бумаг не нашлось. Написание биографии И. В. Пороха, оценка его научного творчества — дело будущего, долг его учеников. «Горы» рукописей, сотни писем от коллег-историков, множество дарственных надписей и читательских помет на книгах его богатейшей библиотеки, десятки рецензий на его труды, воспоминания коллег — все это послужит надежной основой для воссоздания его жизни в науке.

Цель настоящих заметок гораздо более скромная: рассказать об И. В., каким он мне запомнился. Основные вехи своей биографии И. В. сообщил в короткой статье для «Словаря профессоров Саратовского университета», рукописью которой я воспользовался.

Родился И. В. в Астрахани в семье педагогов. Начало своих гуманитарных интересов он связывал с влиянием отца, известного деятеля просвещения Калмыкии и Астрахани.

В 1939 г. И. В. Порох поступил на исторический факультет СГУ, закончить который пришлось только после войны, в 1950-м. Призванный в 1940 г. в армию, он служил в Монголии, а затем прошел ускоренный курс военного училища и завершил Великую Отечественную уже капитаном, помощником начальника политотдела 7-го механизированного корпуса. Был ранен и контужен, награжден орденами и медалями. Участвовал в войне против Японии. И. В. часто вспоминал о войне, переписывался с друзьями-однополчанами, ездил на встречи с ними.

Своими учителями И. В. считал Л. А. Дербова и Ю. Г. Оксмана. Первому он был обязан общей научной и педагогической подготовкой, высокой историографической культурой, второму — тематикой научных исследований и знакомством со многими выдающимися историками и литературоведами. В аспирантуре И. В. начал заниматься историей декабристского движения. В 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Восстание Черниговского полка (к вопросу о тактике Южного общества декабристов)». Уже в 1954 г. значительная

часть его работы была опубликована в «Очерках из истории движения декабристов» (М., 1954) — в издании, которое определяло уровень тогдашнего отечественного декабристоведения. «Как первую любовь», исследователь не забывал декабристов, опубликовав на эту тему десятки статей и рецензий. В них нашли отражение поиски и споры, которые велись в рамках той концепции декабристской революционности, которая сегодня стала фактом истории исторической науки. Но сверх того И. В. Порохом была выполнена огромная (и практически не устаревающая!) источниковедческая и публикаторская работа по изданию мемуаров писем и других документов декабристов — И. И. Горбачевского, Н. В. Басаргина, А. В. Поджио, И. Д. Якушкина и др.

В конце 50-х гг. Ю. Г. Оксман и Б. П. Козьмин привлекли И. В. к комментированию статей в 30-томном собрании сочинений А. И. Герцена. Так возник новый аспект научных исследований И. В. Пороха: А. И. Герцен, его взгляды и деятельность, его корреспонденты, взаимоотношения с Н. Г. Чернышевским, и, наконец, борьба правительства с вольным герценовским словом.

Две монографии («Герцен и Чернышевский», 1963; «История в человеке», 1971), серия статей и публикаций вылились в докторскую диссертацию «А. И. Герцен в русском освободительном движении 50-х годов XIX века» (1977). Автор этих строк помнит до отказа наполненную 9-ю аудиторию старого здания истфака (кроме солидной преподавательской публики было очень много таких же студентов, как и я), вдохновенное слово диссертанта, содержательные выступления оппонентов — В. Ф. Антонова, В. А. Дьякова, В. А. Федорова, развернувшуюся затем дискуссию. Уже забылись детали, но осталось ощущение важного научного события, которое происходило на наших глазах. В 1980 г. И. В. стал профессором, в апреле 1998 г. был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

И. В. Порох всегда уделял большое внимание редакторской работе: он редактировал историческую серию «Ученых записок СГУ» и другие саратовские сборники, был заместителем ответственного редактора сборника «Освободительное движение в России», ответственным редактором «Историографического сборника». Много сил он потратил на редактирование двух первых томов «Очерков истории Саратовского Поволжья» (Саратов, 1993, т. 1; 1995, т. 2, ч. 1; 1999, т. 2, ч. 2), в которых выступал и в качестве автора.

Человек открытый и темпераментный, И. В. обладал редким даром дружеского общения. Он считал, что дружба обязывает к поступкам, к деятельной помощи. И. В. Порох очень ценил научные связи и личное общение со своими коллегами по историческому цеху. Он посвятил ряд работ своим учителям и старшим товарищам: Ю. Г. Оксману, М. К. Азадовскому, Н. М. Дружинину, Б. П. Козьмину, Е. Н. Кушевой, С. С. Дмитриеву. Особенно доброжелательным и полезным он считал свое общение с ленинградскими коллегами — Р. Ш. Ганелиным, Б. В. Ананьичем, А. Н. Цамутали, В. Г. Чернухой, В. Н. Гиневым, С. Б. Окунем, Ю. Д. Марголисом, Г. А. Тишкиным, Е. Р. Ольховским и др. Много значили для него дружеские и творческие отношения с Б. Е. Сыроечковским, В. А. Дьяковым, Н. М. Пирумовой, Е. Л. Рудницкой, М. А. Рахматуллиным, Н. В. Минаевой, Н. Я. Эйдельманом, С. В. Мироненко, В. А. Китаевым и другими историками, архивистами, литературоведами.

Будучи историком всероссийского масштаба, Порох всегда оставался большим патриотом Саратова, СГУ и его исторического факультета. Его приглашали в вузы других городов, но он был верен своему университету, несмотря на далеко не блестящие бытовые условия жизни его большой семьи. Он высоко ценил и поддерживал традиции саратовских историков: он пропагандировал научное наследие С. Н. Чернова, Е. Н. Кушевой. Вместе с И. В. мы ходили к младшим сестрам П. Г. Любомирова, чтобы записать их воспоминания о брате. И. В. способствовал тому, чтобы известные ученые из других городов приезжали в Саратов для чтения лекций и участия в конференциях. Он старался передать свои творческие связи ученикам и коллегам. С его легкой руки в центральной печати появилось немало работ саратовских историков. Так, И. В. посоветовал отнести мою первую статью в журнал «В мире книг» (в этом же журнале в 1951 г. вышла первая печатная работа Пороха). Мне приходилось бывать на его докладах в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР, в московском музее декабристов и ощущать неизменно уважительное отношение коллег к саратовскому ученому. Сам И. В. охотно оказывал научно-методическую помощь другим вузам: читал лекции в Элисте, Волгограде, Донецке, Самаре. Одна из таких поездок, кажется, стала причиной резкого ухудшения его здоровья весной 1999 г.

И. В. Порох был замечательным лектором. Его лекции будили творческий интерес слушателей, были полемичными, всегда неповторимыми. Ему давались и широкие научные обобщения, и тонкий анализ конкретного события, и мастерство исторического «портретиста». Его слушатели могли представить в лицах и исторических героев, и их исследователей. Милица Васильевна Нечкина и уязвимые места ее работ или, скажем, Натан Эйдельман с его находками и парадоксами были известны студентам Пороха, кажется, не хуже, чем их ведущие преподаватели. Невозможно представить Пороха, читающего лекцию по раз навсегда написанным текстам. Помнится, после одной из его открытых лекций я, предварительно просмотрев свои студенческие записи, заметил, что в 70-е годы эту тему он раскрывал по-другому. На что И. В. резонно отреагировал: «Я же не граммофон».

Порох был из тех людей, для которых не было на свете ничего важнее и интереснее истории. А в отечественной истории его, конечно, более всего интересовали декабристы и Герцен. Мне вспоминается, как однажды американский коллега Д. Рейли высказал сомнение по поводу темы доклада И. В. «А. И. Герцен об Америке»: «А что интересного Герцен мог сказать об Америке, он и не был там никогда?» Порох остался при своем мнении и был рад утвердиться в нем, когда я передал ему статью известного французского историка Мишеля Мерво на эту же тему, опубликованную в «Cahiers du monde russe».

Своим интересом к истории И. В. заражал всех окружающих. Он удивительно много «возился» со своими учениками. При малейшей возможности направлял их в центральные архивы, библиотеки, помогал с публикацией оригинальных работ. Он гордился тем, что среди его учеников было полтора десятка кандидатов и докторов наук, нынешний декан исторического факультета СГУ, два вузовских ректора. Свою любовь к истории И. В. передал почти всем членам своей большой семьи, в которой и дети, и невестки, и внуки причастны к исторической науке. Кажется, диплом

историка можно было бы выдать и жене Игоря Васильевича Любви Семеновне (врачу по профессии), ибо она всегда была в курсе дел своего мужа. Н. Я. Эйдельман называл «историческую» семью И. В. «кланом Пороха». Любовь к своему делу, каждодневный труд, а также забота о жене и близких помогли И. В. пережить тяжкие удары судьбы — гибель в автокатастрофе сына Василия и раннюю смерть дочери Татьяны. Оба они были красивыми и талантливыми людьми, историками, подающими большие надежды.

И в науке, и в общении с окружающими И. В. был лидером, человеком с сильным характером, не скрывающим своих пристрастий и антипатий. Он был далек от стремления нравиться всем. Возможно, школа опального Ю. Г. Оксмана сказывалась в том, что он во всех случаях отстаивал свое мнение. Иногда в полемике не избегал крайностей. Не случайно, у него было домашнее прозвище «взрывчатка» — он вполне соответствовал своей «огненной» фамилии. Далекий от инакомыслия, Порох тем не менее был на подозрении у высокого партийного начальства. Во времена оны от него требовалась, по крайней мере, личная смелость, чтобы во всеуслышанье назвать областного партийного лидера «свиньей в ермолке». И. В. был мастером на острое словцо. Однажды в Ленинграде, узнав о моем желании посетить лекцию одного известного в прошлом историка, он иронично посмотрел на меня и спросил: «Ты что, ночью не высыпаясь?»

Я знал Игоря Васильевича Пороха в последние 25 лет его жизни и всегда смотрел на него как на учителя, «корифея». Я благодарен ему за помощь и внимание, которые он мне оказывал со студенческих времен, за то, что в последний год своей жизни он нашел время для редактирования моей монографии. И. В. запомнился мне за кафедрой — с неповторимыми интонациями лектора-исследователя, со специфически «пороховской» жестикующей — лектор, завораживающий аудиторию; вспоминаю его и сидящим за огромным столом в рабочем кабинете в окружении книг и фотографий, вот он поднимает кудрявую голову от рукописи, приветливо улыбается: «Сережа, дружище, здравствуй...» Наверное, какие-то стороны личности И. В. остались скрытыми от меня. Может быть, кому-то Порох запомнился другим, но я уверен, что многие его друзья, коллеги и ученики будут хранить о нем самую добрую память.

* * *

Прошло уже почти два года, как с нами нет профессора Игоря Васильевича Пороха. Время по-своему расставляет акценты, сохраняя в памяти яркие эпизоды, время стирает суетное и сохраняет важное, время по-новому заставляет думать и чувствовать.

*Просто потому, что резкая тоска
Стала ясною, осознанною болью, —*

как могли бы сказать мы, слегка перефразируя поэта.

Поэтому мне хотелось бы вновь оживить те моменты, в которых запомнился нам Игорь Васильевич, хотелось бы добрым словом вспомнить его перед той работой, которую мы вынуждены делать уже без него.

Его имя мне довелось впервые услышать еще в школе. То, что было сказано нашими учителями, бывшими выпускниками университета и учениками Пороха, свидетельствовало о его высоком авторитете, значительности и весомости его слова. И, в свою очередь, став студентом исторического факультета, я получил возможность встретиться с учителями своих учителей. Помню первое появление Игоря Васильевича в нашей студенческой аудитории. Это была осень 1990 г., старый четвертый корпус, девятая аудитория. В дверь вошел солидный пожилой мужчина в светло-коричневом костюме и кроссовках того же цвета. Аудитория быстро затихла, он выдержал паузу и произнес неожиданно: «Здравствуй, племя молодое...», — и еще, как бы задумавшись: «...незнакомое...» И этой краткой цитатой, а может быть, тембром голоса, он сразу завоевал расположение аудитории и высказал свое расположение к нам.

Пороха слушали очень внимательно, даже по средам и пятницам на третьем этаже шестого корпуса, никогда не располагавшего к сосредоточенности. Он был, безусловно, одним из самых ярких, интересных, завораживающих лекторов на истфаке. Блестящая память (Порох редко обращался к записям), неожиданные сравнения, живое изложение материала, всегда обращенное к личностям, к биографическому аспекту, к малоизвестным деталям, высвечивающим события выпукло и целостно, делали лекции Пороха уникальными, легко запоминающимися. С тогдашней дистанции между вчерашним школьником и этим заслуженным человеком, истинным профессором мне и в голову не могло придти, что когда-нибудь посчастливится общаться с ним ближе, вместе курить, пить чай, разговаривать о жизни.

В следующем семестре Игорь Васильевич вел семинарские занятия в нашей студенческой группе. Он был строг в отношении к студентам. Порох не любил пустопорожней болтовни, беспочвенной рисовки, их он пресекал моментально. Мне кажется, что только спустя много лет, наблюдая учебный процесс уже с разных сторон, я начинаю понимать, как много в свое время дали нам принципы обучения, поддерживаемые истфаком, школа старых профессоров. Порох учил нас точности в цитировании и ссылке, бережному отношению к источнику, «правилам хорошего тона» в работе с исследованиями, прямой и косвенной цитате, обязательному указанию на источник информации в выводах, не являющихся полностью своими, тонкости оформления библиографии. Можно сказать, что Порох действительно не терпел подделок и очень бурно на них реагировал, невзирая на ранги и звания. Своей эмоциональностью, взрывными реакциями он на подсознательном уровне вырабатывал у нас убеждение, что труд историка — это ответственность, серьезная и кропотливая работа, требующая тщательного отношения, взвешенности и обдуманности, глубины осмысления материала.

С неменьшей силой, всем своим бурным темпераментом Порох поддерживал инициативу. Инициатива учеников становилась как бы частью его души, и если он замечал в студенте эту искорку, то уже не забывал о ней, продолжая развивать и опекать то, что подавало надежды. Порох был пристрастен к своим инициативным ученикам, любил их и заботился о них. Он не забывал их заслуг и имен, даже когда они заканчивали его курс, расспрашивал их в коридорах о дальнейших успехах, рекомендовал их другим преподавателям. Многие нынешние сотрудники истфака на своем примере помнят эту добрую пристрастность Пороха.

В семинаре Игоря Васильевича мне пришлось заниматься темой крестьянских восстаний после реформы 1861 г. Я сознательно выбрал эту тему: крестьянство, сельскохозяйственная проблематика были очень близки мне тогда. Однако, ознакомившись с источниками и литературой, я понял, что не смогу сказать своего слова в рамках имеющегося материала. После краткого вступления я облегчил свою работу тем, что ограничился только материалами крестьянских волнений в Саратовской губернии. Чувствуя какую-то «куцость» написанного и как бы в оправдание грехов по малости затраченного труда, я составил библиографический указатель по всей теме. До сих пор у меня дома хранятся десятки карточек с выходными данными монографий, статей, авторефератов, рецензий по этой проблеме. С внутренним трепетом нес я Игорю Васильевичу плоды своих трудов.

Работа понравилась Пороху. Академический консерватизм никогда не был доминантой его оценок. Для меня огромной честью было то, что после этого случая я получил приглашение в его спецсеминар. Другие исторические периоды обладали для меня тогда большей привлекательностью. Я так и не стал учеником Игоря Васильевича в полной мере, но на собственном опыте испытал его заботу и отеческое покровительство.

Гораздо позже мне уже как сотруднику издательского центра довелось работать вместе с И. В. Порохом над двумя выпусками «Историографического сборника». Тогда Игорь Васильевич открылся для меня и еще с одной своей стороны: как блестящий организатор и настоящий ответственный редактор, гарантированно отвечающий за каждое слово авторского коллектива, объединенного под его началом. Тогда же я впервые побывал у него дома. Его большая библиотека, огромный профессорский стол недвусмысленно давали понять, чему он отдавал свою жизнь и насколько важным для него было дело. Слушать Пороха было увлекательно: он рассказывал об исторических персонажах так, будто знал их лично, рассказывал о своих знаменитых друзьях. Время летело незаметно, и, взглянув на часы, ты с удивлением обнаруживал, что последний автобус уже ушел.

Особенно запомнился мне такой случай. В одной из статей «Историографического сборника», как мне показалось, были откровенные недоработки, исторические неточности, хромал стиль. Перед разговором с Игорем Васильевичем я попытался, насколько мог, привести статью в надлежащий вид, а затем высказал свое мнение, что статья нуждается в доработке. Порох не был легким человеком. Он откровенно высказывал то, что думал. Мое мнение он воспринял неодобрительно. Мне показалось, что разговор на этом и кончится. Но Игорю Васильевичу в высшей степени был свойствен разумный деловой подход и чувство справедливости, он согласился еще раз посмотреть статью.

После второй или третьей правки он как-то просиял лицом и заметил: «*А замечания-то дельные...*» Словно камень упал с моей души. Мы просидели над этой работой час или полтора, и они навсегда запомнились мне как одно из самых ярких впечатлений. Это был настоящий мастер-класс.

Кропотливая работа с материалом, способность к глубоким и неординарным мыслям — только некоторые составляющие действительного труда. Есть и еще более неуловимые свойства истинного таланта, некая аура, материя, для которой нет определений и которую в широком смысле можно было бы назвать стилем: стилем мысли и стилем письма, стилем общения, дружбы и стилем

жизни. И. В. Порох остался у меня в памяти как человек стиля, его личность, его целостность — это был стиль. Когда он говорил о студенте со светлой головой, но неумеющем писать, он произносил полушутливо: «А этому я дам почитать Герцена...»

Мне много приходилось в то время работать с различного рода правками, и в каком-то юношеском задоре я считал, что добился чего-то в этом деле и кое-что умею. Полтора часа работы с Порохом над этой небольшой статьей показали мне, каким живым и быстрым умом обладал этот уже пожилой человек, какой огромный, богатый словарный запас был в его памяти и какая неистощимая выдумка. Мне ни тогда, ни до сих пор не приходилось встречать человека, который, переформулировав фразу, так точно извлекал бы из нее максимальный смысл и так ловко укладывал ее в чужой авторский стиль. Меня не покидает ощущение, что мы, молодые сотрудники факультета, в силу разных причин так никогда и не достигнем уровня старых профессоров.

Порох много значил для факультета, он имел огромный вес на кафедре, всегда был в центре общественных дел, был блестящим тамадой за столом. Он во многом был душой факультета, и с его уходом факультет лишился части своей большой души, значительной части... Пороха нечем заменить, без него стало пусто в коридорах и аудиториях, трудно, собираясь на истфак, сознавать, что его больше нет...

*С. А. Мезин
Д. Е. Луконин*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И. В. ПОРОХА¹

1992

1. Н. М. Дружинин — историограф Северного общества декабристов // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения. Сб. докл. и сообщ. М. С. 276–289.

1993

2. Кто аноним из «Полярной звезды»? // Декада науки. Саратов. С. 18–21.

3. Александр I и декабристы // История. Общество. Личность. Саратов. С. 36–37.

4. Подготовка текста, вводная статья, комментарии. Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск. 400 с. (в соавторстве с Вас. И. Порохом).

5. Ред.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов. 272 с.

1994

6. А. И. Герцен в письмах своих идейных противников (конец 50-х — начало 60-х гг. XIX в.) // Историкографический сборник. Вып. 16. Саратов. С. 67–78.

¹ Библиографию работ И. В. Пороха за 1951–1992 гг. см.: Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992. С. 20–30.

7. А. И. Герцен о Северной Америке и России // История России: диалог российских и американских историков. Саратов. С. 196–209.

8. Из эпистолярного наследия С. Н. Чернова (письма к Е. Н. Кушевой) // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов. С. 110–112.

9. Ред.: Историографический сборник. Саратов. Вып. 16. 168 с. (отв. редактор).

1995

10. А. И. Герцен и Александр II // Дом Романовых в истории России. СПб. С. 197–203.

11. Факты или методы исследования (к вопросу об авторстве «Записок» Горбачевского) // Отечественная история. 1995. № 1. С. 211–215.

12. Историзм герценовской концепции преобразования России // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов. Ч. 2. С. 3–15.

13. Ред.: Очерки истории Саратовского Поволжья.. 1855-1894. Т. 2, ч. 1. Саратов. 320 с.

14. К читателю, глава. IV, заключение // Там же. С. 5–12, 75–99, 301–302.

15. Запечатленная действительность // Земское обозрение. 6 января.

1996

16. Герцен о России // В раздумьях о России (XIX век). М. С. 230–242.

17. Ред.: *Пыпин А. Н.* Мои заметки. Саратов. 332 с.

1997

18. К вопросу о продажных ценах в России на издания Вольной русской типографии // Освободительное движение в России. Вып. 16. Саратов. С. 86–91.

19. «Высочайшая резолюция» Александра II // Литературное наследство. Т. 996 Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 2. М. С. 731–740.

20. У Герцена и Огарева // Там же. С. 752–758.

21. Завещание Николая I // Земское обозрение. 30 июля

1998

22. М. И. Семевский в Москве (октябрь 1855 – июль 1856) // Россия в XIX–XX вв. СПб. С. 147–159 (в соавторстве с Вл. И. Порохом).

23. Ред.: Историографический сборник. Вып 17. Саратов. 140 с. (отв. редактор).

24. «Это вечная Голгофа русского образованного человека...» (по поводу доносов на И. И. Введенского) // Там же. С. 100–107 (в соавторстве с Вл. И. Порохом).

1999

25. Нетленное прошедшее // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958. Саратов. С. 71–80.

26. Из писем С. Н. Чернова к Е. Н. Кушевой // Историк и историография. Саратов. С. 49–51.

27. Александр II — папе Пию IX // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов. С. 121–136.

28. Ред.: Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1917. Т. 2, ч. 2. Саратов. 431 с.
29. К читателю, заключение // Там же. С. 5–12, 417–419.
30. Ред.: Историографический сборник. Вып. 18. Саратов. 250 с. (отв. редактор).
31. Рец.: Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка (1944–1954). М., 1998. 410 с. // Там же. С. 234–244.
32. Ред.: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов. 224 с.
33. Ред.: *Порох Вл. И.* Офицер, историк, издатель: Все о Семейском. Саратов. 152 с.
34. Ред.: *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов. 214 с.

В ПЕЧАТИ

Научные связи Саратовского и Санкт-Петербургского университетов (1909–1999) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета (в соавторстве с А. И. Аврусом).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И. В. ПОРОХА[1]

1992

1. Н. М. Дружинин — историограф Северного общества декабристов // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения. Сб. докл. и сообщ. М. С. 276–289.

1993

2. Кто аноним из «Полярной звезды»? // Декада науки. Саратов. С. 18–21.

3. Александр I и декабристы // История. Общество. Личность. Саратов. С. 36–37.

4. Подготовка текста, вводная статья, комментарии. *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. Иркутск. 400 с. (в соавторстве с Вас. И. Порохом).

5. Ред.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов. 272 с.

[1] Библиографию работ И. В. Пороха за 1951–1992 гг. см.: Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992. С. 20–30.

1994

6. А. И. Герцен в письмах своих идейных противников (конец 50-х — начало 60-х гг. XIX в.) // Историографический сборник. Вып. 16. Саратов. С. 67–78.
7. А. И. Герцен о Северной Америке и России // История России: диалог российских и американских историков. Саратов. С. 196–209.
8. Из эпистолярного наследия С. Н. Чернова (письма к Е. Н. Кушевой) // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов. С. 110–112.
9. Ред.: Историографический сборник. Саратов. Вып. 16. 168 с. (отв. редактор).

1995

10. А. И. Герцен и Александр II // Дом Романовых в истории России. СПб. С. 197–203.
11. Факты или методы исследования (к вопросу об авторстве «Записок» Горбачевского) // Отечественная история. 1995. № 1. С. 211–215.
12. Историзм герценовской концепции преобразования России // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов. Ч. 2. С. 3–15.
13. Ред.: Очерки истории Саратовского Поволжья.. 1855-1894. Т. 2, ч. 1. Саратов. 320 с.
14. К читателю, глава. IV, заключение // Там же. С. 5–12, 75–99, 301–302.
15. Запечатленная действительность // Земское обозрение. 6 января.

1996

16. Герцен о России // В раздумьях о России (XIX век). М. С. 230–242.
17. Ред.: *Пыпин А. Н.* Мои заметки. Саратов. 332 с.

1997

18. К вопросу о продажных ценах в России на издания Вольной русской типографии // Освободительное движение в России. Вып. 16. Саратов. С. 86–91.
19. «Высочайшая резолюция» Александра II // Литературное наследство. Т. 996 Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 2. М. С. 731–740.
20. У Герцена и Огарева // Там же. С. 752–758.
21. Завещание Николая I // Земское обозрение. 30 июля

1998

22. М. И. Семевский в Москве (октябрь 1855 – июль 1856) // Россия в XIX-XX вв. СПб. С. 147–159 (в соавторстве с Вл. И. Порохом).

23. Ред.: Историографический сборник. Вып 17. Саратов. 140 с. (отв. редактор).

24. «Это вечная Голгофа русского образованного человека...» (по поводу доносов на И. И. Введенского) // Там же. С. 100–107 (в соавторстве с Вл. И. Порохом).

1999

25. Нетленное прошедшее // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958. Саратов. С. 71–80.

26. Из писем С. Н. Чернова к Е. Н. Кушевой // Историк и историография. Саратов. С. 49–51.

27. Александр II — папе Пию IX // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов. С. 121–136.

28. Ред.: Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1917. Т. 2, ч. 2. Саратов. 431 с.

29. К читателю, заключение // Там же. С. 5–12, 417–419.

30. Ред.: Историографический сборник. Вып. 18. Саратов. 250 с. (отв. редактор).

31. Рец.: Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка (1944–1954). М., 1998. 410 с. // Там же. С. 234–244.

32. Ред.: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов. 224 с.

33. Ред.: *Порох Вл. И.* Офицер, историк, издатель: Все о Семевском. Саратов. 152 с.

34. Ред.: *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов. 214 с.

В ПЕЧАТИ

Научные связи Саратовского и Санкт-Петербургского университетов (1909–1999) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета (в соавторстве с А. И. Аврусом).

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ — ЗАПАД»

В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДЕКАБРИСТА М. С. ЛУНИНА

М. С. Лунин своим происхождением и воспитанием неразрывно связан с той культурной средой, которая формировалась в России на протяжении XVIII в. и границы которой могут быть отмечены двумя великими путешествиями на Запад: Великим посольством Петра I 1697–1698 гг. и европейским путешествием Н. М. Карамзина 1789–1790 гг. При всем различии эпох, характеров и целей путешествий Петра I и Карамзина их объединяла одна общая черта — взгляд на Европу как на мир разума и прогресса и представление о том, что у России нет иного пути развития, кроме того, что прошли все европейские народы. Великая французская революция внесла раскол в среду русского европеизированного дворянства. В начале XIX в. А. С. Шишков и его сторонники («старшие архаисты» в терминологии Ю. Н. Тынянова) выступали против европейской цивилизации и пророчили гибель России на путях западного развития. В то же время либерально настроенная молодежь, осуждая эксцессы французской революции, видела в ней обновление мира и установление тех нерушимых принципов, которые не могли быть поколеблены ни якобинской диктатурой, ни Наполеоном, ни реставрацией Бурбонов. Если раньше европеизм отождествлялся главным образом с просвещением, то теперь он все больше отождествляется с либерализмом. Утверждение Екатерины II: «Россия есть Европейская держава»², подтвержденное практически либеральными начинания Александра I, вселяло надежду, что русский народ в ближайшем будущем сможет пользоваться теми же правами и свободами, что и граждане передовых стран Европы.

Гражданин вселенной. Мир европейской культуры во всем ее многообразии был открыт Лунину с детства. Его учителями, приехавшими в Россию из разных стран, «были: англичанин Форстер, французы Вовилье, Батю и Картие. Швед Курулф и швейцарец Малерб»³. От них Лунин получил прекрасное знание иностранных языков и привычку к систематическому самообразованию. Языки для него не только «ключи современной цивилизации», но и важнейшая религиозно-философская проблема: «Одной из тяжких кар для людей было смешение языков: «смешаем Язык их» (Быт. XI. 7). Одним из величайших благ был дар языков: начали говорить на разных языках (Деян. Ап. II. 4)»⁴. Внутренней замкнутости иудаизма противопоставляется открытость христианства. Апостолы говорят на всех языках и обладают способностью понимать и быть понятыми людьми различных культур.

Наднациональное объединение людей на основе каких-либо высших принципов для Лунина всегда было выше национального самоопределения. По

² Наказ. Гл. 1. § 6.

³ Восстание декабристов М.; Л., 1927. Т. 3. С. 128.

⁴ Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 196. (Далее ссылки в тексте с указанием страницы.)

свидетельству близко его знавшего Ипполита Оже, Лунин еще в 1817 г. говорил: «Гражданин вселенной — лучше этого титула нет на свете»⁵. Эти слова являются ключом к пониманию культурной позиции молодого Лунина. Словосочетание *гражданин вселенной* — дословный перевод с французского *citoyen de l'univers*, которое в свою очередь является калькой с греческого πᾶσι κούμῃσι ρηπῆσιν.

В XVIII — начале XIX в. это была широко распространенная формула, противоположная культурной маске *патриота*⁶. Понятие *гражданин мира* встречается уже в «Опытах» Ф. Бэкона: «Если человек приветлив и учтив с чужестранцами, это знак того, что он гражданин мира и что сердце его не остров, отрезанный от других земель, но континент, примыкающий к ним»⁷. Эти слова Бэкон писал в одну из самых мрачных эпох европейской истории, в эпоху религиозных войн, крайней нетерпимости, костров инквизиции, процессов ведьм и т.д., когда образ врага становится навязчивой идеей массового сознания. Характеризуя эту ситуацию, французский медиевист Жан Делюмо пишет: «Потенциальные преступники, на которых может обрушиться коллективная агрессивность — это, прежде всего, иностранцы, путешественники, маргиналы и все те, кто не интегрирован в общество либо из-за нежелания принимать его верований, как, например, евреи, либо потому что в силу очевидных причин должны быть отброшены на периферию социальной сферы, как, например, прокаженные, либо просто потому, что они пришли откуда-то из другого места и уже поэтому кажутся подозрительными»⁸.

В такой обстановке космополитические идеи звучали как призыв к терпимости и взаимопониманию. Наибольшее распространение эти идеи получили во Франции в середине XVIII в., когда сложилась так называемая *Республика философов* — небольшая группа людей, говорящая от имени всего человечества с позиций Разума, грандиозным воплощением которого стала знаменитая Энциклопедия. Для французских энциклопедистов понятия *философ* и *гражданин вселенной* по сути тождественны. В этом они идут непосредственно от античной традиции⁹.

О. Голдсмит возводил идею мирового гражданства к Конфуцию: «Конфуций наставляет нас, что долг ученого способствовать объединению общества и

⁵ Из записок Ипполита Оже // Русский архив. 1877. № 4. С. 533.

⁶ Речь, разумеется, идет не о реальном чувстве любви к родине, которое может быть присуще человеку любых взглядов, как *западнику*, так и *руссофилу*, а о специфике культурного понимания проблемы «свое — чужое». *Патриот* в этом смысле тот, для кого границы между *своим* и *чужим* пространством являются жестко обозначенными, причем истина всегда связывается со *своим*, а *чужому* соответственно приписываются лживость и враждебность. Космополит всегда стремится к снятию перегородок между различными культурами и к установлению единой шкалы ценностей. В отличие от фиксированной точки зрения *патриота* точка зрения *гражданина вселенной* подвижна. Он может *свое* пространство воспринимать как *чужое* и, наоборот, в *чужом* видеть *свое*. Отграниченности национального бытия противопоставляется единство человеческого рода.

⁷ Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 378.

⁸ Delumeau J. La peur en Occident (XIV — XVIII siècle) Paris, 1978. P. 174.

⁹ Эта традиция восходит к Диогену Синопскому, который на вопрос, откуда он, отвечал: «Я гражданин мира» (*Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях, и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 254). См. также: Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1754. T. IV. P. 297.

превращению людей в граждан мира»¹⁰. Примером практического космополитизма могут служить слова англичанина, пожертвовавшего 10 гиней французам, находящимся в английском плену во время Семилетней войны: «Лепта англичанина, гражданина мира, французам пленным и нагим»¹¹.

Ближайшей к Лунину космополитической традицией были «Письма русского путешественника» Карамзина, с их основным тезисом: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами». Призывая людей к терпимости, Карамзин отстаивает свое право быть вне политических лагерей и партий, наблюдать, а не участвовать. Покидая революционный Париж, он писал: «Среди шумных волнений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной; смотрел на твоё волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры и не спорил»¹².

Однако *гражданин вселенной* Лунин в 1816 г. был далек от «беспечного гражданина вселенной» Карамзина, мирного путешественника, открывающего свою Европу. Его настроению в большей степени отвечали бунтарские идеи другого космополита, голландца по происхождению, прусского барона по социальному положению и французского революционера по убеждению Анархарсиса Клоотса. 14 июля 1790 г. во время праздника объединения Клоотс явился перед Национальным собранием во главе костюмированной процессии, представляющей народы мира, и провозгласил себя «главным апостолом Всемирной республики»

Считая, «что бунт — это священная обязанность каждого», Лунин верит в возможность быстрого освобождения человечества. При этом не имеет особого значения, где бороться за свободу: в Южной Америке или в России. Первое даже предпочтительнее, т. к. лучше соответствует общечеловеческим устремлениям Лунина. Его космополитизм окрашивается в испанские тона: «Для меня, — говорит он Ипполиту Оже, — открыта только одна карьера — карьера свободы, которая по-испански зовется *libertade*»¹³. И конечно же, не случайно «испанский» космополитизм молодого Лунина вызывает соответствующие ассоциации у романтически настроенного собеседника: «Это был мечтатель, рыцарь, как Дон-Кихот, всегда готовый сразиться с ветряною мельницей»¹⁴.

Член оппозиции. После восстания декабристов в политическом сознании Лунина происходят изменения. Он по-прежнему исходит из идеи единства мировой цивилизации и считает, что «истины не изобретаются, но передаются от одного народа к другому как величественное свидетельство их общего происхождения и общей судьбы»(12). Однако теперь романтическое бунтарство молодости отступает перед трезвым анализом правительственного курса: «Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам. Единственное оружие мое — мысль, то в ладу, то в несогласии с движением правительственным, смотря по тому, как находит она созвучия, ей

¹⁰ *Голдсмит* О. Гражданин мира. М., 1974. С. 51.

¹¹ Там же. С. 59.

¹² *Карамзин* Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 254; 321.

¹³ Из записок Ипполита Оже. С. 533.

¹⁴ Там же. С. 519.

отвечающие»(6), — пишет он в одном из своих сибирских писем. «Испанское» понимание свободы сменяется «английским» правовым сознанием. Не вооруженная борьба за свободу, а последовательное отстаивание прав человека с опорой на существующее законодательство и его постепенное усовершенствование становятся основой новой политической программы Лунина. Не признавая за Россией особенного пути развития и в то же время осознавая ее правовую отсталость от европейских стран, он не без иронии переводит английские политические понятия на язык российской действительности: «Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник, находящийся на поселении... В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции»(6). Различие между Россией и Англией соответствует различию между положением сибирского узника и члена Британского парламента. Однако из того, что английские оппозиционеры заседают в парламенте, а русские томятся в Сибири, еще не следует, что о последних нельзя рассуждать в системе английской правовой мысли.

«В английской печати, — пишет М. П. Алексеев, — декабристов в то время чаще всего изображали как просвещенных офицеров из дворян, воодушевленных идеями западного конституционализма; в стране, достигшей более высокой степени политической зрелости, полагали английские публицисты, выступление декабристов носило бы характер не вооруженного восстания, но скорее парламентской петиции или обращения к монарху»¹⁵. Развивая это положение, В. В. Пугачев отметил близость к подобного рода представлениям идей декабриста Н. И. Тургенева, который «не только принял этот взгляд, но учитывал его значение в борьбе за английскую общественность. В «России и русских» он хотел показать европейским читателям... что декабристы не преступники, а борцы с рабством»¹⁶.

В этом же направлении работала и мысль Лунина. За несколько лет до выхода в свет книги Н. И. Тургенева «Россия и русские» он высказывает, по сути дела, те же мысли о законности и закономерности появления тайных обществ в России и незаконности суда над ними. При этом свой «Разбор донесения Тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году» Лунин пишет на русском, французском и английском языках и просит сестру доставить текст за границу Н. И. Тургеневу для публикации, явно рассчитывая на поддержку европейского общественного мнения.

Детальное сопоставление взглядов Лунина и Тургенева на декабризм не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что при всей общности понимания сути декабристского движения в их позициях было весьма существенное различие. Тургенев — политический эмигрант, приговоренный на родине к смертной казни. Вся его жизнь после 14 декабря 1825 г. практически сводилась к стремлению оправдаться в глазах русского правительства и получить право вернуться в Россию. Почти все отечественные исследователи Н. И. Тургенева именно этими обстоятельствами объясняли его изображение декабристов как последователей либерального курса Александра I, и в силу этого считали его концепцию неискренней. И хотя недавно В. В. Пугачев доказал, что Тургенев

¹⁵ Алексеев М. П. Английские мемуары о декабристах // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1988. С. 333.

¹⁶ Пугачев В. В. Изображение декабристов Н. И. Тургеневым и английское правосознание // Запад. Россия. Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 352–361.

действительно думал так, как писал¹⁷, тем не менее его позиция казалась уязвимой не только потомкам, но и многим декабристам. Так, например, Н. А. Бестужев писал С. Г. Волконскому: «Тургенев видит только одно: свой приговор верховного уголовного суда, и всеми жалкими средствами старается доказать свою невинность; даже он не совестится для оправдания завинять Блудова, который ни душой, ни телом в этом не виноват, и производит его фамилию от блуда. Это стыдно!!! Видно, в характере русских не только не хвастаться своими добрыми делами, — но даже отпираться от них. Растопчин защищается от сожжения Москвы; Тургенев перед лицом всей Европы, не говоря уже о нас, его товарищах, отрекается от звания либерала, от участия в деле, которое теперь стало делом всей Европы, и старается доказать, что он какой-то а р и с т о к р а т б л а г о м ы с л я щ и й»¹⁸.

Совершенно иная реакция декабристов была на сочинения Лунина. Его обвиняли в непримиримости, в то время как его идеи, по сути, мало чем отличались от тургеневских. Многих из его союзников по Сибири раздражала сама политическая активность Лунина, продолжающего «действия наступательные». Понимая, что за этим могут последовать новые репрессии, которые прямо или косвенно отразятся и на окружающих, декабристы в своем большинстве без особого энтузиазма относились к лунинским сочинениям. В наиболее резкой форме такое отношение выразил И. Д. Якушкин: «Государственный преступник в 50 лет позволяет себе выходки, подобные тем, которые он позволял себе в 1800 году, будучи кавалергардом; конечно, это снова делается из-за тщеславия и для того, чтобы заставить говорить о себе»¹⁹.

Оценивая Тургенева и Лунина, декабристы исходят не из их идей, а из их общественной позиции. Тургенев, избежавший наказания и живущий в благополучной Европе, не может быть судьей в деле, правоту которого он не подтвердил своей судьбой. Лунин же не просто подтвердил, он желает еще больших лишений и гонений. По свидетельству С. П. Трубецкого, он «всегда говорил, что должен в тюрьме окончить свою жизнь»²⁰. Такая сознательная жажда мученичества не могла не служить укором тем, кто считал свою политическую деятельность завершённой. Слова Якушкина не что иное, как подсознательное стремление к самооправданию.

Главное отличие между Тургеневым и Луниным в том, что первый оправдывается перед Николаем I, а второй оппонирует правительству. Лунин тщательно разбирает «Донесение Следственной комиссии», анализирует проекты правительственных реформ, ставит под сомнение законность приговора, вынесенного декабристам, — и все это с позиций европейской общественно-политической и правовой мысли, и при этом без всякой выгоды для себя, без всякого желания оправдаться в чем-либо или же, наоборот, досадить правительству. Он ведет себя так, как будто он действительно находится в английском парламенте, а не в далекой Сибири и как будто не его судьба зависит от правительства, а, наоборот, историческая участь Николая I и его министров зависит от того, какой приговор вынесет им сибирский ссыльный.

¹⁷ Пугачев В. В. Изображение декабристов Н. И. Тургеневым... С. 352–361.

¹⁸ Бестужев Н. А. Статьи и письма. М.; Л., 1933. С. 268.

¹⁹ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 285–286.

²⁰ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 302.

Азартный охотник по натуре, Лунин органически не мог быть ничьей жертвой. Поэтому не его преследует правительство, а он преследует его своими сочинениями. При этом Лунин может одобрять отдельные действия или направления политики Николая I, но в любом случае это будет взгляд сверху вниз.

Ощущение собственного превосходства над петербургским двором Лунину давали два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что «выдающиеся люди эпохи оказались в сибирской ссылке, ничтожества во главе событий» (215). Во-вторых, Лунин убежден, что «влияние власти должно, в конце концов, уступить влиянию общественного мнения» (203). На себя декабрист смотрит, прежде всего, как на выразителя общественного мнения. На этом основано его противопоставление себя как человека себе же как политическому деятелю: «Как человек я всего лишь бедный изгнанник; как личность политическая я являюсь представителем системы, которую легче упразднить, чем опровергнуть»(211).

Принадлежность к определенной политической системе для Лунина является критерием, позволяющим отличить истинного политика от «политика поневоле» (перефразировка мольеровского «лекаря поневоле»). При этом важно, чтобы система не была единственной. Более того, она только тогда имеет смысл, когда ее представители «восстанавливают борение частей, необходимое для стройного целого... Именно диссонанс в общей гармонии приготавливает и создает совершенное согласие»(53; 166). В политике таким диссонансом является оппозиция. Как оппозиционер Лунин отстаивает принципы европейского буржуазного права перед лицом отечественного беззакония. «В нашем политическом строе, — пишет он, — пороки не злоупотребления, но принципы»(217), т. е. речь идет о порочности самой политической системы. В глазах Лунина это скорее плюс, чем минус, так как изменить систему в целом проще, чем бороться с отдельными злоупотреблениями. Поэтому «появление принципов порядка было бы тем более заметным и успешным»(217).

В этом отношении опыт Англии Лунину представляется наиболее продуктивным, так как «англичане заложили основы парламентского правления»(167). В «Розыске историческом» Лунин проводит широкие исторические параллели между Россией и Англией, исходя из общности исторического пути, по которому идут все европейские страны. Вывод, к которому он приходит, малоутешителен: «В несколько веков нашего политического быта мы едва придвинулись к той черте, от которой пошли англичане»(66). Имеется в виду договор, заключенный Иоанном Безземельным с восставшими против него баронами 15 июня 1215 г., т. н. Великая хартия, ставшая основой английского конституционализма. Если прошлое Англии есть будущее России, то «история должна... путеводить нас в высокой области политики. Наши учреждения очевидно требуют преобразований»(66).

Первую попытку таких преобразований с опорой на западноевропейский конституционный опыт предприняли декабристы. Их принадлежность к высшему сословию наложила на них обязанность «платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий»(55), т.е. быть защитниками народных интересов, которые они в силу своей просвещенности осознают в большей степени, чем сам народ. Поэтому Лунин всячески подчеркивает мысль, что дело тайного общества «было делом всей

России»(54). Считая восстание 14 декабря ошибочным и случайным явлением, Лунин ретроспективно видит конечную цель тайного общества не в свержении самодержавия, а в закреплённом конституцией договоре дворянства, представляющего народ, с монархом. Основанием для этого являются обещания самого Александра I «даровать конституцию русским, когда они в состоянии будут оценить пользу оной»(56). Поэтому задача декабристов заключалась не в подготовке восстания, а в том, чтобы заставить царя выполнить свое обещание, т. е. в подписании документа, подобного Великой хартии.

Лунин вовсе не склонен абсолютизировать ее значение даже для английского государственного строя. «Великой хартии присягали и подтверждали ее 35 раз, и, несмотря на это, она была поправа Тюдорами. Однако и в ту политически незрелую эпоху англичане, чтобы защитить ее, не взялись за оружие. Они оценили важность самих форм свободного правления, даже лишенных того духа, который должен их одушевлять; они вынесли гонения, несправедливости, оскорбления со стороны власти, лишь бы сохранить эти формы и дать им время укорениться»(119). На этом основании Лунин осуждает поляков, восставших в 1830 г. против Николая I, поправшего польскую конституцию. Это восстание не только не привело поляков к желаемой свободе, но и способствовало распространению самодержавного произвола²¹.

Польша всегда вызывала огромный интерес и симпатии Лунина. Это объясняется не только биографически, но и географически. Польша — западный рубеж России, пространство, где русская культура максимально приближена к европейской. Всячески подчеркивая черты сходства между Россией и Польшей, Лунин смотрит на перспективу их отношений по аналогии с Великобританией. «Может ли Польша пользоваться благами политического существования,сообразными с ее нуждами, вне зависимости от России? — Не более, чем Шотландия или Ирландия вне зависимости от Англии»(123).

Решение польского вопроса Лунин видит не в подчинении Польши российскому деспотизму, а, наоборот, в распространении на Россию принципов польской конституции, о чем говорил Александр I в своей варшавской речи 15 марта 1818 г.

Подавление польского восстания совпало с покорением Кавказа. Если в отношении Польши Россия должна выступать как восприимчива конституционных свобод, то в отношении Кавказа она сама является носителем цивилизации и прогресса. Поэтому не случайно убежденный западник Лунин отдает явное предпочтение восточному направлению внешней политики России, т. к. именно здесь Россия утверждает себя как европейская страна. Все действия России на западе независимо от их реальных военных или политических результатов оказываются проигранными в цивилизационном плане, и только на востоке российское превосходство не вызывает у Лунина никаких сомнений. «Каждый шаг на север принуждал нас входить в сношения с державами европейскими. Каждый шаг на юг вынуждает входить в сношения с нами. В смысле политическом взятие Ахалцика важнее взятия Парижа»(15).

²¹ Подробнее об отношении Лунина к польскому восстанию см.: *Эйдельман Н. Я.* Лунин. М., 1970. С. 231–239; *Перцева Т. А.* Польский вопрос в публицистике Лунина // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981. Вып. 2. С. 37–56.

Прогресс цивилизации движется с запада на восток. Именно в этом направлении передается общечеловеческий опыт от одного народа к другому. Россия в силу своего промежуточного положения между просвещенным Западом и варварским Востоком является как бы полупросвещенной-полуварварской страной. Лунин это демонстрирует, анализируя политику Николая I, где принятие необходимых мер сочетается с варварскими методами. Так, например, признавая право правительства на подавление польского восстания («оно не могло поступить иначе»)(120), Лунин резко критикует ту непропорциональную жестокость, с которой это восстание подавлялось: «Военные суды, разбирающие политические дела, пытки, применяемые ими, чтобы вырвать признания, и мучения, на которые они осуждают, — все это возмущает чувство справедливости русских людей»(120).

Другое дело Кавказ. Военное присутствие там России является «фактором цивилизации». Критикуя командующих русской армией на Кавказе (всех, кроме И. Ф. Паскевича и трех бывших членов тайного общества Н. Н. Муравьева, Н. Н. Раевского, И. Г. Бурцова), Лунин в целом одобряет политику Николая в этом направлении, видя в ней следование «идеям органическим», той линии, которую когда-то начали Сильвестр и Адашев, а потом продолжила Екатерина II. Подчеркивая, что на Кавказе «надо не только покорять, но и организовывать»(15), Лунин считает, что именно в этом организующем начале, прежде всего, проявляется европейское лицо России.

Desidero episcopatum²². Проблема «Россия–Запад» у Лунина получает не только политическую, но и религиозную трактовку. Противопоставлению «европейский конституционализм ↔ российский деспотизм» соответствует конфессиональная антитеза «католичество ↔ православие». Политические идеи Лунина не могут быть адекватно поняты без уяснения их связи с его религиозными убеждениями. То, что Лунин, по его собственному признанию, «был воспитан в римско-католической вере»(240), а среди его воспитателей были иезуиты, и то, что в Сибири его религиозность обостряется, — все это достаточно широко распространенное явление в той культурной среде, к которой он принадлежал. Важнее другое: почему Лунин, «ревностный католик», признающий «дух прозелитизма одной из главных черт католичества»(188), сам практически прозелитизма чужд? Более того, по свидетельству декабриста П. Н. Свистунова, «он держался правила ни в какие рассуждения и в прения о религиозных предметах не вступать, даже с людьми верующими»²³. Рассуждая о гражданском и политическом переустройстве России, Лунин нигде не говорит о возможности ее окатоличивания.

Для русского европеизированного дворянства рубежа XVIII–XIX вв. понятие «христианство», как правило, ограничивалось понятиями «католичество» и «протестантство». Православное духовенство, полностью подчиненное государству, с одной стороны, и практически не затронутое культурными преобразованиями Петра I — с другой, оставалось на вторых ролях. В своем распоряжении оно подчас не имело достаточно средств, чтобы противостоять иным конфессиям. По свидетельству Д. И. Завалишина, «само православное духовенство опровержение ложных учений заимствовало из противоположных,

²² Я желаю епископского сана (лат.)

²³ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1933. Т. 2. С. 293.

одинаково ложных же учений. Так против католицизма употребляли аргументы протестантизма и наоборот»²⁴.

Рационалистически настроенное дворянство отдавало предпочтение протестантству перед католичеством. Так, например, родной дядя Лунина М. Н. Муравьев писал: «Между тем как в католических областях немецкой земли понятия народные омрачены грубостью суеверия и невежества, протестантские земли, где царствует разумная свобода в разбирательстве мнений, отличаются общим распространением — просвещения и благонравия»²⁵.

Однако Лунин воспитывался в римско-католической вере и одно время, видимо, был близок к иезуитам. По свидетельству Свистунова, в Париже Лунин «обратился за помощью к пресловутым иезуитам Розавену и Гривелю»²⁶. Были у него и отношения с главным пропагандистом иезуитов в России Жозефом де Местром, признанным лидером общеевропейской католической реакции. По воспоминаниям декабриста А. Е. Розена, Лунин «был учеником и приверженцем известного Местра»²⁷. В несколько ином виде рисует отношения Лунина и Местра Свистунов: «Лунин еще до отъезда своего за границу в 1816 г. нисколько не занимался религиозными вопросами и, встречая графа де Местра в петербургских гостиных, соперничал с знаменитым стариком в остроумии и светской любезности». Далее Свистунов утверждает, что именно в Париже произошло обращение Лунина, откуда он вернулся «ревностным католиком»²⁸.

Во французской католической мысли начала XIX в. можно выделить несколько направлений. Первое из них было представлено Ф. Р. Шатобрианом в его фундаментальном труде «Гений христианства», впервые появившемся в 1802 г. и ознаменовавшем переход от философского скептицизма к пробуждению религиозного чувства. Сам Шатобриан свою заслугу видел, во-первых, в том, что «выпустил «Гений христианства» в пору, когда храмы наши были разрушены. Верующие сочли себя спасенными: в то время люди нуждались в вере, алкали религиозных утешений, которых долгие годы были лишены». Во-вторых, «этому сочинению обязаны сегодняшние французы любовью к средневековым постройкам: это я призвал, — пишет Шатобриан, — юный век восхищаться старыми храмами»²⁹. Шатобриан, как никто в мировой литературе, заставил своих читателей почувствовать древность и красоту христианской религии и явился создателем особой христианской эстетики.

Второе направление было представлено иезуитскими мыслителями и близкими к ним Ж. де Местром и Л. Г. Бональдом. Представляя так называемую ультрамонтанскую партию, эти авторы ратовали за возвращение к дореволюционной феодально-монархической системе под патронатом римского папы. В католицизме они видели оружие религиозно-политической борьбы. Вместе с тем они выступали защитниками чистоты католической веры и с этих позиций беспрестанно атаковали протестантство и православие. Последнее обстоятельство было во многом продиктовано возросшим после войны 1812 г. международным значением России и идеологией Священного

²⁴ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 121.

²⁵ *Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1847. С. 263–264.

²⁶ Воспоминания и рассказы. С. 293.

²⁷ *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 265.

²⁸ Воспоминания и рассказы. С. 292.

²⁹ *Шатобриан Ф. Р. де.* Замогильные записки. М., 1995. С. 290–293.

союза, инициатором которого выступил Александр I. Идеи универсального христианства, легшие в основу Священного союза, ультрамонтанами были признаны протестантскими, а России было отказано в праве называться цивилизованной страной, пока она не «вернется к центру единства» и ее религия, «ставшая союзницей правительства и перестав быть его рабой, преисполнится большим достоинством»³⁰. С этих же позиций писал о России и Ж. де Местр в знаменитом трактате «Du rare». Подводя итог своему многолетнему пребыванию в этой стране, Местр пришел к выводу, что православие, по сути, протестантская религия, а русское самодержавие не может считаться «европейской монархией». «У России, — заключал Местр, — только две перспективы: рабство или революция. Спасение только в католицизме»³¹.

И наконец, третье направление, оформившееся несколько позже, заключалось в стремлении соединить христианство с новым европейским порядком. Эти идеи по-разному высказывались такими авторами, как А. К. Сен-Симон, аббат Ламенне, П. С. Балланш и др.

Если Шатобриан, прославляя первые века христианства, связывал с ними все величие и красоту этой религии, не придавая при этом особого значения внутрехристианским различиям, то представители т. н. «нового христианства», также выступая с позиций его единства, считали, что оно должно быть обретено в новых исторических условиях. Для ультрамонтанов, наоборот, на первый план выдвигались различия между христианскими конфессиями, из которых только одна, католическая, признавалась истинной.

Лунину в равной степени были чужды, как воинствующий характер ультрамонтанства, так и стремление растворить католицизм в «новом христианстве». «Католическая церковь, — в его представлении, — это наибольшая и наидревнейшая христианская община. Она распространилась по всей земле и всегда была тою же. Она не произошла ни от какой иной, а все остальные произошли от нее»(175–176). С Шатобрианом Лунина роднит острое ощущение красоты видимых явлений католицизма: «Католические страны живописны и озарены поэзией, которую тщетно было бы искать в краях, где расширила свое господство Реформация. Различие это ощущается во множестве смутных впечатлений, которые трудно определить, но которые в конце концов пленяют сердце. То это увиденный путником на горизонте полуразрушенный монастырь, чей отдаленный колокол возвещает ему гостеприимный кров; то крест, воздвигнутый на холме, или Мадонна среди леса, указующие ему путь. Только вблизи этих памятников истинной веры услышишь романс, каватину или тирольскую песнь»(183).

В лунинском понимании христианской эстетики есть момент, приоткрывающий индивидуальность его пути к католицизму: «Католическая вера как бы зримо воплощается в женщинах. Она завершает их врожденное изящество, возмещает их недостатки и украшает равно дурнушек и красавец, подобно росе, украшающей все цветы. Католичку можно сразу узнать среди тысячи женщин по ее осанке, речи, взгляду. Во всем существе есть нечто сладостное, спокойное и безмятежное, указующее на присутствие истины.

³⁰ *Bonald* 1) *Réflexions sur l'intérêt général de l'Europe*. Paris, 1815. P. 17; 2) *Œuvres*. Paris, 1817. T. IV. P. 196.

³¹ *Maistre J.* *Œuvres complètes*. Lyon, 1884. T. V. P. 413–414.

Последуйте за нею в готический храм, куда она идет молиться: склонив колена пред алтарем, погруженная в полумрак, овеянная гармоническими звуками, она подобна тем посланникам небес, кои являются на землю, дабы открыть человеку его высокое предназначение. Только среди католичек мог Рафаэль найти прообраз Мадонны»(176). Эта запись имеет глубоко интимный подтекст. Она связана с увлечением Лунина польской красавицей Натальей Потоцкой, когда он служил в Варшаве в Гродненском гусарском полку³². О Потоцкой речь идет в одном из самых поэтических лунинских писем из Сибири. Но в этом отрывке есть и еще один, более глубокий, смысл. Упоминание Рафаэля отсылает к другому не менее поэтическому письму Лунина, которое в композиции русских писем из Сибири предшествует письму о Потоцкой. Речь идет о прогулке Лунина по берегу Ангары с Марией Волконской и ее сыном. «Сын ее — красоты Рафаэльской — резвился перед нами и, срывая цветы, спешил отдавать их матери».

Не разделяя версию авторитетнейшего знатока лунинской биографии Н. Я. Эйдельмана о влюбленности Лунина в М. Н. Волконскую, нельзя не отметить, что Лунина связывало с добровольной изгнанницей религиозное чувство. Не будучи красавицей, Волконская была наделена всевозможными душевными совершенствами. Для Лунина это неисчерпаемое душевное богатство, преобразующее весь облик женщины, являлось одним из признаков католической веры. Чуждый всякого прозелитизма и, видимо, не смея заговорить с Волконской о преимуществе своей веры, Лунин в глубине души горько сожалел о ее православии. Вряд ли можно сомневаться, что именно Волконская имеется в виду в следующей записи: «Когда существа, наделенные разумом и чувством, способные любить Бога, из-за ереси лишены этого счастья и в земной жизни и в будущей, такое зрелище весьма печально. Ценой всех мук жизни и чистилища хочется извлечь из тьмы *одну из этих душ*» (курсив мой. — В. П.) (189).

Понимая религию как сугубо внутреннее дело человека, Лунин никогда не использует ее в политической борьбе. Политика и религия для него непересекающиеся прямые. Первая регулируется разумом, вторая неподвластна рациональному суждению. Попытки рационализировать религию приводят к протестантству, которая для Лунина есть «религия ограниченных умов». В отличие от католицизма, дарующего человеку спасение и счастье, протестантство лишь поработает ум и в конечном итоге ведет к атеизму. Любопытно, что Лунин связывает католицизм с республиканским строем, и в этом коренным образом расходится с Местром и его сторонниками, а протестантство — с абсолютизмом(198). И хотя исторически это выглядит как натяжка, мысль Лунина заключается в том, что католики внутренне более свободны, чем протестанты, и это является залогом того, что в их среде скорее может установиться справедливое правление.

Следуя католическим мыслителям, Лунин не делает принципиального различия между протестантством и православием, подчеркивая их вторичный характер по отношению к католицизму. Схизму, как и Реформацию, он объясняет не религиозными, а политическими причинами: «Раскол греков есть дело политическое, а не религиозное... В истории реформации то же явление»(180). Но как только церковь становится оружием политики, она сразу

³² Подробнее см.: Сливовская В., Эйдельман Н. «...Мечты моей юности» // Наука и жизнь. 1974. № 10. С. 138–140.

же утрачивает изначально присущие ей функции, и ее судьба теперь зависит от ее новых властей. Если католическая церковь, сохраняя свою независимость от мирской власти, на протяжении веков остается неизменной, то судьбы реформатской и православной церквей сложились по-разному в зависимости от политических отношений на Западе и на Востоке. Протестанты, поделив власть над церковью со светскими властями, «уступили капитал с тем, чтобы пользоваться процентами. Этим объясняются их быстрые успехи и оседлость настоящего положения»(181). Православное духовенство, «не имея сметливости реформаторов», полностью подчинило себя государству. Отсюда его дальнейшее деление. «Дом их разделился. Патриархи и митрополиты, враждуя между собою, не могут определить взаимных отношений. Одни сгибаются под палку мусульманина, другие покорствуют тайной полиции, третьи вводят расколы, все служат дьяволу, чтобы сохранить призрак власти над участками стада, ими же на погибель увлеченного»(181). Главная беда православия, по мнению Лунина, в том, что «служители церкви являются вместе с тем и слугами государя»(164). Поэтому Лунин не может допускать участия религии в политической борьбе, т. к. это неминуемо ведет к огосударствлению церкви.

Свою задачу католика Лунин видит в борьбе с ересью, подобно тому как первые католики боролись с язычеством: «Предшественники наши имели дар языков; мы говорим на всех языках, проповедуя *примером собственного поведения*» (курсив мой. — В. П.) (187). В этом суть лунинского понимания прозелитизма. Он не ведет прямой пропаганды среди окружающих его людей, не стремится к их обращению, как это делают иезуиты, подчас не без вреда для проповедуемой ими же веры. Только личный пример способен повести за собой людей. Поэтому на первый план выдвигается строительство собственной личности. Не видя спасения вне церкви, Лунин стремится не просто к воцерковлению, но и к тому, чтобы занять в церкви подобающее его умственным способностям место. Когда он говорит о своем желании стать епископом(172), в этом нет гордыни. «Не будем смешивать, — пишет он, — смирение и самоуничтожение. Первое возвышает нас, второе принижает. Когда речь пойдет о добродетелях, займем последнее место; когда коснется ума, займем то, которое назначило нам Провидение. «Не будьте дети умом» (1 кор. XIV. 20). Умственный уровень определяется столь же легко, как рост»(190). В епископском сане Лунин видит не награду за добродетели, а соответствующее своему внутреннему призванию и умственному уровню служение.

Как католик, Лунин руководствуется высокими примерами Церкви в лице ее святых. Любимым его чтением в Сибири становится «Acta sanctorum» (Жития святых). Это многотомное издание болландистов, растянувшееся на несколько веков, служило ссыльному декабристу материалом для строительства собственной личности. «Мы заблуждаемся, — заносит он в Записную книжку, — когда отвергаем пример святых, считая его для нас непосильным. Илия был такой же человек, как мы, подверженный тем же страстям, говорит апостол Иаков. Илия был человек, подобный нам (Посл. Иак. V. 17) Кто Аполлос? Кто Павел? Они только служители, которым вы поверили (I кор. III. 4.5)» (187).

В то же время, как политик, Лунин воодушевляется примерами античных героев, подвергшихся тяжелому наказанию, но не павших духом. Он делает выписки из сочинений античных авторов о знаменитых изгнанниках, продолжавших даже в изгнании служить своему отечеству. Однако, следуя их примеру, Лунин делает различие между материализмом язычников и

духовными устремлениями христианина: «Последним желанием Фемистокла в изгнании, — пишет он, — было, чтоб перенесли остатки его в отечество и передали родной земле; последнее желание мое в пустынях Сибирских — чтоб мысли мои, по мере истины, в них заключающейся, распространялись и развивались в уме соотечественников»(5).

Включение античности в круг лунинских размышлений над проблемой «Россия — Запад» довершает общую картину и придает ей специфически лунинский смысл. Между двумя этими мирами, из которых один является цивилизованным и просвещенным, а другой нуждающимся и в том и в другом, находится личность русского европейца, примиряющая эти противоречия и несущая в себе мощное просветительское начало. При этом в духе русской традиции личность того, *кто* говорит, оказывается важнее того, *что* говорят, а внутреннее преобразование души неизбежно предшествует внешнему преобразованию мира.

Взгляды Лунина на проблему «Россия — Запад» формировались в 1810-е гг., а окончательно оформились и воплотились в тексты на рубеже 1830–1840-х гг., когда в России начинались споры западников и славянофилов. На этом фоне идеи Лунина, ничего не знающего об этих спорах, выглядели несколько архаично. Однако в более широком контексте русской культуры сибирские сочинения декабриста являются одним из ярчайших примеров единства жизни и творчества. Стоящие за ними высокий строй души «узника с гордо поднятой головой» (С. Б. Окунь), кристальная ясность ума и неповторимое обаяние стиля, а главное, неудержимое желание сказать правду во весь голос — ставят Лунина в один ряд с выдающимися отечественными мыслителями.

О. В. Кочукова

К. Д. КАВЕЛИН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История либерализма в России — это прежде всего история жизни и борьбы тех выдающихся деятелей общественного движения, которые разрабатывали либеральное учение и пытались воплотить его в реальность. Либеральная идеология, будучи в значительной степени индивидуалистической, уже по своему существу не может быть одноцветной. Тем более это справедливо в отношении России XIX в., представлявшей сложную картину социальных противоречий и невероятной напряженности работы общественной мысли. С именем К. Д. Кавелина (1818–1885) связано существование одного из оттенков либерализма, отличавшегося от взглядов многих других либералов. Но тем не менее далеко не случайно в исторической науке именно фигура Кавелина

всегда воспринималась как ключевая для понимания истории либерализма в целом.

Типичным либералом Кавелин был и для В. И. Ленина³³, и для американского историка Д. Филда, назвавшего свою статью «К. Кавелин и русский либерализм»³⁴. Причина заключается, пожалуй, в той общественной роли Кавелина, которую признавали все современники.

В. Д. Спасович писал о нем: «По своей специальности — юрист, а по своему темпераменту — острый критик и реформатор, К. Д. Кавелин был как бы создан на то, чтобы стоять во главе движения и быть руководителем прогрессивной партии. Сила притяжения, которою он располагал, была громадная; ей подчинялись люди всевозможных возрастов, национальностей, занятий и классов. Он имел все качества мощного лидера..., бесконечную привязанность к идеям общественного, национального или общечеловеческого добра»³⁵. Именно поэтому историю изучения взглядов и деятельности Кавелина невозможно вычленивать из общей историографии либерализма в России.

Изучение русской либеральной мысли в отечественной исторической науке началось в конце XIX — начале XX в., причем первые ее исследователи сами придерживались либеральных убеждений. Дореволюционную либеральную историографию отличало признание гуманистического содержания русского либерализма. Исследователи акцентировали общегосударственное, а не сословно-классовое содержание либерального учения в России, отмечали особую роль либеральной общественности в осуществлении реформ 60–70-х гг. XIX в.³⁶ В оценке различных политических сил накануне реформ характерной в либеральной историографии была мысль об общем демократическом содержании либерализма и радикальной демократии. Например, Н. А. Котляревский писал: «Либералы... как идеологи и как общественные деятели были открытыми противниками сословного начала и демократами в принципе»³⁷. И Н. А. Котляревский и А. А. Корнилов не были склонны возводить стену между деятелями радикально-демократического и либерального движения. Они видели общие черты в мировоззрении Герцена-демократа и Кавелина-либерала. В концепции А. А. Корнилова возобладала идея о единстве русского просвещенного общества в конце 1850-х гг., существовании общей программы «либерально-демократического лагеря», противостоявшего консервативным силам³⁸.

Таким образом, в дореволюционной историографии существовали некоторые общие подходы к оценке либерализма в России, которые явственно прослеживаются и в исследованиях о Кавелине.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 13; Т. 5. С. 33.

³⁴ Field D. Kavelin and Russian Liberalism // *Slavic Review*. 1973. V. 32, № 1.

³⁵ Спасович В. Д. Воспоминания о К. Д. Кавелине // *Кавелин К. Д. Собр. соч.* СПб., 1898. Т. 2. С. X.

³⁶ См., напр.: Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов: Исторические очерки. 3-е изд., доп. СПб., 1906. С. 477–484; Гершензон М. О. Исторические записки (О русском обществе). М., 1910. С. 137, 139, 145; Иванюков И. Падение крепостного права в России. СПб., 1903. С. 6.

³⁷ Котляревский Н. А. Канун освобождения. 1855–1861. Пг., 1916. С. 37.

³⁸ Корнилов А. А. Основные течения правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 37. *Его же.* Курс истории России XIX века. М., 1918. Ч. 2. С. 226.

Первым биографом К. Д. Кавелина был его племянник, впоследствии профессор Казанского университета, Д. А. Корсаков. Он впервые ввел в научное использование значительное количество различных источников, содержащих сведения о Кавелине, и предпринял попытку осмыслить значение его деятельности³⁹. Источниковая основа работ Корсакова и отраженный в них фактический материал представляют интерес и для современных исследователей. Д. А. Корсаков обратил, кроме того, внимание на большую роль деятельности Кавелина в создании основ нового, либерального общества в России, в подготовке преобразований 60-х гг. Исследователь осуществил большой труд по публикации научного и публицистического наследия Кавелина и создал первые научные комментарии к нему. Критики в отношении воззрений Кавелина Корсаков не проявлял. Но она содержится в исследованиях других дореволюционных авторов.

Так, Б. И. Сыромятников в статье «К. Д. Кавелин» обратил внимание на определенную утопичность взглядов Кавелина, которую связывал с эклектизмом его мировоззрения, чрезмерно примирительной тактикой и приверженностью устаревшей идее сочетания абсолютизма с «общим благом»⁴⁰. По мнению другого исследователя — В. А. Мякотина, утопизм Кавелина выражался в недооценке экономических противоречий и обостренном стремлении к гармонизации общественной жизни, в идеалистических воззрениях на исторический процесс⁴¹. Вместе с тем, думается, В. А. Мякотин преувеличивал «идеализм» Кавелина, а его идейную эволюцию понимал упрощенно (исключительно как усиление славянофильского мировоззренческого компонента).

Многие дореволюционные исследователи отмечали своеобразные убеждения К. Д. Кавелина в отношении крестьянского вопроса как возможный «ключ» к разгадке всей системы его взглядов. Интересны размышления А. Н. Пыпина, которые представляют собой фактически первую попытку интерпретации теории «мужицкого царства» Кавелина⁴² и исследование А. К. Бороздина об отношении Кавелина к крестьянскому вопросу. А. К. Бороздин сделал вывод о наличии устойчивой основы в системе взглядов Кавелина (защита интересов крестьян). Вместе с тем спорно объяснение аграрной концепции Кавелина исключительно высокими моральными побуждениями представителя «эпохи 40-х годов»⁴³.

Содержательна небольшая статья П. Б. Струве о Б. Н. Чичерине в сборнике «На разные темы». Определенные особенности представлений Кавелина об идеальном общественном устройстве дали Струве повод говорить о «либерально-народническом эклектизме» первого. Сравнение взглядов

³⁹ Корсаков Д. А. Материалы для биографии К. Д. Кавелина // Вестник Европы. 1886. № 5–6; 1887. №2, 4, 5, 8; 1888. № 5; Его же. Жизнь и деятельность Кавелина // Кавелин К. Д. Соч. СПб., 1897. Т. 1.; Его же. К. Д. Кавелин //Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. СПб., 1897.

⁴⁰ Сыромятников Б. И. Кавелин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 179–181, 196.

⁴¹ Мякотин В. А. Публицистическая деятельность Кавелина // Русское богатство. 1902. № 9. С. 84.

⁴² Пыпин А. Н. Кавелин и народнические теории // Кавелин: Из первых воспоминаний о покойном. СПб., 1885. С. 37–39.

⁴³ Бороздин А. К. Литературные характеристики. XIX век. Т. 2, вып. 1. СПб., 1905 (глава «Кавелин в отношении к крестьянскому вопросу»).

Чичерина и Кавелина в статье П. Б. Струве имеет концепционное значение. Фактически так была поставлена проблема дифференциации либерализма в России, выводимая из сравнения русского и европейского либерализма. По мнению Струве, в России, как и в Германии, (в отличие от Англии, Франции и Северной Америки), переживавшей затяжной процесс разложения докапиталистических отношений, «чистый» либерализм не мог иметь реальной силы и неизбежно должен был впитать в себя посторонние элементы. Поэтому «чистому» либерализму Чичерина с его «консервативно-доктринерским» содержанием Струве и противопоставил «либерально- народнический эклектизм» Кавелина⁴⁴.

Итак, разными дореволюционными исследователями были подмечены интересные особенности общественно-политических воззрений Кавелина — склонность к более решительным предложениям в социальных вопросах и, наряду с этим, умеренность и осторожность в вопросах политических. «Антиконституционализм» Кавелина (так же как и многих других либералов) А. А. Корнилов отмечал как одну из разновидностей либерализма⁴⁵. В данном случае проблема дифференциации либерализма в России связывалась с расхождениями о политическом устройстве России. По этому же принципу выделял два течения в либеральном западничестве 70–80-х гг. В. Е. Чешихин-Ветринский, относивший к умеренному его направлению редакцию «Вестника Европы», к которой был близок Кавелин⁴⁶.

Определенный научный интерес представляют дореволюционные исследования, появившиеся в начале XX в. и представлявшие уже критическое отношение к либерализму XIX в. В условиях подъема общественного движения усилилась критика либерализма XIX в. как слишком умеренного политического течения. Показательна книга С. Г. Сватикова «Общественное движение в России (1700–1895)». Тактика либералов (особенно на рубеже 1870–1880-х гг.) оценивалась им отрицательно как излишне осторожная и двойственная (попытка добиться расширения самоуправления от правительства «в обмен» на поддержку его борьбы против «крамолы»)⁴⁷. Если книга Сватикова еще в целом не выходила за рамки либеральной концепции, то работы Н. И. Иорданского и Б. Б. Веселовского уже порывали с ней. Этих авторов объединяло принципиально отрицательное отношение к «антинародному либерализму», в основе которого они видели «классовое недоверие и классовую неприязнь к народу». Взгляды Кавелина хотя и назывались Иорданским «либеральным народничеством», но это «народничество» оценивалось им как «убогое» и серьезно не рассматривалось⁴⁸. Впрочем, в целом такая оценка либерализма в дореволюционной исторической науке не получила широкого распространения.

⁴⁴ Струве П. Б. Чичерин и его обращение к прошлому // Струве П. Б. На разные темы. (1893 — 1901): Сб. статей. СПб., 1902. С. 86–95.

⁴⁵ Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II. М., 1909. С. 119–120.

⁴⁶ Чешихин-Ветринский В. Е. Общественное движение в царствование Александра II // Три века. Исторический сборник / Под ред. В. В. Каллаша. М., 1913. Т. 6. С. 125–126.

⁴⁷ Сватиков С. Г. Общественное движение в России (1700 — 1895). Ч. II. Ростов н/Д, 1905. С. 145–147, 65–67.

⁴⁸ Иорданский Н. И. Земский либерализм. М., 1905. С. 24–27, 30, 18–19; Веселовский Б. Б. Земские либералы. СПб., 1906. С. 3–4.

Можно утверждать, что до сих пор некоторые выводы дореволюционных историков продолжают представлять научный интерес⁴⁹. Но еще не был осуществлен тщательный анализ источников по истории либерального движения, многие его стороны оставались неизученными.

Советская историография, несомненно, продвинулась вперед в конкретном изучении освободительного движения в России, но при этом либерализм был оттеснен на второй план в связи с повышенным вниманием исследователей к революционной демократии. Прогрессивность деятельности либералов признавалась только с существенными оговорками. Это было неизбежным следствием постоянного присутствия в исторической науке «идеологических рамок», заданных высказываниями В. И. Ленина о либерализме. Сугубо отрицательное отношение к либерализму («утопия либералов развращает демократическое сознание масс»⁵⁰) объяснялось политической заостренностью ленинских статей.

Для последующего развития советской историографии важно следующее. Ленин отвергал традиционный подход дореволюционных историков к расстановке сил накануне реформ 1860-х гг. и считал, что борьба крепостников и либералов никогда не имела первостепенного значения. По его мнению, это была всего лишь борьба «внутри господствующего класса, большей частью внутри помещиков, ... исключительно из-за меры и формы уступок» при незыблемости «собственности и власти помещиков»⁵¹. Поэтому впоследствии советская историография, в соответствии с утверждениями Ленина, перенесла основную разделительную линию в общественной борьбе середины XIX в. в сторону противостояния либералов и радикальных демократов.

Высказывания Ленина, помимо того, стали роковыми для «судьбы» Кавелина в советской исторической науке. Кавелин был для Ленина воплощением всего отрицательного в либерализме, одним из «отвратительнейших типов либерального хамства»⁵².

Вполне понятно и то, что советская историческая наука обратилась к мало исследованному дореволюционными историками вопросу о социально-классовом содержании либерализма. Именно этот вопрос приобрел центральное значение. Традиционным стало признание объективно буржуазного значения либеральной программы, но при этом подчеркивалась специфика русского либерализма: его социальной опорой выступало дворянство. Такая концепция была предложена М. Н. Покровским, который рассмотрел проект освобождения крестьян, составленный Кавелиным. Исследователь пришел к выводу, что этот проект имел целью дать средства и капиталы для буржуазной перестройки помещичьих хозяйств. Покровский явно преувеличивал либерализм основной дворянской массы и поэтому представил противостояние либералов-государственников (к числу которых относился

⁴⁹ Среди дореволюционных исследований, освещающих отдельные стороны обширного научного наследия К. Д. Кавелина, следует также отметить: *Мякотин В. А.* К. Д. Кавелин и его взгляды на русскую историю // Русское богатство. 1898. № 2; *Милюков П. Н.* Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. № 6; *Троицкий М. К.* Д. Кавелин: Страница из истории философии в России // Русская мысль. 1885. Кн. 11.; *Гольцев В.* Нравственные идеи Кавелина // Русская мысль. 1892. Кн. 6.

⁵⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 119.

⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.

⁵² Там же. Т. 18. С. 13.

Кавелин) дворянам-конституционалистам как результат простой политической близорукости⁵³.

В 50-е гг. мысль о дворянском характере либерализма на примере взглядов К. Д. Кавелина развил Н. А. Цаголов. То, что не вписывалось в общую концепцию дворянского либерализма, Цаголов смог легко «обезвредить». Так, тезис Кавелина о самостоятельности и экономической независимости крестьянского хозяйства от помещичьего он назвал «лицемерным», а причины защиты Кавелиным общины свел к «полицейским соображениям»⁵⁴.

До конца 50-х гг. в советской исторической науке история либерального движения еще не утвердилась в качестве исследовательской тематики, хотя в 40-е гг. С. С. Дмитриев и Н. Л. Рубинштейн высказали некоторые интересные мысли о славянофильстве и западничестве как различных либеральных течениях⁵⁵. Но только в конце 50-х гг. либеральное движение привлекло пристальное внимание В. Н. Розенталя и с тех пор стало предметом специальных исследований.

Следует признать то, что В. Н. Розенталь внесла немалый вклад в изучение русского либерализма 1840–1850-х гг. в его петербургском (кружок Кавелина и братьев Милютиных) и московском центрах. В ее работах были выявлены связи либеральной общественности и либерального чиновничества, их роль в подготовке освобождения крестьян, изучены обстоятельства обращения К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина к Вольной русской типографии А. И. Герцена⁵⁶. Но в концепции Розенталя возобладала недооценка исторической роли либерального движения и степени его оппозиционности. Исследовательница подчеркивала прогрессивность либерализма только в связи с отношением к крепостному праву. Вряд ли можно согласиться с тем, что русский либерализм был программой союза с царской властью для проведения «некоторых реформ», «шторки и чинки» существующего строя⁵⁷. Подобная оценка ближе к характеристике консерватизма консервативного толка. Отрицательное отношение к либерализму нашло отражение в утверждениях, подобных следующему: либералы «любили поговорить о свободных формах жизни, о политическом гнете в стране и бесправии народа, но за гуманными фразами о служении народному благу выявлялось политическое краснбайство и либеральное лакейство перед властью»⁵⁸.

Среди концепционных положений В. Н. Розенталя — мысль о глубоком антагонизме революционеров-демократов и либералов, который проявился уже в конце 1840-х — начале 1850-х гг. К анализу богатого фактического материала, связанного с отношениями Кавелина с А. И. Герценом, Н. А. Добролюбовым,

⁵³ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 4. М.; Л., 1925. С. 77–80, 94–96.

⁵⁴ Цаголов Н. А. Теория и программа дворянского либерализма в работах К. Д. Кавелина // История русской экономической мысли. Т. 1, ч. 2. М., 1958. Гл. 21.

⁵⁵ Дмитриев С. С. Западники и славянофилы // Молодой большевик. 1941. № 11; Его же. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1940. С. 274, 291.

⁵⁶ Розенталь В. Н. Петербургский кружок Кавелина в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. // Ученые записки Рязанского педагогического института. 1957. Т. 16; Ее же. Первое открытое выступление русских либералов в 1855–1856 гг. // История СССР. 1958. № 2; Ее же. Русский либерал 50-х гг. XIX в. // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. М., 1974. Т. 6.

⁵⁷ Розенталь В. Н. Петербургский кружок... С. 198.

⁵⁸ Там же. С. 192.

Н. Г. Чернышевским, Розенталь подходила предвзято, акцентируя лишь моменты несовпадения во взглядах и открытые конфликты. Между тем несовпадение социальных взглядов и политических убеждений Кавелина и революционных демократов, конечно же, реальный исторический факт, но признание его не должно затенять и определенных моментов близости в идейных установках, в отношении к расстановке сил в политической борьбе в России и т.п. Иными словами, исследовательница полностью обошла вниманием сложность и многогранность проблемы. Помимо того, не была представлена эволюция в отношениях либералов и радикальных демократов.

В. Н. Розенталь осталась верна своей концепции и в 1974 г., когда она написала статью «Русский либерал 50-х годов». В этой статье по-прежнему подчеркивался антагонизм либерализма и революционной демократии, а позиция Кавелина после 1861 г. была оценена как однозначно консервативная⁵⁹. В целом же последнее утверждение было «общим местом» исследований советских историков о роли Кавелина в общественном движении. Представление о потере прогрессивных черт либерализма Кавелина, сближении его с позициями консерваторов и реакционеров основывалось на идеологическом выводе об отходе к «охранительству» как следствию боязни усиливавшегося революционного движения. Априорное признание такого положения делало невозможным беспристрастное и тщательное изучение богатого идейно-теоретического и публицистического наследия Кавелина 1870–1880-х гг.

Но уже в 60-е г. наметились первые признаки преодоления трафаретности оценок либерализма в рамках советской историографии. Следует отметить значение книги Ш. М. Левина «Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века». Автор повторял классические для советской исторической науки утверждения о половинчатости программы либералов, их страхе перед народным и революционным движением. Но гораздо большее значение имеет признание оппозиционности либерализма и положение о том, что осуществление программы либералов вызывало сопротивление не только крепостников, но и правительства⁶⁰.

Преодоление крайнего догматизма в оценках либерализма сделало возможным дальнейшее изучение общественных взглядов и деятельности К. Д. Кавелина. В 60–70-е гг. советские историки пришли к более обоснованному пониманию характера взаимоотношений Кавелина с радикальными демократами. Так И. В. Порох показал прогрессивный характер деятельности Кавелина в 1850-е гг. Это было нужно для того, чтобы хотя бы этот период его жизни «вывести» из-под пресса известной ленинской характеристики, относящейся уже к 60-м гг. XIX в. С другой стороны, И. В. Порох обосновал существование герценовской программы «революции сверху», что вело к признанию взаимовлияния и близости либералов и революционеров-демократов. Представляет интерес также мысль о существовании не только революционного, но и «либерального демократизма»

⁵⁹ Розенталь В. Н. Русский либерал... С. 252.

⁶⁰ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е гг. XIX в. М., 1958. С. 57–64.

и вообще о сложном составе антиправительственного лагеря в 50–60-гг XIX в., содержащаяся в книге И. В. Пороха «История в человеке»⁶¹.

На рубеже 70–80-х гг. проблема взаимоотношений К. Д. Кавелина с А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским была серьезно изучена А. А. Демченко и В. Ф. Захариной. А. А. Демченко вновь обращал внимание исследователей на тот факт, что механическое перенесение ленинских оценок, относящихся к пореформенной деятельности Кавелина, на «более раннего Кавелина» методологически несостоятельно⁶². В отличие от В. Н. Розенталь, утверждавшей, что интерес Чернышевского к кавелинскому проекту освобождения крестьян был вызван всего лишь тактическими соображениями, при том, что сам революционный демократ не разделял ни теоретических положений, ни практических выводов Кавелина⁶³, Демченко аргументировал совершенно иное понимание проблемы. Исследователь показал, что Чернышевский выбрал «Записку об освобождении крестьян» Кавелина как более демократичную по содержанию и потому наиболее приемлемую для «Современника» по сравнению с другими проектами⁶⁴.

Наряду с этим Демченко уделил значительное внимание расхождению Кавелина с Чернышевским по вопросу о революции и самодержавии, и в связи с этим показал эволюцию во взаимоотношениях Кавелина-либерала и революционных демократов от сотрудничества к конфликту.

В. Ф. Захарина же обратила внимание на факты, подтверждающие, что до определенного момента (1861–1862 гг.) различие во взглядах на проблему революции не мешало общению Кавелина и Герцена как соратников⁶⁵. Таким образом, отношения либералов с революционными демократами стали восприниматься не как нечто заранее predetermined и не-меняющееся, а как живое историческое явление, реагировавшее на изменения политической реальности в России.

Среди исследований 70-х гг. особое место занимает книга В. А. Китаева «От фронды к охранительству». В монографии рассматривается идейно-политическая эволюция либерального западничества в 1850–60-е гг. Китаевым была создана интересная концепция, учитывающая разницу в воззрениях К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и М. Н. Каткова как представителей западничества на государство, общину, сословный строй. Большой интерес представляет вывод автора о том, что западники в условиях пореформенной России были вынуждены корректировать свои взгляды, в результате чего отшлифовывались разные направления, а иные из них могли в чем-то сближаться со славянофильством. В настоящее время представляется

⁶¹ Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963. С. 144–145; *Его же*. А. И. Герцен в освободительном движении в России 50-х гг. XIX в. Дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1977. С. 169–176; *Его же*. История в человеке. Саратов, 1971. С. 110–111.

⁶² Демченко А. А. Из истории размежевания революционеров-демократов с либералами (Чернышевский и Кавелин) // Освободительное движение в России. Саратов, 1979. Вып. 9. С. 22.

⁶³ Розенталь В. Н. Русский либерал... С. 250.

⁶⁴ Демченко А. А. Указ. соч. С. 28.

⁶⁵ Захарина В. Ф. Из истории общественной борьбы в период падения крепостного права // Исторические записки. М., 1983. Т. 109.

устаревшим только однозначное утверждение об эволюции взглядов либералов после 1861 г. к «охранительству»⁶⁶.

В 1973 г. в Саратове была защищена кандидатская диссертация А. С. Овчинниковой, посвященная общественно-политическим взглядам К. Д. Кавелина в 1840–1860-е гг.⁶⁷. Диссертация представляет собой попытку дать более справедливую и взвешенную оценку деятельности Кавелина в общественном движении. Значительное место в диссертации занимает критика взглядов В. Н. Розенталя (хотя это и не всегда акцентируется). А. С. Овчинникова определила убеждения Кавелина как «леволиберальные». В тексте диссертации это положение подтверждается ссылками на защиту Кавелиным крестьянского хозяйства, на дружеский характер его отношений с Герценом и т. д.⁶⁸

Наиболее смелым для своего времени и одновременно научно обоснованным можно считать вывод Овчинниковой о том, что и после 1861 г. Кавелин продолжал оставаться в числе лиц, составлявших либеральную оппозицию правительству, а осуждение им революционных выступлений в принципе не означало перехода на реакционные позиции⁶⁹. Но объективное содержание работы в определенной степени насильственно в ее заключительной части затушевывалось обязательным признанием эволюции либералов в сторону «охранительства». Однако эта дань идеологии в целом не умаляет значения диссертации.

В конце 70-х — начале 80-х гг. советская историография либерализма не только приблизилась к более объективному пониманию его содержания, но и значительно расширила исследовательскую проблематику. Так, предметом исследования Н. М. Пирумовой стало земское либеральное движение (у истоков идейной концепции земского либерализма стоял, в частности, и К. Д. Кавелин)⁷⁰.

Л. Г. Захарова внесла новое в рассмотрение известного кавелинского проекта освобождения крестьян. Исследовательница оценила признание в проекте Кавелина за крестьянским хозяйством самостоятельной роли в сельскохозяйственном производстве, понимание связи помещичьего и крестьянского хозяйства с рынком как основы программы реформ, в качестве наивысшего достижения либеральной общественной мысли и проницательность в решении земельного вопроса⁷¹.

Однако процесс преодоления идеологических препятствий к осмыслению истории либерального движения был далеко не общепризнанным явлением. Даже в 80-е гг. появлялись работы, авторы которых делали попытки возродить старые догмы. Примером можно считать кандидатскую диссертацию Я. А. Ярославцева «Русский либерализм в годы первой революционной

⁶⁶ *Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М., 1972.

⁶⁷ *Овчинникова А. С.* Из истории общественно-политической борьбы 1840–1860-х годов (Общественно-политические взгляды К. Д. Кавелина). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1973.

⁶⁸ *Овчинникова А. С.* Из истории общественно-политической борьбы... С. 143, 65–72, 105 и др.

⁶⁹ Там же. С. 119, 143.

⁷⁰ *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 55–58.

⁷¹ *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 32–35.

ситуации» (1984 г., научный руководитель — М. В. Нечкина)⁷², так же как и исследование В. К. Кантора, негативное отношение которого к личности и творчеству Кавелина нашло выражение в размышлениях о «профессорской культуре». Книга В. К. Кантора содержит обвинения Кавелина и других либеральных профессоров в оторванности от магистрального пути русской истории, в элитарности и изолированности от народа и категоричное утверждение о том, что «ни одна из разновидностей российского либерализма не приводила к нравственному здоровью общественного организма»⁷³. Но попытки укрепить прежнее предельно идеологизированное понимание русского либерализма к концу 80-х гг. были уже исторически обречены.

Современная российская историческая наука обогатилась более свободным отношением к достижениям русских дореволюционных и зарубежных историков. Вместе с тем статьи и монографии по истории либерализма, появившиеся в последнее время, далеко не равноценны. Некоторые из них только намечают возможное направление научных исследований и не выходят на стадию серьезной научной аргументации, многие носят скорее публицистический, чем научный характер.

Как бы то ни было, нельзя не отметить, что в 90-е гг. заметно возрос интерес к изучению деятельности творчества выдающихся личностей в истории России. И фигура К. Д. Кавелина вновь привлекла внимание исследователей. Новое открытие его творческого наследия и общественной роли состоялось под иным углом зрения в сравнении с советским периодом. В настоящее время в центре внимания — не отношения Кавелина с радикальными демократами, а его оригинальные размышления об опыте реформирования России, ее историческом прошлом, государственном устройстве и философском предназначении. При этом произошло своеобразное открытие «позднего» Кавелина — т. е., его деятельности в 1860–1880-е гг. Ранее этот период не мог получить должного освещения в исторической науке в связи с существованием в ней тезиса о переходе Кавелина после 1861 г. к «охранительству».

Концепционное исследование взглядов К. Д. Кавелина представляют недавно опубликованные работы В. А. Китаева⁷⁴. Историк сконцентрировал свое внимание на идейной эволюции Кавелина в контексте синтеза западной и славянофильской идеологий, показал сближение позиции Кавелина с поздним «прагматическим» славянофильством (главным образом с Ю. Ф. Самариним). В. А. Китаев осуществил достаточно масштабный анализ воззрений Кавелина, рассматривая их как систему (а сфера умственных интересов Кавелина была очень широкой), находившуюся в процессе постоянного развития. Не бесспорно, однако, утверждение Китаева об отходе Кавелина в 70–80-е гг. XIX в. «от методов радикального реформирования в сторону консервативного понимания сущности реформ».

Повышенное внимание современные исследователи проявляют к концепции реформирования государственного устройства России, предложенной

⁷² Ярославцев Я. А. Русский либерализм в годы первой революционной ситуации (некоторые вопросы эволюции). Дисс... канд. ист. наук. М., 1984.

⁷³ Кантор В. К. «Средь бурь гражданских и тревоги...» Борьба идей в русской литературе 40–70-х гг. XIX в. М., 1988. С. 123 и др.

⁷⁴ Китаев В. А. К. Д. Кавелин в полемике с Ф. М. Достоевским // Проблемы отечественной истории: Материалы научной конференции. Волгоград, 1994. С. 57–66; Его же. К. Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.

К. Д. Кавелиным в 1870-е гг. Интересные размышления по этому поводу высказал еще в 1987 г. Л. М. Искра⁷⁵. Но исследователю не удалось выявить всей специфики политических воззрений Кавелина, которого он категорически объявил сторонником конституционной монархии. Поэтому для Л. М. Искры в представлениях Кавелина многое осталось неясным (например, с одной стороны — монархизм, а с другой — явная переключка с народническими теориями в публицистическом произведении «Разговор» 1880 г.)

В середине 90-х гг. для И. А. Иванникова данная проблема стала одним из основных сюжетов его кандидатской диссертации⁷⁶. И. А. Иванников предпринял попытку сравнить концепции государственного устройства России, предлагавшиеся представителями трех различных направлений в общественной мысли (консерватизм, либерализм, анархизм). «Русская модель либерализма» на примере взглядов К. Д. Кавелина и его теория «федеративной самодержавной республики» рассматриваются в сравнении с идеями М. А. Бакунина, с одной стороны и К. П. Победоносцева — с другой. В работе есть некоторые историографически изъяны, связанные с тем, что диссертация является юридическим, а не чисто историческим исследованием.

Менее концепционной, но более осторожной в выводах является статья Н. С. Велитченко о государственно-правовых воззрениях К. Д. Кавелина, которая, в сущности, представляет исследование только одного его произведения («Политические призраки», 1877 г.)⁷⁷.

Примером публицистического исследования, претендующего на новизну научно-философских подходов, являются «Очерки истории русской общественно-политической мысли» Ю. С. Пивоварова, один из разделов которых посвящен К. Д. Кавелину⁷⁸. Наряду с представляющими определенный интерес мыслями о политической культуре Кавелина как типичного представителя либерализма, автор всказал ряд поверхностных суждений. Наиболее неприятны строки о «самодержавно-социалистическом синтезе» во взглядах Кавелина как «предвосхищении советского социализма». Автор необоснованно приблизил концепцию Кавелина к какой-то вариации «официальной народности».

Интересные размышления о взглядах и деятельности Кавелина можно встретить в исследованиях, авторы которых пытаются представить общее видение либерального движения в России. Среди них стоит отметить работы С. С. Секиринского (в соавторстве с В. В. Шелохаевым) и В. Е. Кельнера. С. С. Секиринский предпринял попытку рассмотреть либерализм второй половины XIX в. с точки зрения его соотнесенности с задачами модернизации России. Исследователь выделил государственно-конституционное и дворянско-конституционное направления в либерализме как два разных варианта

⁷⁵ Искра Л. М. К. Д. Кавелин о путях государственно-правового развития России // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987.

⁷⁶ Иванников И. А. Проблема государственного устройства в русской политико-правовой мысли (М. А. Бакунин, К. Д. Кавелин, К. П. Победоносцев). Дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 1995.

⁷⁷ Велитченко Н. С. Проблема коренного реформирования центральных и местных органов власти России в творческом наследии К. Д. Кавелина // Век нынешний, век минувший... Ярославль, 1999.

⁷⁸ Пивоваров Ю. С. Очерки истории общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997. С. 124–147.

принятия и распространения либеральных ценностей, противоречивших друг другу. На этом фоне С. С. Секиринский обозначил противостояние Н. А. Милютина и П. А. Валуева и уделил значительное внимание К. Д. Кавелину (в связи с исследованием политической культуры русского либерализма)⁷⁹.

В. Е. Кельнер рассмотрел специфику либеральной оппозиционности на примере взглядов и деятельности М. М. Стасюлевича (и шире — либералов, группировавшихся вокруг редакции «Вестника Европы», среди которых был и Кавелин). Автор определил программу «Вестника Европы» следующим образом: формирование «просвещенным меньшинством» общественного мнения и постоянное интеллектуальное давление на государственную администрацию⁸⁰.

В современной исторической науке не существует единой общепризнанной концепции исторического содержания и развития русского либерализма. Это же характерно и для зарубежной историографии. Последнюю отличает дискуссионный характер. Естественно, что это не исключает некоторых общих подходов. Определенные мысли сближают зарубежных историков с русскими дореволюционными. Отличие от отечественной историографии заключается в пристальном внимании к сравнительному анализу западноевропейского и русского либерализма.

Специальные исследования общественно-политических взглядов К. Д. Кавелина создали Даниэль Филд и Дерек Оффорд. Д. Филд, автор статьи «Кавелин и русский либерализм», пришел к мысли, что западноевропейское содержание либерализма не могло исторически укорениться в политической культуре России. По его мнению, в России не было объективной возможности признать полную совокупность либеральных доктрин и поэтому разные общественные деятели усваивали разные части целого, что вело к серьезной конфронтации. Именно в свете этой концепции Д. Филд исследует общественно-политическую деятельность Кавелина. Последняя характеризуется им как попытка объединения и мобилизации самых разных общественных сил и группировок в целях оказания давления на правительство и подталкивания его к реформам⁸¹.

Весь путь Кавелина как общественного деятеля рассматривается Филдом сквозь призму неизбежного краха его примирительской тактики. Нужно сказать, что эти выводы Филда соответствуют действительности, но спорны другие его утверждения. Филд фактически отказался от применения термина «либерализм» по отношению к воззрениям Кавелина. «Либерализм» трактуется Филдом в узком смысле, как защита свободы личности и экономики от государственного вмешательства. Кроме того, деятельность Кавелина после 1861 г. и его теория «мужицкого царства» для Д. Филда уже не имеют реального значения, и в этом есть определенная переключка с представлениями советских историков⁸².

Концепционно близко к статье Д. Филда исследование Д. Оффорда, который одну из глав своих «Портретов русских либералов» посвятил

⁷⁹ Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX века). М., 1995. С. 5–8, 25–26 и др.

⁸⁰ Кельнер В. Е. Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993.

⁸¹ Field D. Kavelin and Russian Liberalism // Slavic Review. 1973. V. 32, №1. P. 59–60, 61–62.

⁸² Там же. P. 74–76.

К. Д. Кавелину⁸³. Он также много рассуждает о «примирительской тактике» Кавелина, его «интеллектуальной терпимости»; подчеркивает отличия воззрений русских либералов от взглядов западноевропейских, связанные с повышенными надеждами на государственную власть. Более масштабно Д. Офффорд выделил проблему поколений в связи с исследованием общественной роли Кавелина на протяжении длительного времени. Офффорд акцентирует то, что Кавелин как представитель «людей 40-х годов» «привносил в социальное мышление сердце, теплоту и энтузиазм»⁸⁴. и общие черты менталитета целого поколения объединяли Кавелина-либерала и Герцена-социалиста и, с другой стороны, отличали Кавелина от либерала Б. Н. Чичерина — представителя другого поколения. Иными словами, в глазах современников, культурные аспекты общественной жизни могли заслонять реальные политические разногласия. Учет подобных факторов можно считать достоинством исследования Офффорда (как и вообще зарубежной исторической науки). Но Д. Офффорд, как и Д. Филд, неверно оценивает значение деятельности «позднего Кавелина», фактически игнорируя его.

Обзор исследований отечественных и зарубежных историков, связанных с изучением К. Д. Кавелина как идеолога либерализма и деятеля общественного движения, показывает масштабность и значение этой темы для понимания истории общественной мысли России в целом. До сих пор нет специальной монографии, посвященной жизни, деятельности и творческому наследию Кавелина. Большое количество существующих исторических работ представляют различные периоды жизни Кавелина и различные стороны его деятельности, значение которой уже не раз по-разному оценивалось в зависимости от интересов (научных и политических) и запросов времени. Вряд ли необходима безусловная победа единой концепции русского либерализма и той его разновидности, которую создавал Кавелин; дискуссии могут стать более плодотворными. Отсутствие целостного видения всей общественной, политической и научной биографии К. Д. Кавелина создает пространство для дальнейших исследований историков.

С. Н. ПОЛТОРАК

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1920 года

⁸³ *Offord D. Portraits of early Russian Liberals. A Study of the thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin and K. D. Kavelin. Cambr. Z. N. Y., 1985. P. 175–213.*

⁸⁴ Там же. P. 203.

В настоящее время отечественная и зарубежная историография советско-польской войны 1920 г. составляет около 1000 наименований, в том числе порядка 100 монографий польских, советских, французских, американских и других авторов.

В 90-е гг. произошло качественное изменение в изучении и осмыслении событий советско-польской кампании. Наиболее заметными были публикации в Польше, России и на Украине. Однако почти всеми исследователями были недооценены публикации 20-х гг. Многие статьи, брошюры и даже монографии были изданы в 1920 г., то есть в ходе боевых действий.

Вопреки логике самые интересные, глубокие и правдивые книги о советско-польской войне были написаны в 20-е гг.

Ученые, исследователи любой исторической проблемы, как правило, снисходительно относятся к монографиям и статьям, появившимся вскоре после описываемых событий. Это отчасти верно: авторы подобных публикаций обычно сами участники или очевидцы описываемых событий. Стало быть, относиться к своим исследованиям бесстрастно им просто невозможно. Кроме того, всякие исторические события, видимо, должны «утрастись» в сознании. Требуется времени и накопление материала о событии, без чего осмысление его будет неполным. Только после всего этого следует попытаться писать об Истории с надеждой на приближение к Правде.

Но изучение войны 1920 г. — редкое исключение из правил. Точнее, все перечисленные условия объективного написания исторических трудов, конечно, относятся и к этим событиям. Но есть ряд причин, по которым описание историками той войны наиболее верно было еще в 20-е гг.

Одна из главных состояла в том, что авторам не нужно было бояться писать правду. В 20-е гг., особенно в начале, за это еще не расстреливали и не сажали в тюрьму. Во всяком случае, эти методы еще не стали главным содержанием государственной внутренней политики. Кроме того, советские авторы 20-х гг. не стеснялись видеть те боевые действия в контексте мировой социалистической революции. В отличие от своих последователей они еще не нуждались в увеливании от вопроса о ней, так как были убеждены, что она скоро произойдет.

Популярная в первой половине 80-х гг. в Советском Союзе «контрпропаганда» как важная часть идеологической работы КПСС своими корнями, как известно, уходила именно в 20-е гг. Тогда на волне контрпропаганды в нашей стране появились переводы статей и книг зарубежных авторов о советско-польской войне, снабженные добротными предисловиями весьма авторитетных людей, разбиравшихся в проблеме. Эти специалисты толково и грамотно разъясняли читателям «слабые стороны» переведенных на русский язык работ. И хотя мной слова «слабые стороны» взяты в кавычки, они часто действительно являлись таковыми, поскольку польские, французские, английские и итальянские авторы, труды которых переводились, на самом деле совершали те же ошибки, что и их русские, украинские и белорусские коллеги. Они так же, но по-своему о чем-то умалчивали, что-то приукрашивали или обходили острые углы. Перевод зарубежных изданий имел не только и не столько контрпропагандистское значение. Прежде всего, он преследовал практическую цель: помочь становлению среднего и старшего командных звеньев молодой Красной армии. Книги советских авторов переводились на польский и другие языки, но

делалось это реже. Частично это можно было объяснить тем, что образованные поляки — еще недавно подданные Российской империи — часто свободно владели русским языком, и переводить книги и статьи с русского языка особой необходимости не было.

В сложившихся условиях уже в 20-е гг. историки разных стран имели возможность беспрепятственно изучать достижения друг друга и дополнять ими свои научные произведения. Если учесть, что серьезные заочные дискуссии велись чаще всего с достоинством и честно, то польза от них была несомненной.

Нельзя не удивляться той оперативности, с которой и в Польше, и в России, и в других странах историки, военные и издатели реагировали на происходившие события.

Уже в 1920 г. в Варшаве, Кракове, Париже появился ряд заслуживающих внимания документов, воспоминаний участников тех событий, первых исследовательских попыток⁸⁵. Тогда же в Варшаве вышел в свет и вскоре был переведен на русский язык «Краткий очерк организации и тактики конницы Буденного и способы обучения пехоты борьбе с ней», который выпустило издательство Министерства военных дел Польши.

Не с таким размахом, но так же быстро создавалась первая литература об этой войне и в советской России. Вполне закономерно, что первыми изданиями стали сборники документов и материалов⁸⁶. И зарубежные, и отечественные издания первых послевоенных лет готовились к печати в спешке. Но не только поэтому, но и в силу конъюнктурных причин они изобиловали натяжками, ошибками, а порой и заведомой неправдой. Хорошей иллюстрацией этого служит сборник «Советская Россия и Польша: Материалы и документы». В сборнике делается попытка документально доказать лояльность советской России по отношению к Польше. В частности, отмечалось, что советская республика не допускала создания на своей территории группировок, враждебно настроенных к польскому правительству⁸⁷. Но теперь любой историк да и многие читатели знают о существовании в нашей стране в те годы различных революционных польских организаций, и в первую очередь так называемых польотделов, деятельность которых была, мягко говоря, не очень дружественной по отношению к польскому правительству, если учесть их стремление к «советизации Польши».

В 20-е гг. в отечественных журналах «Военный вестник», «Военный зарубежник», «Война и революция» и других стали появляться многочисленные статьи иностранных офицеров, и среди них — публикации таких, как майор Курциуш, лейтенант Джонстон, майор Скржинский, генерал Кукель, майор Кюнстлер, капитан Рюби, полковник Фори и десяти–пятнадцати других

⁸⁵ См.: *Kunstler S. Nasza ofensywa sierpniowa*. Warszawa, 1920; *Waligya B. Fortyfikacje przedmościa Warszawy w roku 1920*. Warszawa, 1920; *Kumaniecki K. W. Zbiór najważniejszych dokumentów do powstania państwa polskiego*. Kraków; Warszawa, 1920; *Pierwsza wojna polska (1918–1920). Zbiór wojennych komunikatów prasowych Sztabu Generalnego / Oprac. S. Pomarański*. Warszawa, 1920; *Roztworowski S. Bitwa o Brzeźж (29. 07 1. 08. 1920 r.)* // *Bellona*. 1920. № 9; *Akty i dokumenty dotyczące sprawy granic Polski na konferencji pokojowej w Paryżu 1918–1919*. Paryż, 1920. Cz. 1.

⁸⁶ См.: Красная книга: Сб. дипломат. документов о русско-польских отношениях, 1918–1920 / Нар. комиссариат иностр. дел РСФСР. М., 1920; Советская Россия и Польша: Материалы и документы. М., 1921.

⁸⁷ См.: Советская Россия и Польша: Материалы и документы. С. 4.

офицеров. Они писали об обороне польской пехоты при столкновении с Красной конницей, о Варшавской операции, о других, менее значительных, событиях войны.

Среди множества иностранных статей о кампании 1920 г. особой популярностью у советских издателей и читателей пользовалась статья подполковника Клеберга, служившего во 2-м полку легкой конницы Войска Польского. Статья в мае — июне 1923 г. была напечатана во французском журнале «Revue de Cavalerie». Автор, опираясь на материалы начальника штаба 13-й польской пехотной дивизии и воспоминания очевидцев, написал статью «Прорыв Буденным Польского фронта в июне 1920 года». Уже через несколько месяцев, переведенная с французского на русский язык, эта статья отдельной брошюрой была издана в Москве 20-тысячным тиражом⁸⁸.

Эта статья на фоне неудач под Варшавой была козырной картой в руках многих историков на протяжении долгого времени. За давностью лет не то по ошибке, не то для большего авторитета один из советских авторов, майор И. П. Мариевский, даже назвал Клеберга полковником⁸⁹. К сожалению, хороший аналитический материал польского офицера предворяла невзрачная вступительная статья С. Михеева, рассуждавшего о недалеком уме французов, занимавшихся техническим оснащением своей армии, и мудрых руководителей Красной армии, умевших по достоинству ценить конницу⁹⁰.

Советско-польская война как одно из самых сложных и поучительных событий первых лет советской власти была в центре внимания целых авторских коллективов. В 1925 г. штабом РККА была издана первая работа, в которой делались обобщения уже имевшихся достижений в изучаемой проблеме⁹¹.

Еще раньше, в 1923 г., появился и результат исследований исторического бюро Польского генерального штаба. Подготовленные этим бюро материалы, правда, по достаточно узкому вопросу, обработал и представил в виде монографии польский генштабист подполковник А. Артишевский. Его основная роль в издании книги не была случайностью: в войне 1920 г. в чине майора он служил начальником штаба 18-й пехотной польской дивизии. Вскоре эта книга на русском языке была издана в СССР⁹². В ней были использованы ценные источники — оперативные документы штаба 18-й пехотной дивизии, боевые документы входивших в нее полков, а также другие материалы штаба 2-й польской армии, штаба оперативной кавалерийской группы, а также еще двух пехотных дивизий.

Л. А. Клюев — выпускник Российской академии Генерального штаба, бывший начальник штаба 1-й Конной армии, хорошо отозвался о книге, хотя и считал, что в ней дана излишне высокая оценка командиру 18-й дивизии генералу Краевскому⁹³. Действительно, работа была выполнена профессионально: жесткий анализ фактов сопровождался бескомпромиссными выводами.

⁸⁸ См.: Клеберг. Прорыв Буденным Польского фронта в июне 1920 года. М., 1924.

⁸⁹ См.: Мариевский И. П. Контрудар Юго-Западного фронта. М., 1941. С. 97.

⁹⁰ См.: Клеберг. Прорыв Буденным польского фронта в июне 1920 года. С. 4.

⁹¹ См.: Война с белополяками / Штаб РККА. М., 1925.

⁹² См.: Артишевский А. Острог Дубно Броды: Бои 18 пехотной дивизии с Конной армией Буденного (1 июля 6 авг. 1920 г.) М., 1928.

⁹³ См.: Артишевский А. Острог Дубно Броды... С. 9.

Нет ничего удивительного в том, что среди наиболее значительных авторов 20-х гг., писавших о советско-польской войне, было больше всего ее непосредственных участников. Это справедливо не только для английских, польских, французских, но и для советских авторов. В 20-е гг. наиболее заметные труды по истории тех событий написали Г. Д. Гай, А. И. Егоров, Н. Е. Какурин, Л. Л. Ключев, С. А. Меженинов, В. А. Меликов, В. К. Путна, Е. Н. Сергеев, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников и Е. А. Шиловский — всего 11 человек. Были и другие историки, писавшие на эту тему, но перечисленные являлись своего рода «монополистами», отстаивавшими свою позицию, свою «правду». Если сопоставить места службы этих историков в период войны 1920 г., то это поможет разделить их на сторонников двух основных групп ученых, пытавшихся найти виновников неудач среди командования либо Западного, либо Юго-Западного фронтов. Только один из них — А. И. Егоров — от начала войны до ее конца воевал на Юго-Западном фронте. Временно под его началом воевали Л. Л. Ключев и С. А. Меженинов, но позже они были переведены в подчинение М. Н. Тухачевскому. Что же касается остальных, то все они, проходя службу на высоких должностях, воевали в составе Западного фронта. Исключение составлял только Б. М. Шапошников, руководивший в период войны Оперативным управлением Полевого штаба РККА.

Автора настоящей статьи легко упрекнуть в упрощенческом подходе к оценке зависимости взглядов авторов от их места службы. Дескать, нельзя думать так: «Кто в чьем подчинении служил, тот того и выгораживает. Тем более, что этим оправдывает и свои действия». Нет, это не так. Даже если допустить кристальную чистоту помыслов авторов, их бескомпромиссную борьбу за правду в освещении событий войны, то есть еще одна важная деталь. Воюя в составе Западного фронта, они, естественно, хуже знали обстановку на Юго-Западном фронте. Кроме того, все эти военачальники-историки обладали разным уровнем знаний, таланта и опыта как руководства войсками, так и позже — опытом и способностями к исследовательской работе. Важно взглянуть на этих авторов как бы со стороны, попытаться найти у них что-то общее и различия. Все они, кроме В. А. Меликова, еще в старой армии имели офицерские чины — от полковника до прапорщика. С. М. Меженинов, М. Н. Тухачевский и Е. А. Шиловский были дворянами, а большинство — 6 человек — в свое время окончили Российскую академию Генерального штаба. Это важно помнить не только потому, что подобное образование — свидетельство военной грамотности, эрудиции и опыта. Надо помнить, что высшие чины Войска Польского часто заканчивали те же учебные заведения. Не исключено, что их жизненные пути прежде пересекались, что у них были общие учителя, взгляды на способы ведения боевых действий. Все это — интереснейшее поле для еще не написанного исследования. Не следует забывать и то, что 7 из 11 авторов закончили свой жизненный путь в 1936–1939 годах: они были расстреляны.

Среди работ Михаила Николаевича Тухачевского заслуживает внимания его небольшая брошюра, точнее курс лекций, изданный в 1923 году⁹⁴. Именно эта тоненькая книжечка, вышедшая трехтысячным тиражом на правах рукописи, до сих пор является предметом спора среди ученых. Эта работа представляет

⁹⁴ См.: *Тухачевский М. Н. Поход за Вислу: Лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной академии РККА 7–10 февр. 1923 г. Смоленск, 1923.*

собой как бы одну большую лекцию, разделенную на 13 частей и заключение. Обращают на себя внимание выводы Михаила Николаевича. Оказывается, в неудачах Западного фронта виноваты все, кроме его командующего: руководство Мозырской группы о контр-наступлении не доложило, командование 16-й армии донесло об этом лишь спустя два дня после начала вражеских ответных действий⁹⁵. Что же касается действий 4-й армии, то она просто совершала «бестолковые путешествия по Данцигскому коридору»⁹⁶. Винил автор и 1-ю Конную армию, прибывшую на Люблинское направление с большим опозданием⁹⁷. Весь тон лекций М. Н. Тухачевского — тон обиженного гения, которого подвели недостойные его руководства бездарные подчиненные.

О правых и виноватых историки еще будут спорить не раз. Но задумывался ли кто из них над вопросом: почему, кроме этих торопливо прочитанных лекций, М. Н. Тухачевский о войне 1920 года ничего более солидного не написал? Может быть, трудно было искать аргументы в свое оправдание?

Первым откликом на заметки командующего войсками Западного фронта была блестящая книга Б. М. Шапошникова⁹⁸. Ее до сих пор можно считать одним из самых значительных трудов по истории войны 1920 г. Удивительная компетентность, взвешенность суждений, глубина проникновения в суть проблемы, редкий такт по отношению к М. Н. Тухачевскому и его работе — это лишь некоторые достоинства книги Бориса Михайловича, полковника царской армии, с блеском окончившего Академию Генерального штаба. Автор, обладая профессиональным видением проблемы, ненавязчиво напоминал Михаилу Николаевичу, что в минувшей войне кроме Западного участвовал еще и Юго-Западный фронт. Выводы книги не просто разумны. Они, пожалуй, наиболее полно, в сравнении с другими, в том числе и более поздними работами, отражают истинные военные причины неудач Красной армии⁹⁹.

Несмотря на не самые лестные оценки со стороны М. Н. Тухачевского в адрес командующего 4-й армией, сам бывший командующий — Евгений Николаевич Сергеев — почти в то же время и там же, в Смоленске, издал свой научный труд¹⁰⁰. Генштабист и подполковник старой армии, он, разумеется, не вступал в полемику с бывшим подпоручиком М. Н. Тухачевским, успевшим значительно обойти в должности бывшего старшего офицера.

Обиды по поводу «бестолковых путешествий по Данцигскому коридору» были проглочены им, как горькое лекарство, безропотно. Но зато Е. Н. Сергеев не жалел сил на обвинения во всех грехах Юго-Западного фронта, и, в частности, 1-й Конной армии. Как знать, не отразились ли на его судьбе эти страстные строки против Юго-Западного фронта, где членом РВС был И. В. Сталин, в 1937 г., последнем году в его жизни?

В работе Е. Н. Сергеева трудно найти стройные рассуждения: вся она составлена из бессвязных фрагментов-рассуждений. Заканчивается книга скромной ссылкой на французских коллег, считавших части 4-й армии лучшими

⁹⁵ См.: Там же. С. 50.

⁹⁶ См.: Там же. С. 52.

⁹⁷ См.: Там же. С. 53.

⁹⁸ См.: *Шапошников Б. М.* На Висле: К истории кампании 1920 года. М., 1924.

⁹⁹ См.: Там же. С. 200–206.

¹⁰⁰ См.: *Сергеев Е. Н.* От Двины к Висле: Очерк операций 4-ой армии Западного фронта в июле и первой половине августа 1920 г. (Второе наступление). Смоленск, 1923.

частями Западного фронта наряду с войсками 3-го Конного корпуса¹⁰¹. Возможно, так же считали и те, кто наградил его за майско-июньские бои 1920 г. орденом Красного Знамени.

1925 г. был отмечен выходом из печати нескольких интересных работ. Одна из них — книга начальника штаба 1-й Конной армии времен советско-польской войны, бывшего генштабиста и подполковника Леонида Лавровича Ключева¹⁰². Вышедшая скромным тиражом в 2 тысячи экземпляров, это была первая обобщающая работа о буденновском войске. Но в ней рассматривались лишь стратегические аспекты его действий.

Любопытно была сформулирована цель монографии: «Мы должны изучить наши неудачи и успехи в Польскую войну (так в тексте — *С. П.*), чтобы уметь сознательно использовать наши конные части в будущих столкновениях (курсив мой. — *С. П.*) на Западном фронте»¹⁰³. То есть Л. Л. Ключев был убежден, что в недалеком будущем Красной армии предстоит повторить свой поход. Само собой предполагалось, что связано это будет с грядущими событиями мировой социалистической революции.

Ценность книги была значительной. Состояла она и в том, что в ней приводилось название 21 работы на русском, польском и французском языках, целиком посвященных истории этой войны.

Одним из наиболее авторитетных исследователей истории войны 1920 г. был бывший подполковник Российской армии, выпускник Академии Генштаба Николай Евгеньевич Какурин. Этот, безусловно, одареннейший человек в ходе той войны и в первые месяцы после ее завершения сделал грандиозную карьеру. Если в июле — августе 1920 г. он был лишь начальником штаба одной из дивизий, то к концу года он стал помощником (то есть по современным понятиям — заместителем) командующего Западным фронтом. Его дальнейшая военная карьера не была столь стремительной, а в 1936 г. он вообще пал жертвой террора, но как историк он, безусловно, блистал. За 1922–1928 гг. он самостоятельно и в соавторстве издал о советско-польской войне 7 книг, общим объемом более тысячи страниц¹⁰⁴.

Первая из вышедших — «Русско-польская кампания 1918–1920. Политико-стратегический очерк» — отмечала, что к 1922 г. было уже порядка полутора десятков заметных публикаций, в которых раскрывались какие-либо стороны истории войны. Автор одним из первых, если не первый среди историков вообще, взял на себя смелость объяснить причины неудач Красной армии: во-первых, по его мнению, это превосходящие в 2,5 раза по сравнению с советскими силами польские войска, во-вторых, плохо действовавшая связь и переброска 1-й Конной армии под Львов, в-третьих, вынужденная

¹⁰¹ См.: Там же. С. 108.

¹⁰² См.: Ключев Л. Л. 1-я Конная армия на польском фронте в 1920 г. Л., 1925.

¹⁰³ Ключев Л. Л. Указ. соч. С. 5.

¹⁰⁴ См.: Какурин Н. Е. Русско-польская кампания 1918–1920. М., 1922.; Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925.; Какурин Н. Е. Встречное сражение 1-й Конной и 2-й польской армий на подступах к Львову в июле и августе 1920 г. М., 1925.; Какурин Н. Е. Волковысское сражение: В рамках Неманской операции. М.; Л., 1927.; Какурин Н. Е. Война с белополяками. М.; Л., 1928.; Какурин Н., Берендс К. Киевская операция поляков 1920 года. М.; Л., 1928.

необходимость Юго-Западного фронта вести бои не только с поляками, но и с врангелевцами¹⁰⁵.

Видимо, одной из самых значительных работ не только 20-х годов, но и всего периода исследования в целом следует считать монографию, изданную военно-историческим отделом штаба РККА «Война с белополяками 1920 г.» Из 13 глав книги только 10-я «Сражение на Висле» была написана будущим профессором и генерал-майором Владимиром Арсентьевичем Меликовым. Автором всех остальных был Н. Е. Какурин. Эта монография поражает обилием фактического материала. В ней содержатся 95 приложений с данными по численности личного состава и вооружения с обеих противоборствующих сторон. В ней также есть 25 схем боевых действий в разные периоды войны. В предисловии к работе авторы высказали пожелание: пусть читатели, изучив множество документов, учатся мыслить самостоятельно¹⁰⁶.

В книге фундаментально рассмотрены вопросы организации, управления и командования советскими войсками в ходе всей войны. Особенностью исследования было внимательнейшее отношение к польским источникам.

Следует отметить и состав редакторского коллектива: М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников и М. Г. Рафес. Эти фамилии говорят о том, что работа претендовала на статус первого обобщающего труда. Одной из самых скромных работ Н. Е. Какурина была его брошюра «Встречное сражение 1-й Конной и 2-й польской армий на подступах к Львову в июле и августе 1920 г.» Она была издана тиражом в 150 экземпляров. Столь мизерный тираж объяснялся учебными целями издания: оно предназначалось для слушателей Академии РККА. Но в среде военных историков она все равно была хорошо известна. Неслучайно А. И. Егоров, спустя четыре года, не избежал удовольствия упрекнуть ее автора в нескольких неточностях. Небольшая работа Николая Евгеньевича «Волковысское сражение. В рамках Неманской операции» заслуживает внимания с источниковедческих позиций. В ней использованы оригинальные издания исторического бюро польского Генштаба за 1924 год, документы архива Красной армии и другие редкие источники, многие из которых в научный оборот были введены впервые. Кроме того, автор стремился к объективности: отмечал ошибки и успехи обеих сражавшихся сторон, сухо, по-военному, размышлял об их причинах.

Как учебник для высшего и старшего командного состава следовало бы рассматривать книгу Н. Какурина и К. Берендса «Киевская операция поляков 1920 года». Сами авторы оценили ее как «первый опыт прикладного метода изучения оперативного искусства на основе действительно бывших событий», то есть наступательной операции польских войск на столицу Украины. Книга дает возможность читателю «поиграть в войну»: самому оценить боевую обстановку, принять решение, составить распоряжение, а потом... сравнить результат своей работы с мнением авторов и с теми событиями, которые разворачивались в действительности.

Н. Е. Какурин был талантливым военным историком. Он является автором книг «Борьба за Петроград», «Борьба с чехо-словаками и Колчаком» и других.

¹⁰⁵ См.: Какурин Н. Е. Русско-польская кампания 1918–1920. С. 75.

¹⁰⁶ См.: Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками 1920 г. С. 3.

Больше всего он писал о польской войне. Но далеко не все его оценки были точны и убедительны. Например, однобоко, как и многие его коллеги, он видел причины войны. Они представлялись ему лишь в том, что польские капиталисты хотели вернуть себе прежние владения — Белоруссию и Украину, прикрывая это заявлениями о стремлении к воссозданию Великой Польши в границах 1772 года, когда ей принадлежали Литва, Белоруссия и правобережная Украина за исключением Киева¹⁰⁷. Все события он рассматривал лишь с позиций интернационализма, не задумываясь о том, что национальный патриотизм поляков как социальное явление тоже имеет право на жизнь и достоин уважения.

Николай Евгеньевич в своих работах (и в самой широко известной, хотя и не лучшей из них — «Война с белополяками») не употреблял слово «победа», но был убежден, что военный успех был на стороне советских республик¹⁰⁸. Если учесть, что эта книга была издана огромным по тем временам тиражом в 25 тысяч экземпляров, то легко понять, каково было ее влияние на общественное мнение.

Нельзя не упомянуть и две небольшие работы Сергея Александровича Меженинова¹⁰⁹. Эти брошюры — одни из первых попыток сгладить все острые углы вокруг событий советско-польской войны. В первой из них — «Борьба на Западе» — автор изловчился и ни словом не обмолвился о Львовской операции, о действиях Юго-Западного фронта вообще.

В другой брошюре, раскрывая содержание начала борьбы с поляками на Украине, он, бывший командующий 12-й армией, не случайно остановился на событиях, завершившихся 11 июня 1920 г.: далее о боевых действиях армии в силу ее неудач ему было писать неловко. Это он объяснил так: «Трудно участнику событий быть объективным при их описании»¹¹⁰.

На фоне изданий о действиях пехоты и кавалерии в период советско-польской войны публикации о вооруженной борьбе между советскими и польскими моряками были большой редкостью. Однако в 1925 г. в Ленинграде Морская историческая комиссия издала полуторатысячным тиражом глубокую по содержанию работу¹¹¹. В нее вошла глава «Днепровская военная флотилия в борьбе с белой Польшей», в которой подробно описывались вопросы, связанные с зимним ремонтом кораблей флотилии, их подготовки к боевым действиям весны 1920 г., а также отдельные эпизоды участия моряков в боевых событиях.

Вторая половина 20-х гг. была своеобразным переходным этапом в изучении, осмыслении событий и итогов советско-польской войны. С одной стороны, для исторической литературы о ней было характерно рассмотрение

¹⁰⁷ См.: *Какурин Н. Е.* Война с белополяками. С. 7.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 78–79.

¹⁰⁹ См.: *Меженинов С. А.* Борьба на Западе: Памятка для сред. и мл. команд. состава Зап. фронта. Смоленск, 1923.; *Меженинов С. А.* Начало борьбы с поляками на Украине в 1920 г. (XII армия). М., 1926.

¹¹⁰ *Меженинов С. А.* Начало борьбы с поляками на Украине в 1920 г. (XII армия). С. 59.

¹¹¹ См.: *Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах.* Л., 1925.

деталей, фрагментов боевых действий отдельных соединений¹¹², с другой стороны — попытка сделать серьезные обобщения¹¹³.

Среди работ фрагментарного характера обращает на себя внимание книга Н. Ефимова «Действия 2-ой Конной армии в 1920 году». Она — характерный пример одной из лучших книг того времени. В ней широко используются архивные документы штаба Юго-Западного фронта, штабов 13-й армии и 2-й Конной армии, материалы отчетов об операциях Красной армии, составленные Полевым штабом РВСРК VIII съезду Советов (декабрь 1920 г.) и публикации ряда российских журналов. Отличительными чертами этой и других работ были сухость языка, военная деловитость изложения, обилие добротного обоснованных выводов.

Примерно в таком же духе были написаны и более объемистые монографии Евгения Александровича Шиловского и Гая Дмитриевича Гая.

Совсем по-иному заставляют нас взглянуть на военные события труды Николая Николаевича Мовчина и будущего профессора Академии Генерального штаба РККА Владимира Арсентьевича Меликова.

Монография Н. Н. Мовчина раскрывает не столько исторические аспекты войны, сколько вопросы оперативно-тактического характера. Она состоит из трех частей. Первая — о наступлении германских войск на Марне в 1914 г., вторая — о советско-польской кампании 1920 г., а в третьей делается попытка найти сходство и отличие между операциями на Марне и Висле для того, чтобы учесть ошибки в дальнейших боевых действиях. Некоторые выводы автора нельзя читать без иронии. Например, он не только полностью оправдывает ход боевых действий, которыми руководил М. Н. Тухачевский, но и умудряется восхищаться Варшавской операцией Западного фронта¹¹⁴. Эта книга имеет и немало достоинств. Среди них — солидная источниковая база: 59 наименований книг, статей. В приложении есть 9 схем, существенно дополняющих рассмотрение событий двух военных баталий.

В том же году, что и книга Н. Н. Мовчина, вышла в свет очень большая по объему работа В. А. Меликова. Она отличалась от других обилием фактов, стройностью доказательств. Была написана умно и интересно.

В. А. Меликов, так же как и Н. Н. Мовчин, сравнивал операции на Марне и Висле, но он писал и о более поздних боевых событиях. В 1937 г., спустя девять лет после первого издания, эта книга была переиздана с некоторыми дополнениями. Объем книги увеличился лишь на 18 страниц, но появились, как считал автор, «новые, исторически более правильные, формулировки и выводы»¹¹⁵. Были они, разумеется, в духе того времени. Главный вывод книги совпадал с мнением М. Н. Тухачевского: в советско-польской войне «проиграла» не политика, а стратегия.

¹¹² См.: *Ефимов Н.* Действия 2-ой Конной армии в 1920 году. М., 1926; *Путна В. К.* К Висле и обратно. М., 1927; *Шиловский Е. А.* На Березине: Действия XVI армии на р. Березине в марте-июле 1920 г. М.;Л., 1928; *Гай Г. Д.* На Варшаву!: Действия 3 кон. корпуса на Западном фронте, июль август 1920 г. М.;Л., 1928; *Моденов И.* Двенадцатая дивизия на польском фронте: Воспоминания участника. М.;Л., 1928.

¹¹³ См.: *Меликов В. А.* Марна 1914 года. Висла 1920 года. Смирна 1922 года. М.;Л., 1928; *Мовчин Н. Н.* Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. М.;Л., 1928.

¹¹⁴ См.: *Мовчин Н. Н.* Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. С. 78.

¹¹⁵ *Меликов В. А.* Марна, Висла, Смирна. М., 1937. С. 6.

Одной из самых талантливых попыток (не только в 20-е г.) написать о советско-польской войне была монография бывшего командующего Юго-Западным фронтом Александра Ильича Егорова, изданная всего трехтысячным тиражом¹¹⁶. Написана она очень эмоционально, но это не лишило ее редкостной доказательности, обоснованности суждений.

Детально изучив многие, в том числе и французские, публикации, А. И. Егоров оспаривает взгляды на освещение истории этой войны практически всех авторов, которые к тому времени написали о ней. Он доказывает, что многие историки и военные деятели напрасно пытались свалить всю вину за военные неудачи на войска Юго-Западного фронта. Ссылаясь на документы архива Красной армии (ныне — Российский государственный военный архив), материалы личного архива, А. И. Егоров резко критиковал действия С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и других военных деятелей. Он писал о назревшей необходимости «скорейшего выпуска в свет такого исчерпывающего, беспристрастного исследования всей польской кампании в целом, в котором была бы последовательно и стройно восстановлена вся истинная сущность величайших исторических событий той эпохи»¹¹⁷.

К слову сказать, эта мечта так и не была осуществлена... В 1926 г. в Советском Союзе была издана на русском языке книга Юзефа Пилсудского «1920 год»¹¹⁸. Это был своеобразный ответ на лекции М. Н. Тухачевского, изданные под общим заголовком «Поход за Вислу». Предисловие к ней написал В. К. Триандафиллов, бывший в 1920 г. лишь комбригом, а позже — заместителем начальника Штаба РККА, известным историком и военным теоретиком.

Об этой книге Ю. Пилсудского написано много. Она неоднократно переиздавалась¹¹⁹. Его книга — это не только полемика с одним из основных своих военных противников — М. Н. Тухачевским, но и пример редкого самолюбования, чем, кстати, он был очень похож на советского командующего Западным фронтом. Для Юзефа Пилсудского развернувшаяся в 1920 г. война — лишь фон для освещения собственных дарований. В своей книге он постоянно полемизирует с «господином Тухачевским» и больше похож на въедливого журналиста, а не на полководца и политика. Обвиняя своего оппонента в ряде неточностей и тенденциозности, польский начальник государства сам не очень строг к себе в освещении тех или иных событий. Восемь схем, приложенных к книге, заметно дополняют ее, но постоянные всплески эмоций лишают ее черт, присущих историческому исследованию.

В 20-е гг. на разных языках издавались небольшие по объему книги о самом Ю. Пилсудском¹²⁰. Все они, как правило, были весьма тенденциозны. Личность польского политического лидера рассматривалась поверхностно, с заранее заданных политических позиций. Например, претендующая на биографическую работу, книга Г. Василькивского рисует образ Ю. Пилсудского как фашистского

¹¹⁶ См.: *Егоров А. И.* Львов — Варшава. 1920 год. Взаимодействия фронтов.

¹¹⁷ Там же. С. 5.

¹¹⁸ См.: *Пилсудский Ю.* 1920 год. М., 1926.

¹¹⁹ См.: Например, второе издание ее было в 1927 году: *Piisudski J.* Rok 1920: Z powodu ksiaiki M. Tuchaczewskiego «Pochyd za Wisie». Warszawa, 1927.

¹²⁰ См.: Например: *Бранд Е.* Торжество и падение Пилсудского. М. 1923; *Васильківський Г.* Перший маршал Польщі Юзеф Пілсудський. Харків, 1929.

деятеля. Даже на обложке книги во всю страницу изображена фашистская свастика. Сам автор, бывший политзаключенный, не располагал какими-либо глубокими знаниями в области истории, доверился, в основном, своим эмоциям и именно с эмоциональных позиций писал и о Юзефе Пилсудском, и о событиях советско-польской войны¹²¹.

Широко известны работы политического и военного руководства советской России, а позже — Советского Союза, опубликованные в 20-е гг.

Среди них в первую очередь интересно изучить труды С. С. Каменева, В. И. Ленина, Ю. Ю. Мархлевского, К. Радека, И. В. Сталина, И. И. Скворцова-Степанова¹²², Л. Д. Троцкого³⁹.

Но если статьи и выступления С. С. Каменева, В. И. Ленина и И. В. Сталина в России известны хорошо, то с рядом работ Ю. Ю. Мархлевского, Л. Д. Троцкого и И. И. Скворцова-Степанова читатели почти не знакомы. Между тем их оценочные положения очень важны и интересны.

По определению Юлиана Юзефовича Мархлевского, данному в июне 1920 г., цель Ю. Пилсудского — восстановить границы Польши в рамках 1772 г. Эту политику польского руководства Ю. Ю. Мархлевский в одной из своих статей оценивал как ложный романтизм проходимцев, опиравшихся на армию и Антанту⁴⁰.

Еще в начале мая 1920 г. Л. Д. Троцкий высказывал идею, ставшую весьма популярной среди советского руководства. Он считал, что необходимо разгромить «панскую Польшу» для того, чтобы она, как Россия, Украина и Белоруссия, стала республикой рабочих и крестьян⁴¹.

Почти не известна и книга Ивана Ивановича Скворцова-Степанова⁴², изданная «по горячим следам» еще в 1920 г. Этот труд — единственный в своем роде: восемь из одиннадцати его глав написаны автором во время полуторамесячного пребывания на фронте. Это — книга наблюдений, впечатлений большевика, не скрывавшего отсутствия военных знаний, ни

¹²¹ См.: *Васильківський Г.* Указ соч. С. 8.

¹²² В книге, автором которой он является, на титульном листе написано: И. Степанов.

³⁹ См.: *Каменев С. С.* Война с белой Польшей // Военный вестник. 1922. № 12. С. 8–10; *Ленин В. И.* Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 окт. 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 319–333; *Ленин В. И.* Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 окт. 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 344–361; *Ленин В. И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 7–33; *Мархлевский Ю. Ю.* Польша и мировая революция. М., 1920; *Мархлевский Ю. Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921; *Радек К.* Война польских белогвардейцев против советской России. М., 1920; *Сталин И. В.* Новый поход Антанты на Россию // Революция и фронт. 1920. № 5. С. 3–6; *Степанов И. И.* С Красной армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. М., 1920; *Троцкий Л. Д.* Советская Россия и буржуазная Польша. М., 1920; *Троцкий Л. Д.* Война с Польшей // Соч. Т. 17, Ч. 2. С. 390–406.

⁴⁰ См.: *Мархлевский Ю. Ю.* Польша и мировая революция. С. 35.

⁴¹ См.: *Троцкий Л. Д.* Война с Польшей. С. 406.

⁴² См.: Настоящая фамилия автора Скворцов. Его литературный псевдоним Степанов. В результате этого сложилась и стала широко известной двойная фамилия. В кн. *Наумова В. П.* «Летопись героической борьбы: Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР» на с. 159 дважды допущена ошибка: неверно указаны инициалы Ивана Ивановича Скворцова-Степанова (написано И. С. Скворцов-Степанов и И. С. Степанов).

секунды не сомневающегося в скором осуществлении мировой социалистической революции. Очень привлекательны не только впечатления автора об этой войне, но и документы, ставшие приложением к книге. Среди них — приказ Председателя РВСР Троцкого № 231 от 17 июля 1920 года под названием «Щадите пленных», открытое письмо бывшего шефа польских разведчиков в Гродненском и Сувалкском округах Игнатия Добржинского и многие другие.

Вполне закономерно, что в 20-е г. о советско-польской войне немало книг и статей было написано в Польше. По приблизительным подсчетам, их было в общей сложности более сорока. В основном эти работы издавались в Варшаве, реже — в Кракове, Познани, Львове. Почти половина всех материалов об этой войне печаталась в журнале «Bellona»⁴³.

В отличие от советских польские издательства в 20-е гг. книги о войне с русского языка переводили редко. Неожиданным исключением была книга бывшего командующего 4-й армии советских войск Е. Н. Сергеева, вышедшая, как уже отмечалось, в 1923 г. в Смоленске. Два года спустя она была переиздана на польском языке в Варшаве⁴⁴. Хотя, если вдуматься, неожиданность не столь уж велика. В сравнении с другими советскими авторами — крупными военачальниками Красной армии, на долю Е. Н. Сергеева больше всего досталось и военных неудач, и нелестных оценок руководства (вспомним, чего, например, только стоили оценки М. Н. Тухачевского!). Так что нет ничего удивительного в том, что именно его книга была больше по сердцу польским издателям и читателям.

Таким образом, 20-е гг. стали периодом плодотворной исследовательской работы в разных странах, особенно в Польше и Советском Союзе. В научный оборот вводились архивные документы, переводные публикации, что в целом, хотя и со многими оговорками, делало работы богаче и глубже.

Уже тогда в обеих странах появились исследования, которые, без сомнения, можно назвать если не всеобъемлющими, то, во всяком случае, очень добротными. Их особенностью была глубина анализа оперативно-тактических аспектов войны, отказ от рассмотрения хода событий под политическим углом зрения, опора на документы и статистические материалы.

Нынешние исследователи советско-польской войны 1920 г. не обладают той глубиной военных и фактических знаний, которые были у военных историков разных стран в 20-е гг. По моему мнению, современная историография советско-польской войны утратила стремление детально разобраться в боевых событиях того времени. Отсутствие этого стремления объясняется иллюзией всестороннего представления о минувших боевых действиях. Формированию этой иллюзии во многом способствует отказ современных исследователей от вдумчивого и кропотливого изучения достижений военных историков 20-х гг.

⁴³ См.: Например: *Kukiel M.* Dokumenty do historii planu operacji warszawskiej // *Bellona*. 1925. Z. 1; *Biernacki M.* Bitwa pod Rownem // *Bellona*. 1925. T. 18. № 2–3; *Borkiewicz A.* Opis dziaian 4 Armii Polskiej w roku manewru znad Wieprza // *Bellona*. 1927. № 2; *Faury I.* Bitwa pod Warszawa // *Bellona*. 1921. № 8; *Moszczecki J.* Przygotowanie i plan drugiej ofensywy Tuchaczewskiego (czerwiec lipiec 1920 r.) // *Bellona*. 1926. № 3; *Ryński T.* Моїливожьж интервенци конней armii Budionnego w bitwie warszawskiej // *Bellona*. 1925. № 2; *Kukiel M.* Pierwsza wytyczna operacji warszawskiej // *Bellona*. 1925. № 2.

⁴⁴ См.: *Siergiejew J. N.* Od Дцwiny ku Wińle. Warszawa, 1925.

Освоение их опыта в сочетании с достижением последующей историографии могло бы позволить в начале XXI в. на ином качественном уровне оценить события восьмидесятилетней давности, увидеть их реальное место в контексте процессов, протекавших в период между Первой и Второй мировыми войнами.

П. Б. Гречухин, В. Н. Данилов

ВЫХОД «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)» И ПРЕДВОЕННОЕ СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

«Краткий курс истории ВКП(б)» справедливо оценивается ныне как мрачная историографическая реликвия в истории российской исторической науки. Этот популярный учебник не только определял с конца 1930-х до середины 1950-х гг. содержание преподавания и изучение истории ВКП(б), но и оказывал прямое воздействие в целом на историческую науку и историческую пропаганду в СССР в то время, поскольку его концепция, созданная под руководством И. В. Сталина, вышла далеко за рамки собственно истории партии и стала эталоном при освещении отечественной истории XIX–XX вв. Предельно упрощенная, двухцветная схема исторического процесса сохраняла некоторые атрибуты, отражавшие реальный ход событий, но в целом была далека от научности, давала искаженную ретроспективу, преследовала, прежде всего, политические цели, связанные со временем своего появления. Вместе с тем и после смерти Сталина многие идеи и положения этой книги продолжали

фигурировать в официальных партийных документах, учебниках по истории и разного рода исторических сочинениях.

Критика положений «Краткого курса», представленной в нем концепции, анализ его влияния на историческую науку, его последствий и всего комплекса вопросов, связанных с появлением книги, присутствовали еще в литературе периода «оттепели», но всесторонними стали с конца 1980-х гг.¹²³ В то же время, на наш взгляд, историографический интерес могут представлять в данном случае две взаимосвязанные проблемы: отработка механизма осуществления пропагандистской кампании по распространению идей, изложенных в «Кратком курсе», и реакция общества на выход нового партийного учебника. Рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Подготовка «Краткого курса» к выходу из печати практически не освещалась. Его появление ознаменовалось публикацией всех глав книги на протяжении нескольких сентябрьских номеров 1938 г. в главной газете страны — «Правде». Суждение Н. Н. Маслова о том, что «...выход в свет («Краткого курса». — *Авт.*) сопровождался волной призывов к его изучению»¹²⁴, вряд ли дает реальное представление о силе и характере пропагандистского воздействия на массы. Действительно, 9 сентября в передовицах центральных газет были помещены призывы изучать историю партии по новому учебнику. Но в сравнении с другими пропагандистскими кампаниями того времени эта акция не представляется массивной. Такие события, как, скажем, эпопея летчиц М. Расковой, В. Гризодубовой, П. Осипенко, гибель В. Чкалова, судебный процесс над правотроцкистским блоком Бухарина, не просто количественно превосходят освещение выхода «Краткого курса», в этих случаях единой «сверхзадаче оказываются подчинены все элементы издания — статьи, публикации, изобразительные материалы и т. д.»¹²⁵

Анализ центральной прессы сентября 1938 г. показывает, что только «Правда» посвящала «Краткому курсу» свои передовицы с 9 по 16 число. В меньшей степени останавливалась на этом событии «Комсомольская правда». «Известия» же ограничились единственной передовой, помещая впоследствии на своих страницах небольшие материалы, освещающие работу на местах по выполнению нового партийного решения. В «Правде» сообщения о реакции на выход «Краткого курса» публиковались практически ежедневно, группируясь строго в рубрике «Партийная жизнь», не давая повода для квалификации своего издания как полностью подчиненного такого рода сверхзадаче. Однако уже указание передовицы «Правды» от 9 сентября на то, что серьезное, внимательное и настойчивое изучение «Краткого курса» объявлялось долгом каждого большевика, партийного и непартийного, свидетельствовало о несоответствии между небольшим размахом пропагандистской поддержки и

¹²³ См.: Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5; О некоторых догмах «Краткого курса» // Политическое образование. 1989. № 8; На подходах к «Краткому курсу» // Советские архивы. 1990. № 4; Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Его же. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // Советская историография. М., 1996 и др.

¹²⁴ Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина. С. 66.

¹²⁵ Сакулёнко М. И. История политической пропаганды. Киев, 1990. С. 121.

громадными масштабами предстоящей акции, ибо открыто не считать себя большевиком в 1938 г. мог только человек, у которого отсутствовал инстинкт самосохранения.

Уже 12 сентября «Правда» публикует принятое накануне постановление пленума МКП ВКП(б), в котором предписывалось «...развернуть сеть кружков и курсов по изучению истории партии». Заметки рубрики «Партийной жизни» выходят под названиями «Первые занятия кружков по изучению «Краткого курса», «Коллективные читки «Краткого курса». В следующем номере, от 13 сентября 1938 г., ленинградская фабрика «Скороход» рапортует: «Кружки по изучению истории партии уже организованы в цехах монокорпусной обуви, в вырубочном и заготовительном цехах, в отделе главного механика. Создаются кружки в фабричной школе среднего образования для учащихся старших классов». С этого номера в «Правде» появляется рубрика «Партийные и непартийные большевики приступают к глубокому изучению «Краткого курса». Вскоре помещаются сведения о создании новых кружков в Москве и Ленинграде, о читках в Смоленске, Николаеве, Коломне, Сталинграде, Баку и других городах страны¹²⁶. Союзным газетам вторили местные, чьи заметки отличаются от центральных только названиями населенных пунктов, в которых «трудящиеся с воодушевлением изучают «Краткий курс» в обеденные перерывы и после работы», создают кружки.

К экстренному выполнению новой идеологической задачи руководителей местного уровня, безусловно, подстегивал и страх перед возможным наказанием за недостаточно ревностное выполнение руководящих указаний. Примеры только что отгремевших судебных процессов в партийно-государственных, военных и промышленных кругах дамокловым мечом висели над теми, кому приходилось воплощать в жизнь директивы партийных верхов.

Казалось бы, изучение «Краткого курса», моментально охватившее большое количество людей, должно бы только приветствоваться верхами. Но уже 17 сентября передовица «Правды» под заголовком «Обеспечить глубокое изучение истории партии» обстоятельно критикует ошибки, совершенные, разумеется, руководителями на местах. Основной ошибкой в статье названа неоправданная торопливость в изучении истории ВКП(б) при отсутствии надлежащего количества соответственно подготовленных партийных пропагандистов. «Партия приступает к новой, большой работе, к которой нельзя подходить со старой меркой», — утверждала передовица. Спасительная подсказка содержалась в указании на то, что «...основным условием успеха предстоящих занятий в кружках является предварительное индивидуальное чтение глав «Краткого курса»¹²⁷. Основной вывод состоял в том, что «Глубокое изучение истории партии начинается после выхода «Краткого курса» отдельной книгой. Тогда по-настоящему должны заработать кружки партийного просвещения, а сейчас остающееся время надо посвятить подготовке пропагандистов и предварительному ознакомлению коммунистов с «Кратким курсом»¹²⁸. Однако сообщения с мест свидетельствуют о том, что прежняя практика знакомства с текстом «Краткого курса» продолжалась и в течение октября — первой половины ноября 1938 г.,

¹²⁶ Правда. 1938. 17 сент.

¹²⁷ Правда. 1938. 17 сент.

¹²⁸ Там же.

несмотря на постоянные напоминания о необходимости «...тщательно готовиться к глубокому изучению истории партии... не допускать спешки и шумихи...»¹²⁹.

Поэтому 14 ноября появилось известное постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса», многие положения которого ранее уже звучали на страницах газет, но там они носили характер рекомендаций, при всей призывно-командной форме их изложения и существенно на изменение ситуации не влияли. Выход постановления ЦК, следовательно, продемонстрировал, что местный аппарат, постоянно находясь между молотом партийных директив и наковальной методов по их выполнению, утратил способность к какой-либо инициативе в решении вопросов, в том числе в области идеологии и пропаганды. Для нас постановление ЦК ВКП(б) интересно еще и тем, что в нем обозначены причины недовольства руководства методами выполнения указаний по изучению «Краткого курса». «Обилие кружков лишило партийные организации возможности контролировать пропагандистскую работу, — говорилось в постановлении. — В результате кружки превратились в автономные и бесконтрольные организации, ведущие работу на свой риск и страх»¹³⁰.

Главный негативный итог возникновения большого количества кружков ЦК видел лишь в снижении качества работы и распространившемся формализме. Но, на наш взгляд, существовала еще одна причина, по которой упор на кружковую работу был признан нецелесообразным. Занятия в кружке, особенно в том, который существовал и до выхода «Краткого курса», — это прежде всего диалог, обмен мнениями, спор. При всей значимости и масштабности усилий по обработке общественного сознания, предпринимаемых на протяжении 1930-х гг., «Краткий курс» содержал столь значительные передержки реальных событий, что люди, знакомые с прежним изложением истории партии и Советского государства, не могли этого не заметить, а заметив, не могли не поделиться этим с другими именно на занятиях по изучению «Краткого курса». Сталин, сам прошедший школу кружкового воспитания до революции, не мог не учитывать этих факторов и поэтому стремился максимально пресечь обсуждение этой книги. В постановлении отмечалось, что «в пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать — газеты, журналы, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место»¹³¹.

В целом, согласно новому постановлению ЦК, основным методом изучения «Краткого курса» должно было стать самостоятельное изучение, «...а партия должна придти на помощь кадрам в этом отношении через печать и централизованную квалифицированную консультацию»¹³². Регламентировалась также работа печати, системы партполитпросвещения. Вскоре в центральных и местных газетах появились рубрики «В помощь изучающим историю ВКП(б)», в которых давались ответы на вопросы читателей, публиковались статьи по

¹²⁹ Известия. 1938. 21 окт.; Коммунист (Саратов). 1938. 18, 22 сент.

¹³⁰ О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»: Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 369.

¹³¹ О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»... С. 370.

¹³² Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). С. 368.

различным аспектам партийной истории. В заметках стали преобладать названия типа: «Лекции и консультации», «Решающая роль партийной пропаганды», «Интеллигенция и революция». Кроме этого, были предприняты меры по внедрению «Краткого курса» в систему высшего образования путем создания единых курсов и кафедр.

Еще одним аспектом, который вызвал нареkanie ЦК (точнее того, кто скрывался за этой аббревиатурой), было уделение неограниченного количества времени «...первым темам, а послеоктябрьский период, имеющий важнейшее значение в истории партии, остается неизученным»¹³³. Это свидетельствовало о том, что Сталин имел определенные опасения, что в ходе обстоятельного совместного изучения несоответствия положений «Краткого курса» реальным фактам истории ВКП(б) будут слишком бросаться в глаза. И проблема была им решена до гениальности просто. Будучи полностью уверенным в том, что постановление ЦК будет выполнено низами буквально, Сталин просто аксиоматично объявил о перспективной важности послеоктябрьского периода истории партии.

Надо сказать, что стилистически и концептуально постановление от 14 ноября 1938 г. ничем не выделялось из ряда партийных решений, посвященных другим сторонам жизни общества: ответственность за неверно взятый курс была возложена на низовые руководящие партийные структуры. Поэтому в конце концов волна перекалывания вины на другие, нижестоящие, органы, логически докатилась до горкомов и райкомов. Так, 22 сентября 1938 г. саратовский «Коммунист» на своих страницах сообщал о том, что Аркадакский райком «...допустил вредную ошибку. Райком обязал первичные организации немедленно приступить к изучению «Краткого курса». Хотя партийцы Аркадака всего лишь выполняли решение обкома ВКП(б) от 16 сентября 1938 г., согласно которому все райкомы и горкомы были обязаны «развернуть и организовать» работу по изучению «Краткого курса» путем проведения громких групповых чтений его материалов¹³⁴. Обком же выполнял указания ЦК, который в очередной раз продемонстрировал свою способность вовремя одергивать зарвавшихся товарищей.

Однако, в очередной раз поправив ошибающиеся низы, ЦК не дал указанным постановлением ответа на некоторые вопросы. Так, провозгласив первенство индивидуального метода при изучении истории партии, никаких рекомендаций по контролю за этим дано не было. В результате перед местными партийными руководителями встала проблема контроля и проверки индивидуальной работы. Для низшего звена руководства кружковый метод работы был более удобен, так как позволял наглядно продемонстрировать выполнение принятых решений. Контроль же за всеми по отдельности был попросту невозможен. Об этом говорил секретарь парткома Саратовского облисполкома Степанченко (правда, еще до выхода постановления ЦК): «Крепко сомневаюсь, чтобы человек, уйдя поздно с работы, взял дома книжку! Вот мы и организовались в кружок — так оно вернее»¹³⁵.

Те же, кто буквально принялся следовать постановлению, предоставили дело работы с учебниками каждому в отдельности, в результате попали под

¹³³ Там же. С. 374.

¹³⁴ Коммунист (Саратов). 1938. 16 сент.

¹³⁵ Известия. 1938. 21 окт.

огонь критики за то, что дело историко-партийного самообразования коммунистов пустили на самотек. Это отмечалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 16 августа 1939 г. «О постановке пропаганды марксизма-ленинизма в Белорусской ССР, Орловской и Курской области». Причем в постановлении сказано, что «...указанные выше недостатки в деле организации и руководства партийной пропагандой имеют место... и в других партийных организациях»¹³⁶. Тем самым данное решение высшего партийного руководства фактически дезавуировало положение постановления ЦК от 14 ноября 1938 г. о том, что изучение истории партии — дело добровольное даже для коммунистов. Отсюда низовым исполнителям зачастую в этом деле приходилось уповать на методы принуждения. Так, в одном из выступлений на совещании работников печати в Саратове прозвучали весьма симптоматичные слова: «Говорили с ней, она брыкалась, брыкалась, ссылалась на то, что ей некогда, но все-таки убедили. Два человека все так и не занимаются изучением истории партии, а им надо ее изучать»¹³⁷.

На массовое обязательное изучение «Краткого курса» нацеливало еще совещание в Кремле пропагандистов и руководящих идеологических работников Москвы и Ленинграда, состоявшееся в конце сентября — начале октября 1938 г. В своем вступительном слове секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов сказал: «Задача связана с тем, чтобы овладели большевизмом (на основе изучения «Краткого курса». — *Авт.*) не только кадры пропагандистов, но и кадры советские, кадры хозяйственные, кооперативные, учащаяся молодежь»¹³⁸. Не случайно, что руководители на местах, дабы не быть обвиненными в плохой исполнительности, стали внедрять «Краткий курс» в школьное обучение. И вновь были обвинены в перегибе. Постановление СНК СССР от 10 декабря 1939 г., официально оформившее принятое днем раньше решение политбюро ЦК ВКП(б)¹³⁹, указало, что в «в некоторых средних школах вместо преподавания истории СССР директорами и преподавателями самовольно введено обязательное преподавание истории ВКП(б), что противоречит решению ЦК от 14 ноября 1938 г.»¹⁴⁰. Однако инерция данной идеологической кампании была настолько сильной, что, несмотря на категоричное правительственное предписание органам образования «немедленно ликвидировать факты самовольного преподавания истории партии в средних школах и воспретить проведение испытаний и выставление отметок по курсу истории ВКП(б) для учащихся этих школ», практика проведения уроков по партийной истории продолжалась еще некоторое время. Об этом свидетельствует, в частности, письмо в редакцию «Правды» и отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) школьного учителя из Криворожья А. Лазаренко, написанное не ранее 15 апреля 1940 г. В письме сообщается о грамматической ошибке, допущенной в тексте «Краткого курса» и о

¹³⁶ О постановке пропаганды марксизма-ленинизма в Белорусской ССР, Орловской и Курской области: Постановление ЦК ВКП(б) от 16 августа 1939 г. // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). С. 439.

¹³⁷ Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 17, оп. 1, д. 1674, л. 48.

¹³⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 120, д. 307, л. 3.

¹³⁹ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1016, л. 67.

¹⁴⁰ Народное образование в СССР: Сборник документов. М., 1974. С. 176.

случившемся в связи с этим инциденте. А. Лазаренко объяснял ученикам «...правописание глагола «нехватать»... а тут через несколько дней они приходят с таким авторитетным аргументом (текстом «Краткого курса». — *Авт.*) и утверждают, что «не хватает» нужно писать отдельно, это, мол, издание редактировал сам товарищ Сталин. И хотя я им доказал, что это просто топографическая (так в документе. — *Авт.*) ошибка, они остались какими-то удрученными и даже с некоторыми сомнениями. Сомнения я их развеял только тогда, когда нашел в VIII главе слитное написание этого глагола»¹⁴¹.

Таким образом, массированная кампания, связанная с выходом «Краткого курса», проходила по традиционной для того исторического периода схеме: посыл сверху — усердное исполнение массами под руководством среднего и низшего звена партийно-государственного аппарата при поддержке через средства пропаганды и агитации — перегибы — предостережение сверху от «головокружения от успехов» (разумеется, со списанием всей вины за перегибы как раз на низших и средних руководящих работников) — постепенное установление более-менее приемлемых форм и методов выполнения принятого решения.

Надо признать, что советский народ был в значительной мере подготовлен к восприятию этой мощной пропагандистской кампании всей предшествующей деятельностью власти в области идеологии. Конечно, восприятие содержащихся исторических сведений во многом зависело от культурного, образовательного уровня каждого человека. Люди из низших слоев общества, прежде всего крестьяне и малоквалифицированные рабочие, были более подвержены мощной историко-пропагандистской обработке.

Так, М. В. Девека из подмосковного Алпатьева писал в ЦК ВКП(б), что сосед его, плотник, прочел статью, где критиковалась книга немецкого ученого о голоде в СССР, и вступился за немца. «Нахально обманывают... ученый все правильно написал. Это я сам видел», — говорил плотник. «Ну так, — говорю, — значит, это не Вас обманывают. Предположите, что Вас хотели бы обмануть, но ведь это же невозможно сделать, т.к. Вы сами видели. Значит, это не Вас обманывают, значит, это написано в целях укрепления дружбы трудящихся других стран, в целях предотвращения военного нападения на С.С.С.Р., в целях ускорения мировой революции. Т.е. не во вред Вам, а в Ваших же интересах»¹⁴².

Действительно, как справедливо считает Е. Добренко, идеология овладения массами никогда не могла бы иметь успеха, «если бы не опиралась и не была сама когерентной структуре массового сознания, если бы она не имела корней в социальной психологии»¹⁴³. Эта психология оказывала существенное влияние и на специфику исторического сознания. Такие люди сами додумали для себя желаемое обоснование событий прошлого, порою опережая в этом замыслы власти. Ей не приходилось насильно навязывать таким людям свое мнение. Вышеупомянутый Матвей Девека, о его образовательном и культурном уровне говорит сама оригинальная стилистика письма (орфография сохранена), считал, что «вероятно, в проведении коллективизации искривление партийной

¹⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 1, л. 81об.

¹⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 1, л. 69.

¹⁴³ Добренко Е. Метафоры власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 43.

линии (ошибки и перегибы) было не только на основе «увлечения успехами», но сыграло свою роль и «работка» Бухарина и др... Если так, то это тоже нужно отметить, хотя бы так: на стр. 294. («Краткого курса». — *Авт.*) после слов: «Кулаки и их подголоски, — добавить: — «руководимые Бухариным и др.»¹⁴⁴. И Матвей Девека не одинок. Колхозник из колхоза «Красный водник» Ростовской области Иван Шабаров считал, что в «Кратком курсе» необходимо было отметить личное участие Сталина в организации батумских забастовок 1902 года, так как об этом сказано в книге Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье»¹⁴⁵.

Как видим, такие люди сами, без подсказок сверху, додумывали желаемое обоснование событий, порою заходя здесь в области фальсификации дальше, чем авторы читаемых ими книг. Разница состояла только в том, что фальсификации сверху носили продуманный и целенаправленный характер, а фальсификации снизу не имели, как в данном случае, никакой практической выгоды для их автора и зависели лишь от его искреннего душевного порыва. «Пришлось мне встретить книжку, где на обложке помещены портреты Ленина и Троцкого, а внизу написано «Да здравствуют наши вожди». Эту книжку читают дети... надо это быстро ликвидировать», — говорил стахановец Муравьев в октябре 1936 г.¹⁴⁶ Перед нами наглядный пример эффективного, успешного действия сформированного стереотипа. Человек не задумывается, почему Троцкий назван там вождем наряду с самим Лениным. Безотказно срабатывает стереотип «Троцкий — злейший враг», отметающий остальные вопросы. Однако даже представители этого, наиболее поддающегося влиянию средств пропаганды слоя, порой замечали разницу между положениями старых и новых историко-партийных учебников. Так, уже упомянутый Иван Шабаров обращал внимание адресата — (отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) — на несоответствие положений «Краткого курса» и сочинений В. И. Ленина¹⁴⁷.

Большинство же советской интеллигенции изучало историю партии по «Краткому курсу» и по первоисточникам — работам Ленина и партийным документам, и, разумеется, у них возникало в этой связи гораздо больше вопросов. Учительство беспокоило прежде всего проблемы возможности использовать «Краткий курс» в качестве учебного пособия. «Не могу не указать на один очень крупный недостаток. Дело в том, что книга предложена для массового пользования публики примерно со средним образованием. Но глава IV переполнена научными выражениями и в ней не разобраться», — писал в комиссию по изданию «Краткого курса» народный учитель С. И. Пугачев¹⁴⁸, подтверждая тезис, высказанный Ярославским в 1935 г. в письме Саталину и Стецкому о необходимости выпуска трех видов учебника (для низовой партийной сети, для комвузовцев и пропагандистов)¹⁴⁹. Еще один учитель, В. Немиров, внимательно отследил грамматические ошибки «Краткого курса», вторя уже упоминавшемуся А. Лазаренко¹⁵⁰.

¹⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 1, л. 67 об.

¹⁴⁵ См.: Там же. Л. 5.

¹⁴⁶ РГАСПИ, ф. 623, оп. 1, д. 120, л. 49.

¹⁴⁷ См.: Там же. Ф. 17, оп. 125, д. 1, л. 6.

¹⁴⁸ Там же, д. 1, л. 47.

¹⁴⁹ См.: Там же. Ф. 89, оп. 1, д. 84, л. 11.

¹⁵⁰ См.: Там же. Ф. 17, оп. 125, д. 1, л. 121–123.

Дисциплинированные партийцы, старательно изучавшие новый учебник, также замечали появившиеся «новшества»: «Ленин учит тому, что Р.С.Д.Р.П. образовалась в 1903 году на II съезде. Что это: опечатка или поправка к Ленину. Прошу разъяснить», — писал в ЦК ВКП(б) москвич А. М. Павлов. Руководящие партийные работники низового и среднего звена в основном обращали внимание на несоответствие цифровых данных первоисточников и «Краткого курса». О расхождении количественного состава ЦК IV съезда писали работник политотдела Северо-Кавказской железной дороги Адаменко, пропагандист Ленинского райкома ВКП(б) г. Орджоникидзе Дорогов и др.¹⁵¹ Преподаватель основ марксизма-ленинизма Родионов из Москвы пишет о необходимости графического материала, карт, схем (что, кстати, имели первые историко-партийные учебники). «Необходимы указатели первоисточников, необходимы примечания, как в собрании сочинений Ленина», — считал он¹⁵².

Эти люди изучали историю партии, по их собственным признаниям, «глубоко», «упорно», «глубже и еще раз глубже», сравнивая прочитанное с первоисточниками, и делились своими сравнениями с теми, кто, как они считали, мог развеять появившиеся сомнения. Примечательно, что письма были адресованы, как правило, высшему партийному руководству, что показывает неспособность (либо нежелание) пропагандистов на местах полноценно ответить на возникающие вопросы по причине как невысокого уровня подготовки пропагандистского аппарата, так и боязни работников «идеологического фронта» давать ответы на достаточно ответственные и щепетильные вопросы. В одном из писем в ЦК прямо сказано: «Я обращаюсь к Вам... так как мне на месте ничего не могли толково разъяснить наши консультанты»¹⁵³.

Однако в обществе существовали и более серьезные вопросы к власти. Р. В. Рубанович из Харькова просил у редакции журнала «Пролетарская революция» летом 1940 г. выслать ему письма Ленина, которые автор в первом послании не называет прямо «завещанием» вождя¹⁵⁴. В пространным и путанном ответе в конце концов были даны ссылки на два опубликованных письма Ленина¹⁵⁵. Повторное письмо Рубановича более категорично и серьезно:

«Уважаемый товарищ! Ваш ответ на мой запрос о письмах В. И. Ленина, адресованных XIII съезду партии, меня не удовлетворил: 1) Письма Ленина, на которые Вы мне указали... написаны В.И. еще в 1917 году и адресованы XIII съезду партии не были. Эти письма я давно читал, хорошо о них знал...

Я спрашиваю Вас... именно о письмах, написанных в последний год работы В. И. и адресованных XIII съезду партии, [о которых] т. Сталин на пленуме ЦК в 1926 г. сказал, что оно в партийных кругах носит название «завещание»...

Если эти письма не опубликованы, но опубликование разрешено, прошу выслать копии документов»¹⁵⁶.

¹⁵¹ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 1, л. 49–52.

¹⁵² Там же. Л. 82–83.

¹⁵³ Там же. Л. 23.

¹⁵⁴ РГАСПИ, ф. 72, оп. 1, д. 32, л. 40.

¹⁵⁵ См.: Там же. Л. 41.

¹⁵⁶ РГАСПИ, ф. 72, оп. 1, д. 32, л. 37–37об.

Но реакция на ужесточенную позицию автора письма была еще более категорична: «По указанию Дирекции ИМЭЛ ответа на это (второе) письмо Рубановича не давать. В архив»¹⁵⁷.

Кстати, подобное обращение с неудобными вопросами в то время практиковалось достаточно широко. Стандартные формулировки типа «ответ составлен неудовлетворительно», «ответ устарел», «архив» встречаются на многих письмах в центральные партийные инстанции. Таким образом, мы видим, что часть общества, имеющая более высокий образовательный уровень либо опыт партийной работы и, следовательно, определенную сумму знаний об истории партии, не оставила без внимания изменения, произведенные в «Кратком курсе».

Однако совокупность методов убеждения, устрашения и игнорирования дала свои результаты. Еще в начале 1930-х гг. в ЦК могли приходиться письма с выражениями: «...товарищ Сталин сворачивает вину на места, а себя и верхушку защищает» и «...как партия может терпеть такого типа (Сталина. — *Авт.*)... пусть живет коммунистическая партия, но без сталинских уставов»¹⁵⁸, то проработка в низовых организациях закрытого письма ЦК об убийстве Кирова свидетельствует о крайне беспощадном отношении к тем, кто высказывал расходящиеся с официальной точки зрения. Так, на саратовском заводе «Трактородеталь» рабочий Тугаринов спросил: «Как понимать, что Зиновьев с Лениным работал хорошо, а после смерти Ленина — Зиновьев стал контрреволюционером?»¹⁵⁹ Вместо ответа на вопрос, парторганизация завода взялась за проверку «лица» Тугаринова. В результате человек был исключен из партии. Те же, кто не спрашивал, а высказывал несогласие с официальной линией, подвергались еще более жестким наказаниям. Инструктор Крайпотребсоюза в Дергачевском районе Саратовской области Медведев заявил: «...жаль Зиновьева, он большой заслуженный работник. Он очень умело сказал в своем показании...»¹⁶⁰. И что же? «По делу Медведева Райотделением Управления НКВД ведется следствие»¹⁶¹. Ясно, что к концу 1930-х гг. не соглашаться со Сталиным было уже невозможно. Поэтому в предложении вождя снять фамилии Е. М. Ярославского и П. Н. Пospelова с обложки «Краткого курса», как авторов книги, был, возможно, и этот расчет. Можно было критиковать Ярославского и Пospelова либо кого-нибудь еще, но критиковать ЦК, и тем более Сталина, в тех условиях не стал бы никто. Тезис о том, что «Краткий курс» издан под непосредственным руководством и при участии Сталина, присутствовал практически во всех посвященных этому публикациях. Поэтому в массовое сознание И. В. Сталин прочно вошел как автор «Краткого курса», что нашло свое отражение и в письмах в ЦК ВКП(б).

Анализ пометок на письмах, пришедших сюда в 1938–1940 гг., позволяет говорить о том, что отдел пропаганды и агитации ЦК был центром, куда стекались все отзывы, письма с мест, касающиеся «Краткого курса», программы партии, книг о Сталине и прочей продукции пропагандистского содержания. Так, в Агитпроп были направлены письма, приходившие в газеты

¹⁵⁷ Там же. Л. 37.

¹⁵⁸ Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 183.

¹⁵⁹ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 294, л. 60.

¹⁶⁰ Там же. Л. 122.

¹⁶¹ Там же. Л. 123.

«Правда», «Рабочая Москва», журнал «Спутник агитатора», Госполитиздат¹⁶². Направлял П. Н. Поспелову (зам. завотделом) пришедшие к нему письма такого рода и главный партийный историк Е. М. Ярославский. О том, что такая практика была заранее оговорена, свидетельствует, в частности, одно из сопроводительных писем из газеты «Рабочая Москва», гласившее: «Товарищ Поспелов. По договоренности посылаю Вам полученное редакцией нашей газеты письмо гр. Святославской»¹⁶³. Это давало возможность высшим идеологическим инстанциям иметь первичную информацию о восприятии положений «Краткого курса» в общественном сознании. Письма, поступившие в Агитпроп ЦК, не только собирались, но просматривались, сортировались там. На письме пропагандиста из Ленинграда Ф. Ф. Давитая, например, стоит резолюция Поспелова «К материалам по истории ВКП(б) (учесть при подготовке 2-го издания Краткого Курса)». Такая же резолюция на письме скульптора Жукова из Москвы¹⁶⁴ и на многих других. Однако хорошо известно, что предложения простых людей, как и замечания известных советских историков, не были учтены при всех последующих переизданиях¹⁶⁵.

В заключение следует отметить, что условия, в которых протекала кампания, связанная с выходом «Краткого курса», заметно облегчали ее осуществление. Факторы, затруднявшие пропаганду историко-партийных знаний в 1920-е гг., претерпели существенные изменения. Издательско-техническая база многократно возросла и укрепилась в силу возросшей общей экономической мощи Советского государства. Сам «Краткий курс» с 1938 по 1953 г. издавался 301 раз в количестве 42816 тыс. экземпляров на 67 языках¹⁶⁶. Рычаги управления всеми структурами государства позволяли директивно концентрировать издательские мощности на определенном участке. Так, например, в июне 1939 г. политбюро ЦК рекомендовало Союзбумсбыту «...отгрузить Политиздату Украины 500 тыс. тонн бумаги для издания учебника по истории ВКП(б) сверх фондов, выделенных Украине на 1939 год»¹⁶⁷. В результате скорость распространения «Краткого курса» по стране в таком количестве, пожалуй, не может сравниться с выпуском какой-либо другой книги. Письма, поступившие в ЦК, свидетельствуют, что практически все их авторы, проживавшие в Ростовской, Одесской, Саратовской, Ленинградской областях, прочитали «Краткий курс» осенью 1938 г., т. е. за три месяца со дня опубликования текста в «Правде». Причем распространение «Краткого курса» достигло и таких населенных пунктов, где было деления на улицы. «Краткий курс» распространялся путем перепечатывания его текста в местных газетах, зачитывался по радио.

Система цензуры, контроля за выпуском печатной продукции, основы которой складывались в 20-е гг., достигла в 30-е гг. своего совершенства. Малочисленные тиражи старых историко-партийных учебников Зиновьева, Волосевича, Ярославского, Попова, преданных анафеме за изложение истории ВКП(б) прежде всего «вокруг исторических лиц и воспитывавших кадры на

¹⁶² См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 12.

¹⁶³ Там же. Л. 10.

¹⁶⁴ Там же. Л. 76, 78.

¹⁶⁵ См.: *Маслов Н. Н.* «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия сталинизма и пост-сталинизма. С. 260.

¹⁶⁶ См.: *Маслов Н. Н.* Указ. соч. С. 240.

¹⁶⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1010,

лицах и биографиях»¹⁶⁸, были надежно упрятаны в спецхранах библиотек. И наконец, проведенные преобразования в сфере ликвидации массовой неграмотности и повышения культурного уровня населения привели к тому, что массы советского народа стали благодатной почвой для воздействия мощной централизованной системы историко-партийной пропаганды. Комплекс рассмотренных нами факторов объясняет ту устойчивость сформированных во второй половине 1930-х гг. стереотипов массового исторического сознания, которая помогла сохраниться сталинской концепции истории партии вплоть до второй половины 1980-х гг., хотя, как видим, восприятие новой историко-партийной концепции в конце 1930-х гг. было не столь однозначно единодушным, как это демонстрировалось тогда в советских средствах массовой информации.

Ю. Г. Степанов

«ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ» «МОСКОВСКОГО СБОРНИКА»?

Впервые «Московский сборник» был издан К. П. Победоносцевым в 1896 г. и переиздавался с дополнениями и уточнениями вплоть до 1901 г. К этому времени репутация обер-прокурора как «апостола царизма» и главного вдохновителя реакции была устойчивым стереотипом общественного сознания, хотя в реальности его положение «тайного властителя» и «серого кардинала» было мифом. Сам «русский папа» это прекрасно сознавал. «С давних времен люди европейские, да и русские, не знающие, чем и как движутся наши административные пружины, воображают что все, что ни происходит в России от правительства, движется волею или прихотью какого-нибудь одного, кто в ту или другую минуту считается влиятельной силой, так сказать, «первым по фараоне лицом». И вот, к несчастью, утвердилось всюду фантастическое представление о том, что я — такое лицо, и сделали меня козлом отпущения за все, чем те или другие недовольны в России, и на что те или иные негодуют», — жаловался Константин Петрович в письме П. А. Тверскому¹⁶⁹.

Безусловно, что в этих словах есть большая доля правды, но верно и то, что Победоносцев заслужил подобную репутацию, отстаивая с фанатическим упорством на протяжении десятилетий основы самодержавия. В этом контексте и был воспринят в обществе «Московский сборник», как концентрированное выражение идеологии консервативных сил.

В течение многих лет Победоносцев вел обширную издательскую деятельность. «...Почти в исключительном распоряжении Константина Петровича состоял большой издательский капитал А. Муравьева, который также употреблялся им на выпуск многих духовно-нравственных трудов,

¹⁶⁸ О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». С. 366.

¹⁶⁹ *Тверской П. А.* Из деловой переписки с К. П. Победоносцевым. 1900–1904 гг. // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С. 654.

брошюр», — сообщал один из первых биографов обер-прокурора¹⁷⁰. Однако в этом потоке анонимной духовно-нравственной литературы «Московский сборник» занимает особое место, как символ веры обер-прокурора, последнее, что пытался он внушить русскому обществу.

Конечно, сборник был замечен образованной русской публикой, но по условиям цензуры либеральная и демократическая печать не могли публично ответить идеологу самодержавия, а консервативная пресса, как ни странно, вяло отреагировала на появление «манифеста реакционных сил». Между тем «Московский сборник» вызвал определенный интерес за рубежом. В. В. Ведерников отметил, что «при помощи О. А. Новиковой и В. Стэда» книга «была переведена на английский язык. Французский перевод сделал В. Лутковский при содействии одного из лидеров партии радикалов и бывшего премьера Л. Буржуа»¹⁷¹. Отмечу, что обер-прокурор не стеснялся печататься в зарубежных изданиях с критикой западной демократии¹⁷².

Революция 1905–1907 гг. сломала цензурные запреты в России, и «Московский сборник» на какое то время переместился с периферии в самый центр публичного обсуждения, точнее сказать, осуждения. Основные положения «Московского сборника» были подвергнуты беспощадной, но односторонней критике. Наиболее характерной в этом отношении можно назвать работу Л. З. Слонимского. Автор считал, что «руководящие политические идеи К. П. Победоносцева просты. Лучший государственный строй — тот, который обеспечивает ему, Победоносцеву, преобладающее влияние в государстве и позволяет солидарным с ним сановникам спокойно и бесконтрольно пользоваться всеми благами неограниченной власти и принудительного авторитета. Истина есть то, что полезно и удобно для носителей власти; ложь — все то, что для них стеснительно или неприятно». Таковы, по мнению Слонимского, истинно русские исторические начала, которых неизменно придерживался К. П. Победоносцев¹⁷³. В том же ключе высказывались и другие публицисты, общественные деятели России того времени¹⁷⁴.

«Московский сборник» почти не анализировался отечественными мыслителями того времени, настолько он казался не соответствующим духу времени. В. О. Ключевский исчерпывающе выразил отношение русской интеллигенции к обер-прокурору Святейшего Синода: «Презирал все, и что любил и что ненавидел, и добро, и зло, и себя самого»¹⁷⁵.

В последние годы жизни Победоносцев был занят переводом со славянского на общедоступный русский язык Евангелия¹⁷⁶. Он уже не мог

¹⁷⁰ Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Исторический вестник. 1907. №4. С. 250.

¹⁷¹ Ведерников В. В. «Московский сборник» К. П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестник. ВолГУ. Сер. 4. История. Философия. 1997. Вып. 2. С. 41.

¹⁷² См.: Победоносцев К. П. Заблуждения демократии // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1906. № 2. С. 253–261 (перевод его статьи из американского журнала «The Cosmopolitan»).

¹⁷³ Слонимский Л. З. О великой лжи нашего времени: К. П. Победоносцев и В. П. Мещерский. Критический этюд. СПб., 1908. С. 3–5.

¹⁷⁴ См.: Амфитеатров А., Аничков Е. Победоносцев. СПб., 1907.

¹⁷⁵ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 346.

¹⁷⁶ См.: Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 266.

ответить своим оппонентам; «он умирал медленно, как тяжело раненный воин. Перед ним... наступало со страстью и необдуманной стремительностью торжество тех начал, на подавление которых он столь бесплодно употребил и свой острый ум, и свое влияние», — свидетельствовал хорошо знавший теперь уже бывшего обер-прокурора А. Ф. Кони¹⁷⁷.

В горячке революционных лет и «Московский сборник», и его создатель, казалось, были прочно и навсегда забыты, чему способствовала и подчеркнутая обособленность Константина Петровича. «Мрачная фигура знаменитого обер-прокурора решительно выпадает из интеллектуальной истории России. Он не вписывается безоговорочно ни в одну из парадигм общественного сознания прошлого века, стоит в стороне от всех религиозных увлечений эпохи», — таков приговор современной исследовательницы О. Е. Майоровой¹⁷⁸.

И все же наиболее пронизательные соотечественники обер-прокурора обращали внимание на «Московский сборник» как на неординарное и самобытное явление российской культурной жизни. Знаменитый Н. А. Бердяев имел интеллектуальную смелость заявить, что «Победоносцев был более замечательным, сложным и интересным человеком, чем это думают, когда обращают внимание на его реакционную политику»¹⁷⁹. Прочитав «Московский сборник», он неожиданно сравнил Победоносцева с К. Марксом. По Бердяеву, обер-прокурор, как и автор «Капитала», смотрел на человеческое общество, как на механику сил¹⁸⁰. Вопреки мнению многих своих современников Бердяев очень точно определил, что «Победоносцев далек от славянофилов, так как не имел подобно им широких исторических перспектив, не разделял их земной религиозной утопии, ему был чужд всякий мессианизм»¹⁸¹. Философ-персоналист, поборник свободы человеческой личности, Бердяев не мог не заметить предельной жесткости и узости историко-философских схем Победоносцева.

Очень сильное впечатление произвел «Московский сборник» на другого замечательного русского философа — В. В. Розанова, считавшего, что «невозможно читать эту книгу и не задуматься ею»¹⁸². Розанов, как и Бердяев, не анализировал политическую концепцию адепта абсолютной монархии. Для него важно было понять исходную идею Победоносцева, обнаружить скрытые движущие пружины его идеологии. Автор «Уединенного» не был столь политически ангажированным, как прямые идейные противники обер-прокурора. Блистательный стилист, тонкий и пронизательный мыслитель, он не скрывал своеобразного очарования образов и слога «Московского сборника». «Он (Победоносцев. — Ю. С.) поступает как маг. Развернул широкое полотно своих вздохов, не объясняя, не доказывая, почти только поэтизируя», —

¹⁷⁷ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 310.

¹⁷⁸ Майорова О. Е. «Я живу постоянно в рамках...» (О культурно-психологической подпочве политической концепции К. П. Победоносцева) // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 167.

¹⁷⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 296.

¹⁸⁰ Бердяев Н. А. Нигилизм на религиозной почве // Победоносцев... С. 290.

¹⁸¹ Там же. С. 291.

¹⁸² Розанов В. В. Около церковных стен // Там же. С. 299.

фиксирует Розанов свои впечатления¹⁸³. Скептик по свойству характера и убеждениям, Розанов был потрясен *абсолютным неверием* Победоносцева в силу и возможности нравственного и умственного прогресса человечества. «...Московский сборник» весь дышит недоверием к людям, и как к толпе, и индивидуально... Автор как бы рассматривает все худое в увеличительное стекло, а все доброе в отражении вогнутого уменьшающего зеркала»¹⁸⁴, — этот вывод подводил итоги размышлений Розанова о «Московском сборнике» и его создателе.

В хаосе революции и судорогах послереволюционных лет Победоносцева все же не забыли: была издана его обширная переписка, время о времени имя его мелькало в публикациях по истории России второй половины XIX в.¹⁸⁵, хотя чаще всего образ обер-прокурора использовался как символ мрачной эпохи Александра III¹⁸⁶. Но постепенно новые задачи исторического развития и сложные обстоятельства идеологического бытования страны отодвинули «Московский сборник» и его творца на самые задворки исторической памяти.

И хотя с 1960-х гг. Победоносцев вновь получает прописку на страницах исторических трудов, только С. Л. Эвенчик уделила внимание «Московскому сборнику»¹⁸⁷. Позиция исследовательницы почти не претерпела изменений в сравнении с тем, что писали о сборнике и его авторе за полстолетия до нее в демократической печати. Казалось бы, главному идеологическому опусу «русского Торквемады» суждено было интересовать российскую публику не более, чем папирусу эпохи египетских фараонов, но «вторичное» после Октября смешение понятий, острые идеологические споры в обществе, смутный поиск новых или утраченных старых идеалов переместили «Московский сборник» с обочины в центр общественного внимания.

В 1992 г. под общим названием «Великая лож нашего времени» были опубликованы отдельные главы «Московского сборника» и некоторые письма Победоносцева. Во вступительной статье А. П. Ланщиков весьма сочувственно отозвался о Победоносцеве и его идейном наследии¹⁸⁸. Издание имело достаточно большой тираж и быстро разошлось. Пожалуй, этот момент стал, в какой-то степени, решающим в «реанимации» Победоносцева. Его столетней давности убойная критика основ западной демократии в условиях современной России получила столь актуальное звучание, что не могла не привлечь внимания как читающей публики, так и специалистов.

В политизированной до предела современной общественной жизни России «Московский сборник» сразу же стал для части интеллигенции не столько предметом научного интереса, сколько средством борьбы «за идеалы». Таким образом, один из парадоксов состоит в том, что столетие спустя обер-прокурор Святейшего Синода «посмертно» вновь включился в острейшее идейно-

¹⁸³ Там же. С. 301.

¹⁸⁴ Там же. С. 299.

¹⁸⁵ См.: *Победоносцев К. П.* Письма Александру III. М., 1925. Т. 1–2; К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Пт. 1–2; *Готье Ю. В.* К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // Публ. б-ка им. В. И. Ленина. Сб. II. М., 1928.

¹⁸⁶ См.: *Чулков Г.* Императоры. М., 1928. (Переиздана в 1993 г.)

¹⁸⁷ См.: *Эвенчик С. Л.* К. П. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенный период // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1969. № 309.

¹⁸⁸ См.: *Ланщиков А. П.* Предотвратит ли думою грядущее? // Победоносцев К. П. Великая лож нашего времени. М., 1992 (ранее статья была опубликована в журнале «Москва», 1991, № 5).

политическое противостояние. Это обстоятельство не осталось незамеченным. О. Е. Майорова — одна из исследовательниц идеологии Победоносцева, отвечая его апологетам, заявила о «заведомой бесплодности усилий по превращению дьявола в ангела»¹⁸⁹.

Тем не менее совершенно очевидно, что для части пишущей публики «Московский сборник» стал важным подспорьем в идейной борьбе. Многие пассажи «Московского сборника» чрезвычайно соблазнительны для полемики с оппонентами и словно просятся на страницы патриотической печати. К примеру, более ста лет назад обер-прокурор в одной из своих статей отмечал: «Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов... не только не лучше, но и еще и хуже прежних чиновников»¹⁹⁰. Наиболее резкие выпады Победоносцева против свободы печати, парламентаризма, антигосударственных течений использовал для утверждения собственных политических воззрений В. А. Гусев¹⁹¹. Такое воспроизведение наследия Победоносцева обедняет идейное содержание самого «Московского сборника» и не отвечает на вопрос о его месте в интеллектуальной традиции России.

К счастью, в последние годы появились и более серьезные аналитические работы, посвященные «Московскому сборнику». Выяснилось, что сборник гораздо более многослойное и сложное явление, чем это казалось долгие годы. Сразу же проявилась и проблема авторства. Дело в том, что сам Победоносцев никогда не называл себя автором «Московского сборника»¹⁹².

Русскому обществу конца прошлого столетия была хорошо известна склонность Победоносцева к анонимности, к использованию чужих произведений для выражения собственных мыслей. Будучи в эмиграции, Г. В. Флоровский, известный исследователь русской религиозной мысли, эту особенность «творчества» обер-прокурора характеризовал так: «Он был скрытен в словах и действиях, и в его пергаментных речах было трудно расслышать его подлинный голос. Он всегда говорил точно за кого-то другого»¹⁹³. Исследователями установлено, что помимо указанных самим Победоносцевым авторов, из фрагментов произведений которых он формировал «Московский сборник», были и те, чьи имена он опустил. В частности, Р. Бирнс, С. М. Сергеев и А. И. Пешков указывают на текстуальное сходство многих страниц «Московского сборника» с работой Макса Нордау «Условная ложь культурного человечества», которая в русском переводе получила название «Ложь предсоциалистической культуры»¹⁹⁴.

¹⁸⁹ «Пишу я только для вас. . .» (Публ. О. Е. Майоровой) // Новый мир. 1994. № 3. С. 195.

¹⁹⁰ Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 183.

¹⁹¹ См.: Гусев В. А. К. П. Победоносцев — русский консерватор-государственник // Социально-политический журнал. 1993. С. 80 и сл.

¹⁹² Этот факт часто ускользает от публикаторов текстов сборника и многих историков. В указанном издании «Великая ложь нашего времени» К. П. Победоносцев указан как автор текстов «Московского сборника». Даже такой авторитетный историк, как В. А. Твардовская, повторяет эту ошибку. См.: Русский консерватизм. М., 2000. С. 352 (Примечания).

¹⁹³ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 410.

¹⁹⁴ См.: *Byrns R. F. Pobedonostsev. His life and thought.* Bloomington; London, 1968. P. 290–291; Сергеев С. М. Константин Петрович Победоносцев // Великие государственные деятели России. М., 1996; Пешков А. И. «Кто разоряет — мал во царствии христовом...» // Победоносцев К. П. Соч. С. 12–14.

О. Е. Майорова отметила, что «в основу «Московского сборника» — главной книги Победоносцева, его политического исповедания — легли вольные переводы западных философов, историков, публицистов — часто настолько вольные, что Победоносцев справедливо избегал ссылок на оригинал»¹⁹⁵. Исследовательница определила, что «программная, открывающая книгу статья «Церковь и государство» есть пересказ лекций патера Луазона Гиацинта; кроме того, опосредованно, через переводы Томаса Карлейля, обер-прокурор многое заимствовал и у Э. Берка»¹⁹⁶. От себя замечу, что некоторые составные части «Московского сборника» чрезвычайно близки в идейном и текстуальном отношении «Записке о древней и новой России в ее гражданском и политическом отношении» Н. М. Карамзина и «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского.

Подобный «монтаж» сборника вызвал со стороны Бирнса обвинение его составителя в плагиате, тем более что «Московский сборник» не первый в практике Победоносцева скандальный эпизод с нарушением авторских прав¹⁹⁷. Пешков, в свою очередь, развернул целую систему положений в защиту чести и достоинства Победоносцева. Его аргументы сводятся к следующему: во-первых, в российской «правовой практике» того времени защита авторских прав четко не оговаривалась; во-вторых, «Бирнс переносит требования конкретной правовой практики, существующей в настоящее время в США, на Россию второй половины XIX столетия». И, наконец, Победоносцев выступал как издатель «публикуемых работ», что и отражено на титульном листе «Московского сборника»¹⁹⁸. Менее убедителен Пешков в ответе на вопрос, почему Победоносцев в исповедальном по сути произведении использовал работы других мыслителей¹⁹⁹. Пешков считает, что это обстоятельство объясняется «общественно-политическими условиями» и «парадигмой «глаголить» не от себя, а от Божественных писаний»²⁰⁰. Более убедительна позиция Майоровой, по мнению которой «Победоносцев... не принимал ни одной философской системы, как целого. Он черпал из разных источников понемногу и, будучи недовольным каждой из них по отдельности, переводил разрозненные куски на свой язык, сшивая их в новую последовательность»²⁰¹. И все же нельзя считать, что ответ на этот вопрос найден, равно как и на вопрос — почему националист, идеолог самодержавия Победоносцев в «Московском сборнике» (в самом названии слово «Московский» — подчеркнутая оппозиция бюрократическому, космополитичному Петербургу) использовал по преимуществу западную историческую и философскую литературу. Суждение Майоровой, что так обер-прокурору было проще, вызывает лишь чувство некоторого недоумения²⁰².

Систематическая работа по исследованию «Московского сборника» более чем через сто лет после его выхода еще только начинается, но уже приносит

¹⁹⁵ Майорова О. Е. «Я живу постоянно в рамках...» С. 168.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ См.: Пешков А. И. Указ. соч. С. 12–14.

¹⁹⁸ Там же. С. 13–14.

¹⁹⁹ Более подробно см.: Степанов Ю. Г. Некоторые историографические суждения о К. П. Победоносцеве // Историографический сборник. Саратов, 1999. Вып. 17.

²⁰⁰ Там же. С. 15.

²⁰¹ Майорова О. Е. «Я живу постоянно в рамках...» С. 171.

²⁰² См.: Там же. С. 171.

интересные результаты. Так, В. В. Ведерников, пришел к несколько неожиданному выводу, что «подобно Руссо, Победоносцев решающую роль отводил человеческой природе, нравам, испорченным цивилизацией, которую он неустанно обличал»²⁰³. О. Е. Майорова, которая в начале своей статьи решительно отказалась определить обер-прокурору место в «интеллектуальной» истории России, в конце концов с оговорками причисляет его к идеологам официальной народности²⁰⁴. В целом ряде статей имеются начатки очень неординарных размышлений по поводу «Московского сборника». Остается надеяться, что работа в этом направлении принесет еще немало интересных результатов.

С. В. Левин

С. А. ХАРИЗОМЕНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Отмена крепостного права открыла широкий простор развитию капитализма в России. 80 — 90-е гг. XIX в. явились временем перехода мануфактурного производства в фабричное. Этот процесс вызвал глубокий кризис мелкой кустарной промышленности, особенно сильно отразившийся на сельских производителях-кустарях. Фабрика вытесняла мелкое кустарное производство, превращая самостоятельного кустаря в наемного рабочего. Вопрос о будущем кустарной промышленности обсуждался на страницах периодических изданий, в научных обществах, государственных учреждениях. С начала 1890-х г. началось ее систематическое изучение. Первыми исследователями кустарных промыслов стали земские статистики. Среди них видное место принадлежит С. А. Харизоменову.

Сергей Андреевич Харизоменов²⁰⁵ родился 3 сентября 1854 г. во Владимире в семье священника. Первоначальное образование получил во Владимирской духовной семинарии, затем поступил на медицинский факультет Московского университета. Здесь он познакомился с революционно настроенными студентами, под их влиянием увлекся трудами А. Сен-Симона,

²⁰³ *Ведерников В. В.* Указ. соч. С. 9.

²⁰⁴ *Майорова О. Е.* «Я живу постоянно в рамках...» С. 185.

²⁰⁵ Настоящая фамилия С. А. Харизоменова — «Ивановский». Фамилию «Харизоменов» (в переводе с греческого «радовать») получил дед Сергея Андреевича от местного архиерея за отличные ответы на экзаменах в семинарии (см.: *Реброва-Харизоменова Е. А.* С. А. Харизоменов // *Каторга и ссылка.* 1924. № 4 (11). С. 263.)

Р. Оуэна, Ш. Фурье, П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина и в 1876 г., увлеченный общим революционным порывом радикально настроенной российской молодежи, бросил университет, приняв участие в «хождении в народ». Харизоменов пропагандировал среди уральских рабочих, астраханских рыбаков, поволжских раскольников. Он участвовал в создании общества «Земля и воля», написав для него и для тамбовского землевольческого поселения программы, а также во всех крупных практических акциях «Земли и воли»²⁰⁶.

После раскола «Земли и воли» Харизоменов отошел от революционного движения и занялся изучением кустарных промыслов. Интерес к экономико-статистическим исследованиям возник у него, видимо, еще в Тамбовской губернии под влиянием агронома М. В. Девеля, изучавшего кустарные промыслы Тамбовской губернии, у которого Харизоменов жил некоторое время, будучи участником тамбовского поселения землевольцев.

Осенью 1880 г. С. А. Харизоменов вместе с бывшим народником В. С. Пругавиным получил предложение от комиссии по организации Всероссийской промышленной выставки, открытие которой было намечено на 1882 г., собрать для отдела кустарных промыслов материал во Владимирской губернии — одной из наиболее развитых в промышленном отношении. Из-за прекращения финансирования всю работу выполнить не удалось; из двенадцати уездов губернии полностью были обследованы только три. Собранный и обработанный материал вышел отдельным изданием — «Промыслы Владимирской губернии» и получил высокие оценки экономистов, статистиков, общественных деятелей²⁰⁷. В. П. Воронцов назвал научный труд Харизоменова и Пругавина одним из главнейших источников «материалов по положению кустарной промышленности в России, собранных и изданных в последнее десятилетие»²⁰⁸. По его мнению, исследование «характеризуется живостью изложения, полнотою и разнообразием материала и особенной тщательностью разработки некоторых пунктов программы исследования» и имеет «высокую степень достоверности каждой цифры, приводимой авторами»²⁰⁹. Журнал «Дело», разбирая выпуски, написанные Харизоменовым, подчеркивал, что благодаря им «можно составить довольно ясное представление о житье-бытье кустарей»²¹⁰. «Русская мысль», назвав Харизоменова «почтенным исследователем» кустарных промыслов, отмечала, что его работы «уже обратили на себя внимание печати своими выдающимися

²⁰⁶ Подробнее об участии Харизоменова в народническом движении см.: *Левин С. В. С. А. Харизоменов в русском освободительном движении // Освободительное движение в России. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 39–53.*

²⁰⁷ Первый, третий и пятый выпуски «Промыслов Владимирской губернии» были написаны Харизоменовым, второй и четвертый — Пругавиным. По свидетельству Е. А. Ребровой-Харизоменовой эти выпуски «послужили С(ергею) А(ндреевичу) ученой диссертацией, представленной профессору статистики Янсону в 1883 г.» (Указ. соч. С. 267). Неизвестно, была ли диссертация защищена, так как Реброва-Харизоменова ничего больше о ней не сообщает, а упоминание о диссертации содержится только в ее воспоминаниях.

²⁰⁸ *В. В. [Воронцов В. П.] Новейшая литература о кустарной промышленности // Русская мысль. 1889. Кн. 3. С. 231; Его же. Из области крестьянского хозяйства // Наблюдатель. 1885. № 7. С. 148.*

²⁰⁹ *В. В. [Воронцов В. П.] Новейшая литература о кустарной промышленности. С. 243.*

²¹⁰ *Новые книги // Дело. 1882. № 12. С. 47.*

достоинствами»²¹¹. «Ценным вкладом в русскую статистико-экономическую литературу» назвал «Промыслы Владимирской губернии» земский статистик В. И. Серебряков²¹². Высоко отозвались о научном труде Харизоменова В. И. Ленин²¹³, М. И. Туган-Барановский²¹⁴, Г. В. Плеханов²¹⁵.

На основе материалов Владимирской и ряда других промышленных губерний страны Харизоменов написал статью «Значение кустарной промышленности»²¹⁶, которую положительно оценил Ленин²¹⁷.

Под кустарной промышленностью Харизоменов, как и большинство ее исследователей, понимал занятия крестьян ремеслом в свободное от сельскохозяйственных работ время с целью продажи ремесленных изделий на рынке. Работу кустаря на неизвестный отдаленный рынок и его «связь с землей» С. А. считал наиболее характерными признаками кустарного производства.

Попытки определить хотя бы примерную численность кустарей к общей цифре не привели. Н. В. Шелгунов первоначально определил их количество «в несколько сотен тысяч»²¹⁸, потом решил, что «кустарное производство считает в своей среде несколько миллионов производителей»²¹⁹ и, наконец, привел цифру — 40 млн²²⁰, оговорившись, «какая масса народа занимается кустарными промыслами, неизвестно ни из какой статистики»²²¹.

Первым более или менее реальную цифру назвал П. Е. Пудовиков — 10 млн человек²²². В. П. Воронцов считал, что кустарей в России 9 млн²²³. По подсчетам Е. Н. Андреева, в кустарной промышленности в 80-х г. XIX в. было

²¹¹ Библиография // Русская мысль. 1884. Кн. 6. С. 12.

²¹² *Серебряков В. И.* Памяти С. А. Харизоменова // Сельскохозяйственный вестник юго-востока. 1917. № 5. С. 2.

²¹³ См.: *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 332, 338–340, 353, 355. Всего Ленин цитировал или упоминал работы Харизоменова о кустарных промыслах 18 раз (см.: Ленинский сборник. М., 1940. Т. 23. С. 350–360).

²¹⁴ См.: *Туган-Барановский М. И.* Борьба фабрики с кустарем // Новое слово. 1897. № 10. С. 31, 34, 50.

²¹⁵ См.: *Плеханов Г. В.* Против народничества // Соч. М.; Пг., 1932. Т. 9. С. 161, 235.

²¹⁶ См.: *Харизоменов С. А.* Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. 1883. № 11. С. 414–441; № 12. С. 544–597. Л. Л. Захарова, М. А. Киреев, В. К. Соколов ошибочно называют ее «Земская кустарная промышленность» (см.: *Захарова Л. Л., Киреев М. А., Соколов В. К.* Дореволюционная статистика в Саратовской губернии // 50 лет советской статистики в Саратовской области (1918–1968). Саратов, 1968. С. 42–43, 49).

²¹⁷ См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 211. Работы Харизоменова наряду с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, Н. Г. Чернышевского, Н. Н. Зиберы и других экономистов изучались в рабочих марксистских кружках (см.: С. М. [Мицкевич С. И.] На заре рабочего движения в Москве // Сборник. М., 1906. С. 2; *Стеклов Ю. М.* [Нахамкис Ю. М.] Из воспоминаний о социал-демократическом движении среди одесских рабочих в 1893–1894 гг. // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 239).

²¹⁸ *Шелгунов Н. В.* Кустарная неурядица // Дело. 1879. № 9. С. 222. Очевидно, Шелгунов просто сослался на «Свод материалов по кустарной промышленности в России / Сост. А. А. Мещерский, К. Н. Модзалевский». СПб., 1874. С. 1.

²¹⁹ *Н. Ш.* [Шелгунов Н. В.] Внутреннее обозрение // Дело. 1880. № 8. С. 440.

²²⁰ См.: *Шелгунов Н. В.* Кустарь и тариф // Дело. 1880. № 12. С. 223.

²²¹ Там же. С. 212.

²²² См.: *Пудовиков П. Е.* Кустарная промышленность // Труды ВЭО. 1874. Т. 3. С. 66. Такую же цифру привел Н. С. Русанов (см.: *Русанов Н. С.* Против экономического оптимизма // Дело. 1880. № 12. С. 66, 74–75).

²²³ См.: *Воронцов В. П.* Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886. С. 8.

занято 7,5 млн человек²²⁴. С Андреевым соглашались Б. П. Онгирский и Г. П. Сазонов²²⁵. Все эти расчеты подверг критике в 1897 г. М. И. Туган-Барановский, считавший полученные цифры значительно преувеличенными. По его мнению, к кустарям при подсчете отнесли и домашних рабочих, которых нанимали самостоятельные кустари. Сам Туган-Барановский, заявив: «Сколько у нас кустарей — никто не знает», все же назвал свою цифру — 3 млн²²⁶.

С. А. Харизоменов определил количество кустарей в России на начало 80-х г. XIX в. в 4 млн человек²²⁷. В. И. Ленин считал цифру Харизоменова наиболее «приблизительно верной»²²⁸.

Важное значение имел вопрос о происхождении кустарных промыслов. «История происхождения и развития кустарных промыслов, — писал М. И. Туган-Барановский, — не только имеет крупный научный интерес, но может, кроме того, осветить с совершенно новой стороны историческую роль и общественное значение нашего капитализма»²²⁹.

Многие экономисты и статистики считали, что бульшая часть промыслов возникла в конце XVIII — начале XIX в., некоторые, в том числе и С. А. Харизоменов, допускали существование отдельных видов кустарного производства уже в XVII в.²³⁰. В качестве основных выделяли два источника происхождения кустарных промыслов — домашнее производство крестьян, направленное исключительно на удовлетворение своих домашних потребностей («местное кустарничество»), и фабрику. Впервые эти источники выделил А. К. Корсак. Кустарная промышленность, писал он, «возникла с одной стороны из первобытных домашних рукоделий крестьян, с другой — была результатом фабричной системы»²³¹. Харизоменов, исследовав этот вопрос, пришел к выводу, что фабрике обязаны своим появлением кустарные промыслы, возникшие в XIX в., промыслы, появившиеся раньше («исстари»), источником своего происхождения имели домашнее производство сельского населения. С. А. первым из исследователей кустарной промышленности

²²⁴ См.: Андреев Е. Н. Обзор действий Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1885. Вып. 14. С. 467.

²²⁵ См.: Ленский Б. [Онгирский Б. П.] Государственное вмешательство на русской почве // Дело. 1883. № 10. С. 30; Сазонов Г. П. Формы народного кредита // Северный вестник. 1887. № 7. С. 23. См. также: Кустарная промышленность // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1886. Т. 17. С. 125–126.

²²⁶ Туган-Барановский М. И. Статистические итоги промышленного развития России // Труды ВЭО. 1898. Т. 1, кн. 1. С. 29; Его же. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности // Новое слово. 1897. № 4. С. 3.

²²⁷ См.: Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 145. От 4 до 6 млн определила численность кустарей «Неделя» (См.: Кустари и техники [передовая] // Неделя. 1886. № 9. С. 306).

²²⁸ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 450. Примеч. Цифру Харизоменова приводят в своих работах и некоторые современные историки (см.: Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-е — 80-е годы XIX века). М., 1966. С. 28, 82. Примеч.; Жарова Л. Н., Мишина И. А. История Отечества 1900–1940. М., 1992. С. 41).

²²⁹ Туган-Барановский М. И. Историческая роль капитала... С. 4.

²³⁰ См.: Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 440–441; Пудовиков П. Е. Указ. соч. С. 72; Туган-Барановский М. И. Историческая роль капитала... С. 4, 8, 18–19; Мякотин В. А. Попытка общей истории русской фабрики // Русское богатство. 1899. № 1. С. 19.

²³¹ Корсак А. К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861. С. 142.

обратил внимание на двоякое значение фабрики по отношению к кустарным промыслам: одни промыслы, не выдержав конкуренции с фабрикой, исчезали, другие — наоборот, появлялись благодаря именно фабрике. Она, писал Харизоменов, «в большинстве случаев, убивая одну отрасль кустарного промысла, параллельно развивает другую. Если суконная фабрика убила в Опаринской волости домашнее производство немецких сукон, то та же фабрика дала опаринцам «кромку», следовательно, развила новую отрасль домашнего суконного производства»²³².

Основную причину возникновения кустарных промыслов Харизоменов видел, прежде всего, в плохих агрокультурных условиях. «Встречая в земледельческой стране округ с широким развитием неземледельческих промыслов, — отмечал он, — мы прежде всего обращаем внимание на сельскохозяйственные условия местности, предполагая, что только дурная почва или недостаток земли могли вынудить население отвлекаться от земледелия для посторонних заработков. В большинстве случаев так и бывает»²³³. Указав на крестьянское малоземелье и (как следствие этого) недостаточность доходов от занятий сельским хозяйством, как на главный источник возникновения кустарных промыслов, Харизоменов детально исследовал соотношение и взаимовлияние промыслов и земледелия²³⁴.

Рассматривая влияние кустарных промыслов на крестьянское земледелие, он пришел к выводу, что в тех районах, где промысел служит подспорьем земледелию, не являясь главным источником дохода крестьянина, там он оказывает «благотворное влияние на земледелие». Иллюстрируя это утверждение на примере бондарного, валяльного, санного, игрушечного и салфеточного производств Владимирской губернии, Харизоменов подчеркивал, что несмотря на то, что здесь промысел «играет роль подспорья» он, тем не менее «дает возможность уплачивать подати, не прибегая к дешевой несвоевременной продаже хлеба и скота, позволяет сводить концы с концами, когда продуктов земледелия недостает на семена и продовольствие семьи»²³⁵. Там же, где кустарное производство является главным занятием крестьянина «земледелие становится подспорьем промышленности, доставляя не больше $\frac{1}{4}$ доли в общую сумму дохода промышленника, тогда земледелие подчиняется промыслу»²³⁶. Эта зависимость земледелия от промысла, по мнению Харизоменова, «в общем итоге крайне дурно отражается на земледелии»²³⁷. В таких районах крестьяне постепенно отвыкают от земледелия и в конечном итоге бросают его совсем. Некоторые из них возвращаются к земледелию в период промышленного застоя, но подавляющее большинство крестьян уже «косо посматривает на землепашество». В качестве примера Харизоменов

²³² [Харизоменов С. А.] Промыслы Владимирской губернии. М., 1882. Вып. 2. С. 146–147. Вслед за Харизоменовым к такому выводу пришли М. И. Туган-Барановский (Историческая роль капитала... С. 20–21), П. Б. Струве (Историческое и систематическое место русской кустарной промышленности // Мир божий. 1898. № 4. С. 193–194), Г. В. Плеханов (Наши разногласия // Избр. филос. произв. М., 1956. Т. 1. С. 245).

²³³ Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 544.

²³⁴ В. И. Ленин отмечал, что в работах Харизоменова «вопрос о соотношении промысла и земледелия разработан несомненно обстоятельнее, чем в каком-либо другом исследовании» (Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 372).

²³⁵ Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 559.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же.

привел земледелие кустарей-ткачей Филипповской волости Покровского уезда Владимирской губернии, где ткацкий промысел стал основным занятием сельского населения. Здесь «не фабриканты только, но и сами крестьяне (например, с. Филипповского) совершенно откровенно, хотя и не без горечи, смеются над своим хлебопашеством», — констатировал Харизоменов²³⁸. По его мнению, «сильнее всех» за земледелие держатся кустари среднего достатка. «Для промышленника, который ежегодно производит ценности на 48 тысяч рублей (в среднем выводе), который покупает тысячи пудов муки для своих рабочих, личное земледелие является скорее развлечением, делом привычки, традицией, но отнюдь не основой хозяйства. Наоборот, для двора, производящего на 4 тысячи рублей, земледелие, очевидно, служит если не хозяйственной основой, то уж во всяком случае весьма важным подспорьем. Вот почему средний промышленник сильнее всех других держится за землю», — делал вывод Харизоменов²³⁹. В подтверждение своего вывода он приводил размер (состав) семьи среднего крестьянина-кустаря, который оптимально подходил к занятиям земледелием и кустарными промыслами.

Тезис Харизоменова о «благотворном влиянии» кустарных промыслов на земледелие (там, где промыслы являются подспорьем к земледелию) был подвергнут критике со стороны марксистов. В. И. Ленин назвал его «плохой выдумкой». По его мнению, данный тезис «игнорирует те противоречия, которые проникают собой весь хозяйственный строй крестьянства»²⁴⁰. Ленин критиковал Харизоменова за то, что, собрав обширный материал по кустарной промышленности, он «не сделал из этих данных неизбежно вытекающего из них вывода, а именно, что крестьянство и в земледелии, и в промышленности раскалывается на мелкую буржуазию и сельский пролетариат»²⁴¹. Однако критика Ленина едва ли в данном случае справедлива. Харизоменов отметил социальную дифференциацию кустарей. «Мелкая промышленность, — подчеркивал он, — имеет важное значение, как могучий фактор неравномерного распределения экономических благ. Этот фактор вторгается в патриархальную жизнь однородной массы земледельцев-общинников и разбивает ее на два враждебных лагеря, давая одному промышленные орудия, землю и скот, а другому оставляя одни только голые рабочие руки»²⁴².

С. А. Харизоменов одним из первых исследовал домашнюю систему крупного производства, которая оформилась к 80-м г. XIX в. и быстро вытесняла предшествовавшие ей формы кустарного производства (домашнее производство, мелкую ремесленную мастерскую). Многие исследователи кустарной промышленности, в том числе и Харизоменов, рассматривали домашнюю систему крупного производства как переходную ступень к «строго» фабричному производству. «Наиболее значительная часть кустарных промыслов организована в чистой форме домашней системы крупного

²³⁸ [Харизоменов С. А.] Промыслы Владимирской губернии. С. 93.

²³⁹ Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 555. «Справедливые и в то же время многозначительные слова», — охарактеризовал вывод Харизоменова Г. В. Плеханов. (Против народничества. С. 239). На рассуждения С. А. сослался в своей работе Н. Езерский (см.: Езерский Е. Кустарная промышленность и ее значение в народном хозяйстве. М., 1894. С. 50–51).

²⁴⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 377.

²⁴¹ Там же. С. 372–373.

²⁴² Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 549.

производства», — писал Харизоменов, а в некоторых отраслях кустарной промышленности «преобладает не чистая, а замаскированная в форме расчета сырьем домашняя система крупного производства»²⁴³. Согласно подсчетам Харизоменова, «в Московской губернии 86,5% годовых оборотов кустарной промышленности дает домашняя система крупного производства, и только 13,5% принадлежит мелкой самостоятельной промышленности. В Александровском и Покровском уездах Владимирской губернии 96% годовых оборотов кустарной промышленности падает на долю домашней системы крупного производства и мануфактуры, и только 4% дает мелкая самостоятельная промышленность»²⁴⁴. В. И. Ленин так прокомментировал подсчеты Харизоменова: «Сводя имеющиеся в литературе данные о наших кустарных промыслах центральных губерниях, где они наиболее развиты, С. Харизоменов пришел к выводу о безусловном преобладании домашней системы крупного производства, т. е. несомненно капиталистической формы промышленности. Данных этих никто, насколько мне известно, не пробовал опровергнуть»²⁴⁵.

Исследовав домашнюю систему крупного производства, Харизоменов доказал, что это уже капиталистическое производство: «Здесь производитель наемный рабочий, он получает сдельную плату, обрабатывает чужое сырье и владеет только дешевыми инструментами»²⁴⁶. Характеристика Харизоменовым домашней системы крупного производства как капиталистического, вызвала возражения Н. Цытовича, заявлявшего: «Взгляд Харизоменова на кустарную промышленность чересчур односторонен». Эта односторонность, по его мнению, состояла в том, что «Харизоменов пришел к заключению, что кустарная промышленность быстрыми шагами идет к превращению в капиталистическое производство»²⁴⁷.

Капиталистический характер домашней системы крупного производства, так или иначе, признавали многие исследователи кустарной промышленности. Еще А. К. Корсак отмечал, что кустарь, работающий на хозяина-фабриканта за сдельную плату, «теряет характер самостоятельного производителя и становится простым работником с тою только разницей от фабричного, что работает дома или в своей мастерской»²⁴⁸. «Это и есть домашняя система крупного производства, — делал вывод А. В. Прилежаев, — всецело относящаяся к предпринимательской форме производства. Здесь кустарничество уже умерло: эта «домашняя система» только воспоминание о некогда существовавшем кустарничестве»²⁴⁹. «Домашняя система крупного производства, — указывал В. И. Ленин, — капиталистическая форма промышленности, мы имеем здесь налицо все ее признаки, — товарное хозяйство на высокой уже ступени развития, концентрация средств производства в руках отдельных личностей, экспроприация массы рабочих,

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же. С. 594–595; Обзорение земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 г. в Саратове / Сост. С. А. Харизоменов. Саратов, 1890. С. 117.

²⁴⁵ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 211.

²⁴⁶ Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 594.

²⁴⁷ Цытович Н. Кустарная промышленность в России. Киев, 1884. С. 3–4.

²⁴⁸ Корсак А. К. Указ. соч. С. 14–15.

²⁴⁹ Прилежаев А. В. Что такое кустарное производство? СПб., 1882. С. 175.

которые не имеют своих средств производства. Очевидно, по организации промысла это — чистый капитализм»²⁵⁰.

Либеральные народники не признавали капиталистического характера домашней системы крупного производства. В. П. Воронцов называл ее «полукапиталистической формой производства»²⁵¹, С. Н. Южаков вообще не видел капиталистических черт в данной системе производства, для этого только «подготавливаются пути»²⁵².

Проанализировав данные о кустарных промыслах в центральных губерниях страны, С. А. Харизоменов пришел к заключению, что «здесь или исключительно царит домашняя система крупного производства и частью мануфактура, или же она, допуская конкурировать с собой мелкой самостоятельной промышленностью, постепенно подавляет ее»²⁵³. Мелкое кустарное производство, считал Харизоменов, «рано или поздно неизбежно должно перейти в мануфактуру или же принять организацию домашней системы крупного производства»²⁵⁴.

Процесс вытеснения мелкого кустарного производства крупным фабричным признавали неизбежным большинство экономистов и статистиков. П. Е. Пудовиков еще в первой половине 1870-х г. заявил, что «кустарная промышленность как форма промышленности не имеет никакого будущего»²⁵⁵. «Эти примитивные методы производства,— писал Ф. Энгельс, имея в виду русские кустарные промыслы,— не могут избежать неминуемой гибели»²⁵⁶. Даже такой защитник кустарной промышленности, как В. П. Воронцов, осторожно заметил: «В России судьба кустарного производства представляется крайне неопределенной»²⁵⁷.

Выход из кризиса либеральные народники видели в организации артелей в кустарной промышленности и предоставлении кустарям дешевого кредита. «Артель может успешно развиваться в наших кустарничестве и ремесле»,— утверждал А. А. Исаев²⁵⁸. Особенно большие надежды он возлагал на складочно-сырьевые товарищества, которые «всегда и почти во всех промыслах могут принести кустарям крупные выгоды»²⁵⁹. Объединенные в такие товарищества, кустари могли бы дешево приобретать сырье, выгодно сбывать готовую продукцию и избавиться от зависимости скупщиков. К

²⁵⁰ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 211.

²⁵¹ В. В. Кустарная промышленность в России // Северный вестник. 1896. № 1. С. 208.

²⁵² Южаков С. Н. Вопросы экономического развития в России // Русское богатство. 1893. № 11. С. 205.

²⁵³ Харизоменов С. Значение кустарной промышленности. С. 436.

²⁵⁴ Там же. С. 438.

²⁵⁵ Пудовиков П. Е. Указ. соч. С. 84.

²⁵⁶ Энгельс Ф. Письмо М. К. Горбуновой от 5 августа 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 359.

²⁵⁷ В. В. Разделение труда в России // Вестник Европы. 1884. Кн. 7. С. 356. См. также: Южаков С. Н. Вопросы экономического развития в России. С. 202.

²⁵⁸ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 304; Его же. Несколько слов об артелях // Русская мысль. 1886. Кн. 6. С. 25. Р. Попов категорично заявлял, что спасти мелкое кустарное производство от вытеснения крупным фабричным может только «артельное объединение» (Попов Р. Кустарная промышленность в России // Отечественные записки. 1875. № 3. С. 32).

²⁵⁹ Исаев А. А. Артели в России. С. 306; Его же. К вопросу о кустарной промышленности в России // Русская мысль. 1880. Кн. 11. С. 118, 124.

подобному выводу пришли Е. Н. Андреев, В. П. Воронцов, А. А. Карелин, Г. П. Сазонов²⁶⁰.

С. А. Харизоменов не разделял взглядов либеральных народников на возможность широкого применения артельных начал в кустарной промышленности. Он соглашался с тем, что артели могут несколько облегчить положение кустарей и поднять уровень их производства, но, как выразился один из рецензентов «Промыслов Владимирской губернии», «сильно сомневается однако ж, чтобы эта форма могла быть применена с успехом в большей части производств»²⁶¹. Сомнения Харизоменова имели под собой следующие основания: артель не может быстро реагировать на колебания рынка, в ней большая часть средств идет на расширение производства, а неустойчивость рынка способствует «то приливам, то отливам» рабочих рук. С таким явлением большой артели справиться трудней, нежели мелкой кустарной мастерской²⁶². По мнению Харизоменова, артельная форма организации труда могла быть более или менее успешно применена в тех отраслях кустарной промышленности, где детальное разделение труда еще недостаточно развито и не начался процесс поглощения мелкого производства крупным. В широких масштабах это было невозможно прежде всего потому, что «чистое» кустарное производство больших размеров принять не может, ибо расширяясь, привлекая наемную рабочую силу, оно неизбежно превратится в капиталистическое производство. Если же кустарная мастерская не расширяется, то она рискует разориться, не выдержав конкуренции с фабричным производством²⁶³.

Иначе оценивал С. А. Харизоменов организацию для кустарей кредита. Его он считал более действенной мерой помощи, чем артель. Харизоменов полагал, что кредит должен выступать как в денежной, так и в натуральной форме. Натуральный кредит должен предусматривать выдачу кустарям сырья, орудий производства (если таковых у кустаря нет), полуфабрикатов под готовую продукцию²⁶⁴. Натуральному кредиту С. А. отдавал предпочтение, считая его более доступным для кустаря. «Кредит продуктами производства и орудиями должен предпочитаться кредиту деньгами», — соглашался с Харизоменовым Е. Д. Максимов²⁶⁵. По наблюдениям Г. П. Сазонова, «гораздо чаще, однако, чем деньги, кустари занимают материал, необходимый для

²⁶⁰ См.: Андреев Е. Н. Обзор действий Комиссии по исследованию кустарной промышленности. С. 491.; *Его же*. Кустарная промышленность в России. СПб., 1885. С. 93,95; В. В. [Воронцов В. П.] Кустарная промышленность в России. С. 203; *Его же*. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 37; *Его же*. Артели для подрядных наемных рабочих // Новое слово. 1896. № 12. С. 14–15; Карелин А. А. О кустарничестве в России. СПб., 1892. С. 50; Сазонов Г. П. Народные артели // Русская мысль. 1881. Кн. 4. С. 321, 331; *Его же*. Рыболовные артели средней России // Северный вестник. 1887. № 4. С. 59–60.

²⁶¹ Дело 1882. № 12. С. 50.

²⁶² [Харизоменов С. А.] Промыслы Владимирской губернии. С. 31–33.

²⁶³ Скептически относились к идее организации в кустарной промышленности артелей марксисты. См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 357–358; *Его же*. Несколько замечаний по поводу «ответа» П. Маслова // Там же. Т. 17. С. 265; Плеханов Г. В. Против народничества. С. 202–204, 206–209, 229.

²⁶⁴ См.: [Харизоменов С. А.] Экономическая деятельность земства. Саратов, 1888. С. 19–20, 24; Труды Первого областного съезда сельских хозяев юго-восточной России / Под ред. С. А. Харизоменова. Саратов, 1894. С. 232–233.

²⁶⁵ Максимов Е. Д. Земские начинания в области сельского кредита // Юридический вестник. 1888. Т. 29, кн. 4. С. 595.

производства»²⁶⁶. Таким образом, натуральный кредит мог помочь кустарям решить вопрос приобретения сырья. «Гораздо важнее для кустаря вопрос о приобретении сырья, необходимого для производства», — подчеркивал А. В. Прилежаев²⁶⁷. «Недостаток сырого материала» С. Н. Кривенко считал «одним из первых важных моментов в жизни кустарных производств»²⁶⁸. Для закупки сырья нужен был капитал, которого у рядовых кустарей не было или не хватало. За ним кустари обращались в большинстве случаев к ростовщику, ибо государственный кредит был развит слабо, являясь, по справедливому замечанию Е. Д. Максимова, «почти недоступным беднейшей части населения, стеснительным по своей дороговизне и отдаленности»²⁶⁹. Занимая в долг у ростовщика, кустарь фактически попадал в долговую зависимость, так как ростовщический процент был еще выше, чем государственный. Поэтому Харизоменов предлагал организовать для кустарей прежде всего натуральный кредит.

При помощи кредита, считал Харизоменов, можно решить такую важную для развития кустарной промышленности проблему, как сбыт готовой продукции. Получая кредит, кустари могли бы расширять свое производство, сбывая товар не только на местном рынке, но и на дальних.

В своих работах С. А. рассмотрел и другие аспекты кустарного производства. Исследуя кустарные промыслы, Харизоменов пришел к выводу, что в подавляющем большинстве отраслей хозяйства кустарные промыслы или исчезают, не выдерживая конкуренции с фабрикой, или преобразуются в домашнюю систему крупного производства, которую Харизоменов считал капиталистической формой производства. Процесс поглощения мелкого кустарного производства крупным фабричным Харизоменов считал исторически закономерным необратимым процессом, характерным для любой страны, вступившей на капиталистический путь развития. Вместе с тем он отмечал удивительную «живучесть и эластичность» кустарной промышленности. Объяснение этому он видел в тесной связи ее с обыденной крестьянской жизнью. Харизоменов одним из первых среди исследователей кустарной промышленности, отметив факт социального расслоения кустарей, выделил группы, на которые разбивались кустари — богатые промышленники, среднезажиточные и бедные, зачастую переходящие в разряд наемных рабочих.

С исключительной обстоятельностью Харизоменов рассмотрел вопрос о соотношении промысла и земледелия, придя к выводу, что там, где кустарные промыслы являются подспорьем к земледелию, там они благотворно сказываются на экономическом положении крестьянских хозяйств.

Своими научными исследованиями кустарных промыслов С. А. Харизоменов заслужил право занимать видное место в ряду исследователей кустарной промышленности России.

²⁶⁶ Сазонов Г. П. Формы народного кредита. С. 23.

²⁶⁷ Прилежаев А. В. Указ. соч. С. 184.

²⁶⁸ Кривенко С. Н. К вопросу о нуждах народной промышленности // Русское богатство. 1894. № 10. С. 96.

²⁶⁹ Максимов Е. Д. Указ. соч. С. 593.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ К ИСТОРИОГРАФИИ М. И. СЕМЕВСКОГО

Среди журналистов и издателей России второй половины XIX в., чья деятельность приобрела общественное звучание, видное место занимал Михаил Иванович Семевский (1837–1892). Дореволюционная историография не обошла его молчанием, хотя далеко не исчерпала возможности всесторонне и полноценно представить сложную, наполненную поисками и напряженным трудом короткую жизнь этого незаурядного человека, который увековечил свое имя в истории России созданием и редактированием в течение более 22 лет замечательного журнала «Русская старина».

Следует отметить чрезвычайно важный и весьма оригинальный факт, свидетельствующий о том, что у истоков историографии «Русской старины» стояли ежегодные обзоры содержания журналов за 1870–1891 гг., написанные М. И. Семевским и публиковавшиеся периодически в его издании. Фактически редактор провел самоанализ своей печатной продукции, что придает «Русской старине» историографическую значимость и включает М. И. Семевского в число ведущих историографов журнала.

Из упомянутых обзоров М. И. Семевского, которые он печатал от имени редакции, особое значение имеет первый²⁷⁰. В нем, с учетом специфики журнала, дается определение «Русской старины» как печатного органа, а также формулируются основные принципы его издания.

Сведения о жизни и деятельности самого редактора известного исторического журнала немногочисленны, они содержатся в таких специфических статьях, как некрологи, а также в справочных публикациях ряда энциклопедических словарей.

Неожиданная кончина М. И. Семевского была воспринята современниками — учеными, журналистами, издателями, общественными деятелями — как гром среди ясного неба. На уход из жизни известного историка, редактора и общественного деятеля отозвались многие периодические издания Санкт-Петербурга, Москвы и ряда губернских городов. По далеко не полным данным, было опубликовано свыше двадцати некрологов, что свидетельствовало о большой популярности М. И. Семевского. Не забывая о специфической особенности этой разновидности мемуарной литературы, считаю вполне оправданным ее использование при историографической характеристике М. И. Семевского.

Некрологи написаны в разное время. Большинство из них явились непосредственным откликом на кончину редактора «Русской старины», другие были приурочены к тем или иным датам со дня смерти М. И. Семевского, приобретая свойство воспоминаний, многие из них не лишены историографического аспекта, поскольку содержат достаточно полный обзор его деятельности и оценку вклада в историческую науку.

Особого внимания заслуживает обстоятельная статья-некролог, опубликованная в четвертом, апрельском номере журнала «Русская старина»

²⁷⁰ См.: Первое трехлетие 1870–1872 // Русская старина. 1873. Кн. 1. С. 1–23.

за 1892 г. Она выразила отношение сотрудников редакции «Русской старины» к своему многолетнему руководителю. Некролог не имеет авторского обозначения. Но, судя по его содержанию и прилагаемой к нему библиографии трудов М. И. Семевского, он был написан В. В. Тимощук. Автор, излагая жизненные факты М. И. Семевского, опиралась на его автобиографические заметки.

Статья-некролог о М. И. Семевском явилась прообразом и первоначальной краткой редакцией будущей монографии В. В. Тимощук о нем. Сюда приложена и библиография напечатанных трудов М. И. Семевского, затем вошедшая в книгу.

В некрологе известного историка и публициста В. А. Бильбасова, состоявшего в дружеских и деловых отношениях с редактором «Русской старины», отмечено, что М. И. Семевский усмотрел «исторически необходимую связь нового со старым <...>, что «настоящее крепится прошлым». Считая, что «старина свята», М. И. Семевский, — писал В. А. Бильбасов, — «всецело отдается изучению русской старины, и рядом статей, интересных по содержанию, живых по изложению, полезных по тенденции, пробуждает в русском общественном сознании живой интерес к новой правде»²⁷¹. Это наблюдение историка весьма значимо, поскольку оно фиксирует признанную М. И. Семевским взаимосвязь исторической науки и общественного сознания.

Предчувствуя близкую кончину, М. И. Семевский за четыре с половиной месяца до смерти оставил завещание, в котором, в частности, писал: «...оставляю моей единственной дочери и жене труд большей части моей жизни — «Русскую старину» — и молю Бога: да не прекратится с днем ожидаемой мною кончины издание этого журнала, всецело посвященного истории и русской литературе дорогого моего отечества»²⁷².

Вдова историка Е. М. Семевская в обращении «От издательницы», открывающем двенадцатую книгу «Русской старины» за 1892 г., анонсировала обстоятельную биографию мужа, «которая непременно появится на основании им самим оставленных заметок и обширного рукописного материала, находящегося в моем распоряжении»²⁷³. Речь шла о будущей монографии В. В. Тимощук. Завершалось печатное выступление Е. М. Семевской сообщением о том, что с 1893 г. она передает И. К. Шильдеру право издания журнала, а также его богатый архив, собранный М. И. Семевским.

В связи с третьей годовщиной смерти Михаила Ивановича Семевского и двадцатипятилетием выхода в свет первой книги «Русской старины» была опубликована статья известного публициста Г. К. Градовского «Суд потомства»²⁷⁴, включенная В. В. Тимощук в качестве приложения в свою монографию. Автор статьи-некролога горько сетовал на то, что со смертью М. И. Семевского журнал потерял способность своевременно откликаться на те или иные знаменательные события общественного и биографического свойства. А при М. И. Семевском «много раз случалось, что неизменно, с астрономической аккуратностью появляющаяся каждое первое число книжка «Русской старины» наводила общественное мнение на такие события в

²⁷¹ Русская старина. 1892. Кн. 6. С. I–II.

²⁷² Русская старина. 1892. Кн. 12. С. I.

²⁷³ Там же. С. III.

²⁷⁴ Новости и Биржевая газета. 1895. 10 марта. № 68.

прошлом, которые представляли живейший интерес для всех современников, освещая настоящие события, помогая правильному обсуждению и разрешению тех или других вопросов. Вот почему «Русская старина» при М. И. Семевском не только не отдавала архивной затхлостью, но обыкновенно называлась живой «Русской стариной»²⁷⁵.

М. И. Семевскому, считал Г. К. Градовский, «удалось создать из журнала... высший исторический апелляционный суд, олицетворение русской Немезиды»²⁷⁶. Такой характер придавали журналу объективные публикации и обличительная направленность некоторых из них. «И разве не велики честь и слава того журналиста, — писал он, — который сумел придать такое высоконравственное, благотворное значение своему журналу, и разве не ясно каждому, как важно, как необходимо государству и обществу, чтобы такой журнал существовал. Если бы «Русской старины» не было, то ее нужно было бы выдумать. И ее «выдумал», изобрел, создал М. И. Семевский». По убеждению Г. К. Градовского, «это государственная, общественная литературная заслуга М. И. Семевского...»²⁷⁷.

Книга В. В. Тимощук до последнего времени была единственным монографическим исследованием о М. И. Семевском. Биографический очерк предваряют вступительная заметка «От издательницы» Е. М. Семевской и «Предисловие» Н. К. Шильдера. В ней тринадцать глав, расположенных в хронологической последовательности. Сам жанр биографической монографии определяет ее содержание и метод создания. Она составлена на основе автобиографических записок М. И. Семевского, его писем к отцу и домашнему учителю И. И. Малевичу, многочисленных писем к М. И. Семевскому разных корреспондентов, а также с использованием официальных документов о государственной службе и участии Михаила Ивановича в местном самоуправлении, его «баталий» с цензурой по поводу «Русской старины». Все эти источники были предоставлены В. В. Тимощук вдовой покойного.

Тем не менее, при наличии многих положительных моментов, очерк имеет существенные пробелы. В нем совершенно отсутствуют сведения об участии М. И. Семевского в изданиях Вольной русской типографии в Лондоне и о письменных обращениях к нему А. И. Герцена, о конфликте Г. Е. Благосветлова с М. И. Семевским в 1859 г., о полицейском надзоре за М. И. Семевским с 1861 г. до конца жизни, о его задержании 9 августа 1862 г. и доставке после этого в III отделение, о подлинных причинах лишения М. И. Семевского в 1862 г. права неограниченного пользования всеми архивами, о том, что явилось поводом ухода М. И. Семевского с должности товарища Головы С.-Петербургской городской Думы и т. п. Таким образом, в очерке обойдены некоторые острые сюжеты биографии М. И. Семевского. Наличие перечисленных пробелов можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, В. В. Тимощук, вероятно, не обладала рядом источников о злоключениях М. И. Семевского, а во-вторых, наверняка существовало опасение цензурного запрета на публикацию нежелательных правительству материалов.

²⁷⁵ См.: Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский — основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. СПб., 1895. Приложения. С. 70.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Тимощук В. В. Указ. соч.

Завершают досоветскую историографию «Русской старины» и М. И. Семевского две энциклопедические статьи. Первая — в хорошо известном и весьма авторитетном словаре, издававшемся Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефронном. Целью «Русской старины», отмечалось в статье, было «служить разработке русской истории новейшего времени, начиная с Петра Великого»²⁷⁸. Особую ценность в журнале, справедливо считал автор статьи, представляли источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма) и официальные документы, бывшие в свое время секретными.

Библиографическая информация о журнале, данная в статье, отличается высоким мастерством и исследовательским опытом автора, сумевшего на небольшой печатной площади емко изложить важнейшие данные о «Русской старине» и придать им историографическую направленность.

Вторая энциклопедическая статья о М. И. Семевском опубликована в биографическом словаре, являвшемся «детисцем» А. А. Половцова²⁷⁹. Автор ее — малоизвестный историк, журналист Константин Иерофеевич Храневич.

В соответствии с жанровой особенностью издания статья является биографическим эссе и носит популярно-информационный характер. В ней выделяются два основных сюжета: о служебно-общественной деятельности М. И. Семевского и его журналистско-издательской практике. Сведения о детских годах и о его военной службе не оригинальны, поскольку восходят к книге В. В. Тимощук.

Более подробно и интересно автор подал материал об участии М. И. Семевского в качестве председателя училищной комиссии в делах Петербургской городской Думы. М. И. Семевский сделал очень много полезного в области народного просвещения. В статье замечено, что М. И. Семевский являлся одним из аккуратнейших и инициативных деятелей местного самоуправления. «Всем трактуемым вопросам он старался давать широкую постановку и, чуждый всякой партийности и сословных интересов, преследовал лишь цели общего блага...»²⁸⁰

Такое определение М. И. Семевского по сути содержит косвенные данные для выявления общественной позиции редактора «Русской старины», поскольку требование «общего блага» являлось публичным знаменем либеральной интеллигенции. К ее числу принадлежал и М. И. Семевский.

Автор особо останавливается на отношении М. И. Семевского к публикуемым источникам: «Оказывая полное беспристрастие при печатании

²⁷⁸ Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 27. С. 322–324. Статья подписана криптонимом «Н. Л. «.

²⁷⁹ Половцов Александр Александрович (1832–1910) — государственный деятель, историк-меценат. Окончил училище правоведения. Совершил головокружительную служебную карьеру, дойдя до поста государственного секретаря (1883–1893). Один из учредителей в 1866 г. Русского исторического общества (РИО). Возглавив его в 1879 г. после смерти П. А. Вяземского, способствовал изданию трудов РИО. Инициатор создания и руководитель «Русского биографического словаря», печатание которого финансировал. Вышло 25 томов, но издание не было закончено. Почетный член Академии наук. Вел дневник с 1850 г. до смерти. Он выборочно опубликован в журнале «Красный архив» (1923–1934) и П. А. Зайончковским в книге: А. А. Половцов. Дневник государственного секретаря. 1883–1893. М., 1966. Т. 1–2.

²⁸⁰ Храневич К. И. М. И. Семевский // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. СПб., 1904. Т. 18. С. 296.

сообщаемых ему материалов, никогда не делая самовольных сокращений или переделок, Семевский тем самым вселил доверие к себе»²⁸¹.

К. И. Храневич делает вывод о том, что «по богатству и ценности материала «Русская старина», бесспорно, занимает первое место среди наших исторических журналов; о значении журнала лучше всего говорит утвердившееся в ученом мире мнение, что в настоящее время никакое исследование по отечественной истории XVIII–XIX вв. не может обойтись без услуг «Русской старины»²⁸².

В последующие годы изучение творчества и редакторской деятельности М. И. Семевского специально не проводилось. Такое положение можно объяснить, во-первых, тем, что биографический очерк В. В. Тимощук вроде бы исчерпал сюжет, а во-вторых, продолжавшееся издание «Русской старины» как бы отодвинуло в тень ее создателя и многолетнего в прошлом редактора-издателя. Таким образом, дооктябрьская историография оставила неосвещенными многие стороны жизни и деятельности М. И. Семевского.

После октября 1917 г. тенденция умолчания имени М. И. Семевского в отечественной историографии приобрела хронический характер. Видимо, это связано с политической линией и идеологической установкой новой власти. «Русская старина» в 1918 г. прекратила существование «за ненужностью»²⁸³. Изучение прошлого приобрело, с одной стороны, резко обличительный характер по отношению к самодержавию и государственным деятелям XIX в., с другой — хвалебно-восторженный в адрес ряда избранных лидеров радикально-демократического движения. М. И. Семевский, будучи одним из представителей либерально-демократической журналистики, не подходил тематически ни к обличительному, ни к хвалебному направлениям советской историографии. Упоминание о М. И. Семевском появлялось в печати не как объект самостоятельного анализа, а попутно, при освещении тех или иных сюжетов.

Исследовательской масштабностью в области декабристской мемуаристики, проникновенной смысловой и специально-источниковой характеристикой воспоминаний и писем братьев Бестужевых отмечена книга М. К. Азадовского²⁸⁴. Производят сильное впечатление обстоятельные примечания, впитавшие в себя энциклопедические познания их составителя.

В книге немало внимания уделено собирательской и издательской деятельности М. И. Семевского. И это не случайно. Ведь именно молодой гвардейский офицер М. И. Семевский установил через сестру декабриста письменную связь с М. А. Бестужевым и тем самым способствовал появлению замечательных мемуарных сочинений талантливых братьев.

Примечательно и то обстоятельство, что сближение с одним из непосредственных участников событий в Петербурге 14 декабря 1825 г. произошло задолго до появления «Русской старины». Это свидетельствует, что уже в 50–60-х гг. XIX столетия М. И. Семевский занимался с изобретательной настойчивостью собиранием исторических источников будущего архива журнала. Позднее часть из мемуарного наследия Бестужевых появилась на

²⁸¹ Там же. С. 298.

²⁸² См.: Там же. С. 297.

²⁸³ В 1919 г. вышли оставшиеся номера за 1918 г.

²⁸⁴ См.: Воспоминания Бестужевых / Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского. М.:Л., 1951.

страницах «Русской старины»²⁸⁵. Одной из форм пополнения личного архива М. И. Семевского была запись им рассказов разных лиц, в том числе М. А. и Е. А. Бестужевых, о чем пишет в своем издании М. К. Азадовский. По-новому предстает М. И. Семевский в вопросах к М. А. Бестужеву в содержательной статье Азадовского «Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник».

Книга, подготовленная М. К. Азадовским, дает отчетливое представление о сочувственном отношении М. И. Семевского к декабристам, в первую очередь к Бестужевым, что прибавляет определенный штрих к установлению либеральной позиции М. И. Семевского.

В исследовании А. Н. Дубовикова «Воспоминания Т. П. Пассек «Из дальних лет» как источник для изучения биографии Герцена и Огарева»²⁸⁶ на многих страницах имеются сведения о роли М. И. Семевского в побуждении Т. П. Пассек написать воспоминания, о ходе работы над ними, о дружеских взаимоотношениях между мемуаристкой и редактором «Русской старины». Особую ценность представляют тщательно подобранные автором статьи архивные данные о цензурной истории «Из дальних лет»²⁸⁷. В их числе официальные материалы Главного управления по делам печати, Главного цензурного комитета, официальные письма М. И. Семевского в это учреждение и письма к Т. П. Пассек.

Появление на страницах подцензурной печати имени Герцена, как отмечено А. Н. Дубовиковым, было, конечно, заслугой Т. П. Пассек, но и редактора «Русской старины» М. И. Семевского. Однако в дальнейшем опубликование воспоминаний «корчевской кузины» (так называл А. И. Герцен свою двоюродную племянницу) встретило очень серьезные цензурные препятствия. И все же М. И. Семевскому удалось преодолеть цензурные запреты и в течение 1876–1887 гг. опубликовать в «Русской старине» все 14 глав рукописи Т. П. Пассек.

А. Н. Дубовиков явно упустил возможность затронуть ряд интереснейших сюжетов, находящихся в русле изучаемой им проблемы. Так, он оставил без внимания вопрос об отношении М. И. Семевского к А. И. Герцену, ничего не сказал об участии М. И. Семевского в изданиях Вольной русской типографии, а также о том, как герценовская тема звучала на страницах исторического журнала.

Очень интересный перспективный аспект изучения «Русской старины» и, следовательно, редакторской деятельности М. И. Семевского предложил С. С. Дмитриев. Ученый наметил пути историографического осмысления «Русской старины» в системе аналитического обзора дореволюционной исторической журналистики²⁸⁸. При типовом подразделении периодики этого

²⁸⁵ В книге рассказано об энергичном участии М. И. Семевского в оказании через Литературный фонд материальной помощи М. А. Бестужеву, что дало возможность амнистированному декабристу в июне 1867 г. после смерти жены вернуться из Селенгинска в Москву.

²⁸⁶ Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 622–636.

²⁸⁷ О роли М. И. Семевского, подавшего Т. П. Пассек идею написать воспоминания, в их опубликовании см.: Дубовиков А. Н. Воспоминания «корчевской кузины» Герцена // Пассек Т. П. Из дальних лет. М., 1963. Т. 1. С. 6, 38–39.

²⁸⁸ См.: Дмитриев С. С. Дореволюционные исторические журналы // Дмитриев С. С., Федоров В. А., Бовыкин В. И. История СССР периода капитализма. М., 1961. С. 171–190.

направления С. С. Дмитриев отнес «Русскую старину» к журналам, издававшимся отдельными историками. Он считал «детище» М. И. Семевского изданием наиболее содержательным и богатым многообразными источниками, особенно мемуарными. «Журнал «Русская старина»... — писал С. С. Дмитриев, — поставлен на твердые ноги и приобрел широкую известность под руководством его первого редактора, либерального историка М. И. Семевского...»²⁸⁹. Как справедливо отмечал С. С. Дмитриев, «по общему направлению «Русская старина» принадлежала к буржуазно-либеральной историографии; в ней, однако, активно участвовали и официально-консервативные историки — Д. И. Иловайский, М. И. Богданович, Н. К. Шильдер»²⁹⁰. С точки зрения историографической, констатация либеральной позиции М. И. Семевского очень важна.

С. С. Дмитриев делает еще одно существенное наблюдение: «Русская старина» была единственным историческим журналом, в котором уже в 70–90-х гг. XIX в. постоянно печатались многочисленные источники по истории революционного движения, по истории массовых движений в России, преимущественно солдатских и крестьянских. Особенно много в этом журнале было опубликовано материалов декабристов: дневник В. К. Кюхельбекера, записки М. И. Муравьева-Апостола, А. И. Беляева, М. А. Бестужева, М. А. Фонвизина, Д. И. Завалишина, П. Е. Анненковой, стихотворения К. Ф. Рылеева, А. И. Одоевского»²⁹¹. За краткостью изложения, вне текста обзора исторической журналистики осталась аргументация выдвинутых в нем концептуальных положений.

Цен-ость работы С. С. Дмитриева заключается в постановке исследовательской проблемы и в начертании возможных путей ее решения.

Наиболее значительными по важности проблематики и исследовательским результатам являются оригинальные и талантливо написанные работы Н. Я. Эйдельмана, его комментарии к факсимильным изданиям «Полярной звезды» и «Историческим сборникам», тематически связанные с изучаемой в диссертации проблемой²⁹². Исследователь среди различных лиц, писавших А. И. Герцену, назвал и М. И. Семевского, аргументированно доказав его сотрудничество в изданиях Вольной русской типографии. Н. Я. Эйдельману принадлежит заслуга атрибутирования адресата трех писем А. И. Герцена, которые ранее числились посланными неустановленному лицу²⁹³. Этим «неизвестным» оказался М. И. Семевский, находившийся в июле — сентябре 1859 г. в Париже. Именно он в это время послал А. И. Герцену объемистый пакет с различными материалами. Часть из них Герцен опубликовал в различных изданиях, в том числе в «Историческом сборнике». В связи с этим заслуживает внимания очень интересное предположение Н. Я. Эйдельмана: «Поскольку Семевский явно прислал несколько статей, то не исключено, что именно его присылка и привела Герцена к мысли начать новое издание — «Исторические сборники»²⁹⁴.

²⁸⁹ Там же. С. 175.

²⁹⁰ Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 175.

²⁹¹ Там же. С. 176.

²⁹² См.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.; Его же. Герцен против самодержавия. М., 1973.; Его же: «Революции сверху» в России. М., 1989.

²⁹³ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 284–285.

²⁹⁴ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». С. 143.

По всей видимости, в парижской посылке находился материал о М. В. Петрашевском, опубликованный в 49-м листе «Колокола» от 1 августа 1859 г.²⁹⁵. Но этим эпизодом корреспондентская практика М. И. Семевского не ограничилась. Он посылал в 1860 и 1861 гг. материалы декабристов Н. А. и М. А. Бестужевых²⁹⁶. III отделение все же проведало о связи М. И. Семевского с Герценом, о чем свидетельствует «приглашение» вольнодумного журналиста 9 августа 1862 г. в резиденцию у Цепного моста. После этого злополучного визита М. И. Семевский, по всей вероятности, прекратил посылать корреспонденции в Лондон.

Тонкие наблюдения и установление важных фактов, сделанные Н. Я. Эйдельманом, обогатили как герцениану, так и историографию о М. И. Семевском.

В книге А. Д. Зайцева, посвященной Петру Ивановичу Бартеневу, попутно затрагивается вопрос о взаимоотношениях издателя «Русского архива» и издателя-редактора «Русской старины»²⁹⁷. В предисловии к ней С. О. Шмидт совершенно справедливо отметил, что П. И. Бартеков, М. И. Семевский, В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев использовали в своей работе и издательский опыт А. И. Герцена, в частности приемы накопления материалов²⁹⁸.

А. Д. Зайцев привел очень интересный архивный отрывок из официального послания П. И. Бартекову начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, в котором говорилось, что «издатель «Русского архива», как и М. И. Семевский, расширяет допустимые правительством временные рамки при публикации исторических источников. Е. М. Феоктистов назидательно-предупредительно писал: «Русский архив» и «Русская старина», видимо, превращаются в какую-то современную летопись»²⁹⁹. Такое сближение «Русского архива» и «Русской старины» подчеркивало определенное совпадение принципов И. И. Бартекова и М. И. Семевского в подборе публикуемых материалов, хотя каждый из журналов имел свои особенности.

Отметив активное участие в 60-х г. в журнале «Русский архив» будущих редакторов «Русской старины» и «Исторического вестника» (С. Н. Шубинского), А. Д. Зайцев особо выделил взаимоотношения П. И. Бартекова и М. И. Семевского в 70–80-е г.: «Между редакторами двух наиболее популярных исторических журналов второй половины XIX века — «Русского архива» и «Русской старины», — существовала даже договоренность о «разделении сфер влияния». Об этом свидетельствовало письмо московского почт-директора В. А. Инсарского П. И. Бартекову, написанное в феврале 1874 г.³⁰⁰

Надо сказать, что отношения М. И. Семевского и П. И. Бартекова не были столь идеальными и доброжелательными на всем протяжении их общения, как это представляет А. Д. Зайцев. Определенная конкуренция давала о себе знать.

²⁹⁵ См.: Порох И. В. «Колокол» Герцена в борьбе за освобождение М. В. Буташевича-Петрашевского: По новым материалам // Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 137–150.

²⁹⁶ См.: Воспоминания Бестужевых / Под. ред. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 454. Ср.: Полярная звезда. Т. 9. С. 119–121, 154–155.

²⁹⁷ См.: Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартеков. М., 1989.

²⁹⁸ См.: Там же. С. 4.

²⁹⁹ Там же. С. 62.

³⁰⁰ См.: Зайцев А. Д. Там же. С. 104–105.

Заметный вклад в историографию, посвященную М. И. Семевскому, в последние годы сделал С. Н. Искюль. Послесловие, написанное им к книге «Русская старина. Путеводитель по XVIII веку»³⁰¹, акцентирует внимание читателей на вкладе М. И. Семевского в изучение, но, к тому же, содержит ряд общих суждений, относящихся к оценке деятельности редактора «Русской старины» — выдающегося собирателя исторических источников XVIII–XIX в. и их публикатора. По жанру С. Н. Искюль книгу «документальной антологией», в чем и заключается ее специфическая особенность. В послесловии констатируется исключительная популярность «Русской старины» в годы редактирования ее М. И. Семевским. Тираж журнала доходил до 6 тыс. экземпляров, что «по тем временам и для такого издания» было фактом из ряда вон выходящим³⁰². «Архивариус русской истории», который «гордо пронес звание редактора исторического журнала, прекрасно сознавая все значение своей «Русской старины», — такую высокую эмоциональную оценку дает М. И. Семевскому современный исследователь»³⁰³.

Дальнейшее развитие историографии о М. И. Семевском связано с новыми подходами к решению проблемы и с еще более широким использованием источников, до последнего времени неизвестных в печати.

Н. В. Убоженко

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н. В. ШАХОВСКОГО

Во второй половине XIX — начале XX в. в сельском хозяйстве России произошли серьезные изменения, выразившиеся в смещении центра зернового производства из Черноземья, где уже в начале XIX в. свободных земель не осталось, на юг и юго-восток: в Новороссию, Донскую область, Заволжье (в том числе Саратовское и Самарское) и Предкавказье³⁰⁴. Эти регионы были богаты свободными плодородными землями, но бедны рабочей силой. В связи с этим перед правительством России встал вопрос снабжения данных регионов пришлыми рабочими. Херсонский помещик Агарков в ответе Императорскому

³⁰¹ См.: Русская старина. Путеводитель по XVIII веку / Автор-сост. С. Н. Кургатников. М.; СПб., 1996.

³⁰² Там же. С. 361.

³⁰³ Там же. С. 368.

³⁰⁴ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Саратов, 1995. С. 117.

московскому обществу сельского хозяйства на вопрос о пришлых рабочих писал: «Главное в нашем хозяйстве — это рабочий вопрос, у нас рабочие — все пришлые, и мы, хозяева-наниматели, и все наше хозяйство положительно зависим от рабочих»³⁰⁵. Таким образом, вопрос о снабжении юга и юго-востока России сельскохозяйственными рабочими поднялся до уровня первостепенных государственных задач. Целый ряд исследований того времени посвящен рассмотрению данной экономической проблемы, в их числе и сочинение товарища министра сельского хозяйства, славянофила по убеждениям и разносторонне образованного человека, князя Н. В. Шаховского «Сельскохозяйственные отхожие промыслы», которое вышло двумя изданиями. Первое издание — в 1896 г., второе — под измененным названием «Земледельческий отход крестьян» — в 1903 г. Второе издание, существенно переработанное и дополненное новыми материалами, касающимися организации сельскохозяйственного отхода в Заволжье, представляет интерес для исследователей, занимающихся историей саратовского крестьянства.

Со времени выхода в свет первого издания прошло уже более ста лет, но книга и сейчас вызывает научный интерес. Оставаясь ценным экономическим исследованием, она становится интереснейшим историческим источником, позволяющим рассмотреть причины сельскохозяйственного отхода крестьян, организацию отхода и быт отходников, а также особенности социальной психологии этой группы населения. Исследование позволяет проследить формирование новой для России социальной группы со своими корпоративными интересами и требованиями, с особым образом жизни и нравами. Круг источников, используемых Н. В. Шаховским, чрезвычайно широк и многообразен. Это ответы корреспондентов Императорского Вольного экономического общества и Императорского Московского общества сельского хозяйства, а также огромное количество разного рода статистических материалов, касающихся сельского хозяйства и рабочего движения в деревне³⁰⁶. Исследуя причины сельскохозяйственного отхода, автор отмечает в качестве основных — малоземелье, а также общий низкий уровень крестьянского сельского хозяйства, недостаточное количество скота в крестьянских хозяйствах, что вело к быстрому их разорению³⁰⁷. Называется также и такая причина, как особый склад характера, стихийное стадное чувство крестьян, заставляющее идти туда, куда идут другие — в степные просторы, где на широких пространствах течет другая жизнь — привольная, легкая, разгульная и широкая. Автор отмечает у русского человека склонность к известному риску, который в степи иногда заканчивается необыкновенным успехом³⁰⁸. Особенностью сельскохозяйственного отхода является то, что человек оставляет свой дом в тот период, когда он больше всего нужен в своем хозяйстве, — в летнюю страду. На зиму же, когда земледелец менее загружен работой, отходник возвращается с промысла домой. При такой оторванности от собственного хозяйства рушится традиционный уклад жизни крестьянина. Кроме того, во время отлучки из дома сельскохозяйственный рабочий довольно

³⁰⁵ Шаховской Н. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М., 1896. С. 6.

³⁰⁶ Труды Императорского Вольного экономического общества. 1889, № 4; Труды Императорского Московского общества сельского хозяйства. Вып. XXXVII, 1894, XXXVIII, 1895; Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894; Сельский Вестник. 1889–1892; Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России и др.

³⁰⁷ Шаховской Н. В. Указ. соч. С. 25–28.

³⁰⁸ Там же. С. 32.

долго (до нескольких месяцев) находится среди совершенно чуждых ему людей, которые рассматривают его прежде всего как дешевую и временную рабочую силу. Длительные отлучки из дома и вступление в новые для крестьянина экономические отношения, связанные с отрывом его от собственного хозяйства, формируют новые экономические потребности, а также несут существенные изменения в семейную жизнь крестьян. Так, изучая быт «отхожепромышленников», Н. Шаховской, опираясь на исследование Д. Жбанкова³⁰⁹, отмечает появление в домах крестьян новых, несвойственных для крестьянского быта предметов: самоваров, «порядочной чайной и прочей посуды, зеркал, ламп и др. На мужчинах можно нередко встретить жилеты, пиджаки, пальто, часы с цепочками, на женщинах — шелковые платки, шали, кофты, шубы. Наряду с этим можно отметить и противоположное явление — разорение крестьян и обнищание крестьянского хозяйства. Отходнические промыслы часто приводили к семейным разделам и сдаче земли в аренду, а сам выделившийся жил в основном на заработке³¹⁰.

В то же время постоянный отрыв хозяина или хозяйки от семьи приводил к пагубным для семейных отношений последствиям³¹¹. Кроме того, вращаясь в низших городских кругах, крестьяне-отходники приносили в быт деревни чуждую мещанскую культуру и презрительное отношение к крестьянскому труду³¹². Это способствовало скорейшему разложению общины и нарушению норм обычного права³¹³.

Из всех видов отходничества сельскохозяйственный отход являлся наименее обеспеченным видом промыслов. Не обладая каким-либо ремеслом в новых условиях человек был социально более уязвим. Часто, не найдя сельскохозяйственной работы, крестьяне вынуждены были заниматься «черной работой» на пристанях, железной дороге, которая давала временный и низкооплачиваемый заработок.

Еще одной проблемой этой категории рабочих была проблема информационной обеспеченности. Вследствие малограмотности крестьян и отдаленности их от источников информации, достоверных сведений о размерах урожая и потребности в рабочей силе в зерновых губерниях к крестьянам почти не поступало. Рабочие вынуждены были добираться к рынкам найма интуитивно, «на авось». «Основанием для направления движения чаще всего служили примеры прошлогоднего заработка или особые, свойственные крестьянскому быту приметы, например уверенность в том, что после абсолютного неурожая в данной местности должен быть непременно великолепный урожай. Этой слепой уверенности был не в силах победить горький опыт, который ясно показывает, что урожайные годы далеко не чередуются с неурожайными»³¹⁴. В этих условиях в крестьянах развивалась доверчивость ко всякого рода слухам и публикациям, сулящим баснословные заработки в тех или иных местностях. Это приводило часто к отходу на сторону

³⁰⁹ См.: Жбанков Д. Бабыя сторона. Кострома. 1891. С. 76.

³¹⁰ См.: Вронский. Вопросы крестьянской жизни // Новое время. 1903, 15 января. № 9650.

³¹¹ См.: Весин. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1887, № 5. С. 184.

³¹² Это же отмечает и современная исследовательница М. М. Громыко в книге «Мир русской деревни». М., 1991. С. 6.

³¹³ См.: Макаренко А. Отхожие и кабальные рабочие // Юридический вестник. 1887. Т. XXI. С. 731.

³¹⁴ Шаховской Н. В. Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903. С. 21.

необходимой в данной местности рабочей силы и найму, в свою очередь, рабочей силы со стороны по более высокой цене³¹⁵. Характерной особенностью такого рода стихийно сложившегося рынка сельскохозяйственной рабочей силы становилось бесполезное скитание рабочих из одного уезда в другой, а иногда и дальние переезды или переходы на 40–60 верст, в результате чего рабочий или получал непомерно низкие заработки (до 10 коп. в день), или вообще работал только за харчи, а домой высылался по этапу, или пробирался на родину Христовым именем, продавая часто необходимую одежду³¹⁶.

В урожайные годы, когда ощущалась нехватка рабочей силы, заработная плата возрастала до 3–5 рублей в сутки косарю. В такие годы нередко даже прислуга из городов бежала в степи на заработки³¹⁷.

Отмечая необходимость такого рода промыслов, Н. В. Шаховской подчеркивал их пагубное деморализующее влияние на сельскохозяйственных рабочих, в особенности на молодежь: «Развивается привычка к бродячей жизни и легкое отношение к ней, склонность к известному риску...»³¹⁸ Молодые девушки вдали от родителей поголовно падают в нравственности, а мальчики приучаются к пьянству и разгулу³¹⁹. Все это отрицательно сказывалось на сохранении традиционно высокой нравственности крестьянского сословия в целом³²⁰.

Фиксируя тот факт, что отхожие сельскохозяйственные промыслы в урожайные годы приносили довольно высокие доходы, исследователь, анализируя побудительные причины к такого рода занятиям, обратил внимание на их резкую противоположность: для одних это было скопидомство³²¹, стремление заработать для хозяйства так необходимые свободные деньги; для других — бродяжнические инстинкты, желание погулять на чужой стороне, вдали от глаз своих родичей. Это, в свою очередь, создавало привычку к бродяжничеству, просыпающуюся в этой категории крестьянства каждую весну, с наступлением «рабочего движения». Примером такого рода социального явления служили бурлаки. Еще одной группой населения, ищущей сторонних заработков, являлся часто, по выражению автора, «местный дурной элемент» — лентяи, пьяницы, которых соседние хозяева избегали нанимать, как неблагонадежных. Семейные ссоры также толкали крестьян на уход из дома³²². В отчете заведующего врачебно-продовольственным пунктом в слободе Покровской Новоузенского уезда Самарской губернии находились сведения об особом роде сельских отхожепромышленниках из Саратовской губернии. «Саратовцев гонят (в отход) инстинкты бродяжнические, т. к. из Саратовской губернии идут не крестьяне-земледельцы, а крестьяне-ремесленники, городская прислуга, величающая себя крестьянами, кухарки, кучера, горничные, мелкие лавочники, сапожники, портные, кожевники и т. п. Этот сорт рабочих, исключительно жнецов, является с обилием харчевых запасов, тепло одетым, сытым, с сундучками, подстилочками, иногда в перчатках и под

³¹⁵ См.: Там же. См также: *Макаренко А.* Отхожие и кабальные рабочие // Юридический вестник. 1887. Т. XXI. С. 733.

³¹⁶ См.: *Шаховской Н. В.* Указ. соч. С. 23.

³¹⁷ См.: Там же. С. 24.

³¹⁸ *Шаховской Н.* Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М, 1896. С. 11.

³¹⁹ См.: Там же. С. 11.

³²⁰ См.: *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986. С. 274–275.

³²¹ *Шаховской Н.* Сельскохозяйственные отхожие промыслы... С. 34.

³²² Там же.

зонтиком и, конечно, с гармоникой. Для него отхожий промысел не составляет главного средства к существованию, а является просто наживой, в доказательство чего можно привести очень характерное для этого случая явление: хорошие цены на жнитво — идет работать, плохие — ему и горя мало, поживет неделю и обратно домой с жалобой на плохие заработки... Женская половина этой «публики», по-видимому, занимается тайной проституцией»³²³. Заведующий Лозовским врачебно-продовольственным пунктом упоминает о появлении в числе пришлых рабочих на рынке найма в Лозовой так называемых «лодырей». «Эти пришли без кос наниматься на косовицу, лежали покойно на солнышке и ждали каких-то сказочных цен»³²⁴.

Характеризуя такую пеструю в социальном отношении категорию, как сельскохозяйственные рабочие, Н. В. Шаховской помимо основных причин отхода, связанных с малоземельем, низкой урожайностью, а также с ростом задолженности крестьянских хозяйств государству, миру, земству и частным лицам, отмечал и целый ряд социально-психологических причин: сложность семейных взаимоотношений, потребность молодежи вырваться из-под строгой опеки старшего поколения, наличие в русском крестьянстве склонности к риску, приносящему быстрый и высокий доход по поговорке «либо пан — либо пропал», а также наличие определенного «стихийного стадного чувства», заставляющего человека идти вслед за другими с надеждой, что ему повезет больше, чем остальным. Наконец, следует обратить внимание на выделение таких особых категорий населения как «неблагонадежные». Эти люди не могли устроиться на работу по месту жительства вследствие своих личных отрицательных черт: пьянство, плохая работа и т. д. Выделялась и категория случайных людей желающих заработать большие деньги при хорошем урожае и высокой цене на рабочие руки.

Таким образом, в числе сельскохозяйственных рабочих имелись и те, кого заставляла скитаться не необходимость заработать на жизнь, а желание быстро разбогатеть, что, кстати, являлось отражением одной из черт национальной мечты, ярко просматривающейся в сюжетных линиях многих русских народных сказок³²⁵.

Исследования Н. В. Шаховского позволяют сделать следующий вывод: у этой пестрой в социальном отношении массы в условиях постоянной нехватки рабочей силы, возникали общие интересы, сводившиеся к получению как можно более высокой (иногда и необоснованно высокой) заработной платы. Таким образом, у сельскохозяйственных рабочих наблюдается отрыв от социальной установки крестьянина, направленной на скорейшую и качественную уборку урожая, и формируется совершенно иная социальная установка, направленная на получение большей прибыли при меньших затратах труда. Капиталистический уклад, проникая во все сферы крестьянской жизни, усилил процесс вовлечения крестьян в товарно-денежные отношения,

³²³ Там же. С. 64.

³²⁴ Там же. С. 65.

³²⁵ См. напр.: «Клад», «Шабарша», «Жадная старуха», «Конь, скатерть и рожок», «Петух и жерновцы», «Горе» и др. // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1958. Т. 1–3. Л. В. Милов в монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», исследуя роль природно-географического фактора в жизни крестьянина-земледельца и формировании особой русской ментальности, приходит к выводу, что стремление разбогатеть у крестьян не было связано с понятием «больше трудиться», так как величина урожая часто не зависела от затрат труда. М., 1999. С. 411 и др.

способствовал разрушению патриархальных устоев, рождал в психологии крестьянина новые черты. В конечном итоге, все это привело к разрушению традиционного для русского крестьянства общинного сознания, «пробуждению чувства личности,... раскрепощению человека и созданию возможностей для социальной мобильности, для проявления инициативы и предприимчивости»³²⁶, а также к изменению ценностных ориентаций и стандартов поведения³²⁷.

Т. В. Мосолкина

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГОРОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

Серьезные исследования английской истории начались в России в последней четверти XIX в., и связаны они были с именами П. Г. Виноградова и М. М. Ковалевского. Но П. Г. Виноградов основное свое внимание посвятил изучению аграрного развития Англии, а М. М. Ковалевский — происхождению и функционированию местного самоуправления и общественному строю Англии в конце средних веков. Эту традицию продолжили Д. М. Петрушевский и А. Н. Савин. Интерес к средневековому английскому крестьянству и эволюции общины объяснялся проблемами русской действительности, тем, что основные сложности жизни России были связаны с аграрными отношениями. Бюргерство в России не стало особым сословием и не было представлено в органах государственной власти, а города не имели такого объема «прав и свобод», как на Западе.

В начале XX в. общественная обстановка в России значительно изменилась, и это сказалось на изменении проблематики средневековых исследований. Появились серьезные работы о западноевропейских городах А. К. Дживелегова, Н. П. Грацианского, переводы трудов ведущих западных исследователей социально-экономического направления (Эшли, Кеннингема, Роджерса, Зомбарта и др.). Стала складываться отечественная уранистика, правда, основная масса работ по средневековому городу появилась уже после Великой Отечественной войны, и посвящена она была в первую очередь городам Италии, Франции и Германии. Английский же город долгое время оставался вне пределов внимания отечественных историков. После того как в 1904 г. появилась книга И. М. Бондаренко «Английский город в средние

³²⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 96.

³²⁷ Об изменениях в социальной психологии крестьянства в целом см.: Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX в. С. 15–32

века»³²⁸, прошло немало десятилетий, прежде чем возродился интерес к английскому средневековому городу.

Особое место среди исследователей английского средневекового города занимает Я. А. Левицкий, который и положил начало его изучению. Книгу И. М. Бондаренко нельзя назвать исследовательской работой — в ней использовано мало источников, и она, в основном, систематизировала существовавшие на тот момент сведения. Я. А. Левицкий обратился к самым истокам английского средневекового города и использовал для этого источник, который никогда раньше не рассматривался в связи с возникновением городов, — Книгу Страшного суда. Первым результатом этой работы стала кандидатская диссертация «Английский город в XI в. (к вопросу о происхождении английского средневекового города)»³²⁹. Именно Я. А. Левицкий впервые в отечественной историографии выделил новые критерии понятия «город». Он отказался рассматривать в качестве основного признака города только правовое, административное и военное положение. Он обосновал тезис о том, что основное отличие города от деревни лежит в сфере экономических и социальных отношений, и рассматривал город прежде всего как центр несельскохозяйственного производства и обмена. Тем не менее Я. А. Левицкий был убежден, что товарное производство при феодализме не было чем-то чужеродным по отношению к нему. Этот тезис он позднее подробно обосновал в докладе на симпозиуме по истории средневековых городов в Ленинграде в 1968 г.: «Средневековый город как центр товарного производства и обмена в феодальном обществе по своему экономическому и социальному характеру является феодальным городом, органической частью феодальной экономики, всей системы феодальных отношений в целом»³³⁰. В этом вопросе Я. А. Левицкий категорически расходился во мнении с С. М. Стамом, который считает, что «в строго научном, собственном смысле, феодальным он не был, поскольку базировался на принципиально иных отношениях производства и собственности, — на отношениях свободного, рыночного, мелкотоварного производства»³³¹.

После исследования Книги Страшного суда в связи с возникновением английского средневекового города последовали работы о складывании городской общины, профессиональной и социальной структуре города³³². Широкую известность получила книга Я. А. Левицкого «Города и городское ремесло в Англии X–XII вв.», в которой он обосновал «ремесленную» теорию

³²⁸ Бондаренко И. М. Английский город в средние века. Одесса, 1904.

³²⁹ Диссертация была завершена в 1943 г., но впервые полностью опубликована в книге «Город и феодализм в Англии». М., 1987.

³³⁰ Левицкий Я. А. Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма // Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 183.

³³¹ Стам С. М. Средневековый город и феодализм // Средние века: город, ереси, Возрождение, Реформация. Саратов, 1998. С. 148. Впервые эти идеи были им изложены в статье «Движущие противоречия развития средневекового города», опубликованной в «Вопросах истории» за 1965 г. Именно на эту статью ссылался в своем докладе 1968 г. Я. А. Левицкий.

³³² См.: Левицкий Я. А. Ремесленные гильдии в Англии в ранний период их истории // Средние века. М., 1956. Вып. 8. С. 141–160; Города и городское ремесло в Англии X–XII вв. М., 1960.

происхождения города, которая считается самостоятельной даже в зарубежной историографии³³³.

Следующим этапом исследований Я. А. Левицкого стало изучение «торговой» гильдии, рынков и торговли, соотношения городского и деревенского ремесла в средневековой Англии³³⁴. Это привело его к постановке вопроса об особенностях рынков и товарно-денежных отношений в средневековой Англии. Серьезные исследования по развитию ремесла, социальной структуры и торговли позволили ему поставить вопрос об общих проблемах западноевропейского города периода развитого феодализма, о типологии европейских средневековых городов³³⁵. В основу типологии средневекового города Я. А. Левицкий положил принцип взаимодействия между городом и деревней в процессе товарного обмена. Статья «Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма» стала последней прижизненной публикацией Я. А. Левицкого и своего рода его научным завещанием, поскольку в ней он наметил перспективы дальнейших исследований английского города XIV–XV вв..

Историей английских городов именно XIV–XV вв. занялась А. А. Кириллова. Ее прежде всего интересовали социальные конфликты в средневековом английском городе, и ее основная работа, опубликованная в 1969 г., так и называлась: «Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в.»³³⁶ И тем не менее, содержание этого исследования гораздо шире названия. В нем рассмотрено и экономическое развитие английских городов, образование и развитие патрициата, процесс разложения внутри ремесленных гильдий, организация подмастерьев и их борьба с мастерами, рабочее законодательство XIV в., борьба городов с духовными сеньорами и другие вопросы. Нужно отдать должное А. А. Кирилловой — она не боялась затрагивать спорные вопросы и давать на них нетрадиционные ответы: о наличии или отсутствии в английских городах патрициата, о времени возникновения раннекапиталистических отношений в Англии. Несмотря на то, что многие зарубежные и отечественные исследователи ставили и ставят под сомнение наличие патрициата в английских средневековых городах в том виде, в каком он присутствовал на континенте, А. А. Кириллова считала, что в Лондоне и некоторых других городах Англии он сложился уже в XIV, а может быть, даже и в XIII веке³³⁷. Касаясь вопроса о датировке появления ранних форм капиталистического производства в Англии, она писала: «Уже в первой половине XIV в. делается ясным, что быстрое развитие суконной промышленности невозможно без создания новой экономической организации производства»³³⁸. Исследования последних лет могут подтвердить ее правоту.

³³³ См.: *Town Origins: The Evidence of Medieval England* / Ed. by J. F. Benton. Boston, 1968. P. 37.

³³⁴ См.: *Левицкий Я. А.* К вопросу о характере так называемой «*Gilda mercatoria*» в Англии XI–XIII вв. // *Средние века*. М., 1967. Вып. 30. С. 103–122; *Его же.* Проблема взаимоотношения города и деревни в средневековой Англии (XI–XIII вв.) и историко-экономическое направление в английской историографии // *Город и феодализм в Англии*. С. 195–218; *Его же.* Ранний этап развития сукноделия в английских городах (XII–XIII вв.) // *Там же*. С. 219–238.

³³⁵ См.: *Левицкий Я. А.* Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма // *Город и феодализм в Англии*. М., 1987. С. 177–194.

³³⁶ См.: *Кириллова А. А.* Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // *Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV–XVII вв.* М., 1969.

³³⁷ См.: *Там же*. С. 95–96, 101.

³³⁸ *Там же*. С. 75.

В 70–80-е гг. в отечественной медиевистике преобладали социальные, социально-экономические и социально-политические исследования. Это отразилось и на изучении английского города. Е. В. Гутнова, хотя и не изучала конкретно проблемы городского развития, рассматривала возникновение английского парламента и поставила вопрос о роли бюргерства в формировании сословных монархий³³⁹.

В 1979 г. вышла интересная работа Л. П. Репиной «Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в.»³⁴⁰ Основное внимание автора сосредоточено на социально-политических проблемах городского развития, но в книге представлен материал об имущественной и социальной эволюции городского населения, экономической политике правительства, о взаимоотношениях крупного купечества и правительства в области финансов и торговли и по другим вопросам. В своей работе Л. П. Репина ставит под сомнение правомерность применения термина «патрициат» в отношении английских городов³⁴¹. В своей статье, вышедшей в 1981 г., она возвращается к этому вопросу и отмечает, что те исследователи, которые использовали этот термин, подчеркивают общие черты с патрициатом континентальных городов. В этом случае, считает исследовательница, «пропадают те специфические черты, которые имеют существенное значение в рамках исследования городского сословия Англии и еще более — в региональных и локальных работах»³⁴². Не имея возможности подробно остановиться на этой проблеме, хотелось бы все же отметить, что исследование особенностей патрициата английских городов не обязательно приводит к отрицанию самого факта существования там патрициата.

Как положительный момент в отечественной историографии английских городов нужно отметить появление локальных исследований. Еще в 70-е г. Берик-на-Твиде и Ньюкаслу-на-Тайне в конце XVI — начале XVII в. посвятили свои статьи В. В. Штокмар и В. А. Евсеев. Торговыми компаниями г. Йорка XV — XVI вв. занималась С. П. Петрова-Маркова³⁴³. В 1995 г. многолетние исследования В. А. Евсеева в этой области были обобщены в монографии³⁴⁴. Указанные авторы сосредоточили свое внимание, прежде всего, на

³³⁹ См.: Гутнова Е. В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. М., 1979.

³⁴⁰ См.: Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979.

³⁴¹ См.: Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. С. 80–81.

³⁴² Репина Л. П. Potiores et meliores Лондона в начале XIV в. // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 227.

³⁴³ См.: Петрова-Маркова С. П. Некоторые моменты истории йоркской компании мерсеров и купцов-авантюристов (структура компании в XV в.) // Вест. Ленингр. ун-та, 1973. № 20. Вып. 4; *Ее же*. Социальный состав магистрата Йорка в XIV–XVI вв. (По материалам йоркских городских регистров) // Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3; *Ее же*. Йоркская компания купцов-авантюристов и купцы-авантюристы Лондона в XV — начале XVI в. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980; *Ее же*. Йоркская компания мерсеров и купцов-авантюристов в XV–XVI вв. (К истории торгового капитала в Англии) // Средние века. М., 1981. Вып. 44; Штокмар В. В. Берик-на-Твиде в конце XVI — начале XVII в. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5; Евсеев В. А. Компания торговцев углем Ньюкасла-на-Тайне в конце XVI — начале XVII в. // Там же.

³⁴⁴ См.: Евсеев В. А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995.

экономическом развитии городов, хотя в какой-то мере были затронуты вопросы социальной и административной истории.

Значительный вклад в изучение английского средневекового города внесла саратовская школа урбанистов, в рамках которой сложилась группа исследователей, занимающихся различными проблемами средневековых городов Англии. Родоначальником саратовской школы урбанистов является С. М. Стам. Непосредственно английским городом он не занимался, но разработка многих теоретических проблем истории средневековых городов заложила основу для изучения французских, немецких, английских городов в период средних веков.

Первой среди саратовских исследователей истории английских городов нужно назвать М. М. Яброву. Серия ее статей, а потом монография были посвящены «заброшенным» в последние десятилетия вопросам городской истории — организации торговли, развитию купеческого и банковско-ростовщического капитала, проникновению торгового и ростовщического капитала в ремесло³⁴⁵. Книга М. М. Ябровой была первым в отечественной историографии исследованием возникновения раннекапиталистических отношений в Англии. Важно отметить, что в работах М. М. Ябровой прослеживались именно городские истоки этих отношений, в то время как раньше акцент ставили на изменениях в аграрной сфере. Взятый для исследования период необычайно сложен для изучения, поскольку многие явления в социальной и экономической сферах не существуют в «чистом виде», а соединяют в себе черты старого и нового.

В рамках локальной истории вышел ряд статей и монография Т. В. Мосолкиной, в которых были затронуты вопросы экономического, социального и политического развития г. Бристоля в XIV–XV вв., а также особенности самосознания горожан этого периода³⁴⁶. Отдельные статьи и разделы книги были посвящены выявлению взаимовлияния внешней торговли и ремесленного производства, рассмотрению соотношения цехового и внецехового ремесла, формированию рынка наемного труда в городе, разложению ремесленных гильдий и возникновению новых форм производства, определению влияния широких международных связей и предпринимательской активности на психологию средневековых горожан. Изучение провинциального, хотя и крупного по средневековым меркам города позволяет судить о процессах, происходивших не только в столице, но и в остальных городах Англии.

Одному из сложных вопросов английской городской истории посвятила свои статьи Л. Н. Чернова. Ее исследования касаются эволюции, сфер деятельности, источников дохода, роли в социально-экономической и политической жизни города высшего слоя английского города XVI в. — патрициата³⁴⁷.

³⁴⁵ См.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV — начала XVI века). Саратов, 1983.

³⁴⁶ См.: Мосолкина Т. В. Город Бристоль в XIV–XV веках: экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997.

³⁴⁷ См.: Чернова Л. Н. Церковь и городская жизнь в Англии XIV–XV веков (на материале Лондона) // Феодалы в городе: Запад и Русь. М., 1996; Ее же. Городская недвижимость лондонских олдерменов XIV–XVI веков: структура и использование // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 12; Ее же. Городская недвижимость лондонских олдерменов XIV–XVI веков: условия владения // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 13.

В последние годы к работе группы присоединился А. А. Макаров, занимающийся изучением различных аспектов истории г. Ковентри в ранний период его истории. В 1999 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Особенности социально-экономического развития Ковентри XII–XIV вв.»

В результате исследования различных проблем английского средневекового города специалистами кафедры были подготовлены и выпущены сборники источников, впервые переведенных на русский язык: «Бристольские ремесленные цехи в XIV–XV веках»; «Купцы-складчики Кале: деловая переписка семейной компании Сели (XV в.)»; «Лондонские олдермены XIV–XVI веков: завещания, договоры, описи имущества»³⁴⁸.

Таким образом, начиная с середины нашего столетия в изучении отечественными медиевистами английского средневекового города сделано немало. Несомненным достоинством многих работ российских исследователей следует считать стремление рассматривать даже мелкие, конкретные вопросы в связи с общими процессами, происходившими в разных сферах жизни средневекового общества. Это помогает лучше понять не только суть явления, но и перспективы его развития. Хотя многие вопросы истории английского города периода средневековья еще ждут своего исследования: практически не изучены антисеньориальная борьба в английских средневековых городах, взаимоотношения города и сельской округи (что связано с проблемой складывания внутреннего рынка), роль города в политической жизни средневековой Англии. Слабо изучена организация ремесленного производства в английских городах. Даже вопрос о том, был ли цех основной формой объединения ремесленников в английских городах, подвергается сомнению. Интерес вызывают и взаимоотношения горожан с церковью и многое другое. Кроме того, разработка типологии процесса складывания условий и предпосылок для перехода к капиталистическому производству требует многочисленных локальных исследований. Таким образом, средневековая история английских городов предоставляет широкие перспективы для исследователей. Только на базе конкретных исследований можно будет проводить какие-то сравнения английских и континентальных городов или еще более широкие сопоставления.

³⁴⁸ См.: Бристольские ремесленные цехи в XIV — XV веках: Сборник текстов / Пер., статья и прим. Т. В. Мосолкиной. Саратов, 1995; Купцы-складчики Кале: деловая переписка семейной компании Сели (XV в.) / Пер. со староангл., прим. и вступ. статья проф. М. М. Ябровой: Учеб. пособие. Саратов, 1998; Лондонские олдермены XIV–XVI веков: завещания, договоры, описи имущества / Пер. с англ., вступ. статья и прим. Л. Н. Черновой: Сборник документов. Саратов, 1998.

Н. В. Корнопелева

СЭМЮЭЛЬ ТЭЙЛОР КОЛЬРИДЖ В ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

Сэмюэль Тэйлор Кольридж (1772–1834) широко известен в России как один из представителей «озерной школы поэтов». Вместе с Уильямом Вордсвортом (1770–1850) и Робертом Саути (1774–1843) он считается классиком английского романтизма. Среди его поэтических работ наиболее популярны «Баллада о Старом Мореходе», «Кубла-Хан», «Кристабэль», «Монодия на смерть Чаттертона», «Ода уходящему году». Заслужил признание и его вклад в историю литературной критики. В частности, Кольридж дал оригинальную интерпретацию творчества У. Шекспира, в произведениях которого увидел воплощение многих собственных идей об искусстве и человеке в искусстве. Он также открыл для современников многогранное творчество Дж. Донна, по-новому оценил Л. Стерна.

Философская мысль Кольриджа изучена в России значительно меньше. Отечественных исследователей интересовали преимущественно те ее аспекты, которые связаны с историей и теорией литературы (например, «теория воображения»). Распространено мнение, что его карьера поэта была неудачной, поскольку все значительные стихотворения он создал в самом ее начале. Традиционно о нем говорят как о *поэте* с трагической судьбой: ранний взлет и ранняя слава, за которыми последовали долгие годы без сколько-нибудь значительных поэтических работ, годы утрат единомышленников, несчастливая семейная жизнь, сильная опиумная зависимость³⁴⁹, приведшая Кольриджа в 1816 г. в дом доктора Джеймса Гиллмана, где он и провел последние 18 лет жизни...³⁵⁰ Иными словами, в отечественной науке творчество Кольриджа до сих пор оставалось почти исключительным достоянием литературоведения.

В западной же историографии XX в. Кольридж давно получил признание как видный представитель общественно-политической, философской и религиозной мысли. Один из первых биографов Кольриджа, историк английской литературы Г. Трайль писал: «Существенно то, что его промысел вобрал в себя все познания; и что его тонкий, увлеченный и прозорливый ум свободно переносился с предмета на предмет...»³⁵¹. «Универсальность» познаний и устремлений — эта характерная черта мыслителя отмечается в работах исследователей английского романтизма: «Он развивал новый стиль и охватывал широчайший спектр тем»³⁵².

Принимая во внимание фрагментарный, незаконченный характер работ Кольриджа, публицистический стиль, отсутствие какой-либо систематизации

³⁴⁹ О том, что применение опиума было в то время достаточно распространенным сюжетом, свидетельствует известное произведение Томаса Квинсли «Исповедь курильщика опиума».

³⁵⁰ См. напр.: Горбунова А. И., Соловьева Н. А. Послесловие // Coleridge S. T. Verse and prose. Moscow, 1981; Дьяконова Н. Я., Яковлева Г. В. Философско-эстетические воззрения С. Т. Кольриджа // Кольридж С. Т. Избранные труды. М., 1987.

³⁵¹ Train H. D. Coleridge. L.; N. Y., 1898. P. 210.

³⁵² Carter R., McRae J. The Routledge History of Literature in English Britain and Ireland. L.; N. Y., 1997. P. 250.

учения, никто из исследователей, тем не менее, не сомневается в существовании самого этого учения, которое позволяет говорить о Кольридже как о выдающемся теоретике своего времени, во многом определившем дальнейшее развитие общественной мысли Англии. В частности, Дж. С. Милль в работе о Бентаме и Кольридже сказал: «...можно назвать двух мыслителей, которым их страна всегда будет благодарна не только за большую часть идей, оказавшихся важными для мыслящих людей своего времени, но и за революцию в самом стиле мышления... Эти два человека — Джереми Бентам и Сэмюэль Тейлор Кольридж, два величайших ума»³⁵³. Таким образом, очевидна несправедливость, когда говорят о рано замолчавшем поэте и забывают о много сказавшем мыслителе³⁵⁴.

В работе Ф. Брауна, законченной автором перед началом войны 1914–1918 гг.,³⁵⁵ воззрения Кольриджа рассматриваются на фоне бурной дискуссии англичан о Французской революции. К сожалению, исследователь уделяет его творчеству не самое большое место. Он отмечает, что Кольридж, первое время питавший симпатии к Революции, быстро отошел от увлечений юности, тем более что в действительности он никогда и не был якобинцем по своим взглядам. Браун говорит, что теоретические построения мыслителя носили в значительной степени умозрительный характер и относительно мало опирались на реальные факты. Исследуя эволюцию идей Кольриджа, автор подчеркивает постепенно возрастающий теологизм его мышления, нередко граничащий с мистицизмом. Браун выделяет философа среди остальных участников дискуссии как оратора, который дал прежде всего нравственную оценку событий³⁵⁶.

Крейн Бринтон в своей монографии говорит о представителях романтической традиции (*men of letters*) рубежа XVIII–XIX вв. как о людях, радикально изменивших общественное мировоззрение³⁵⁷. Исследователь полагает, что взгляды романтиков повлияли не только на историографию, но и на сам исторический процесс — «революционные идеи о человечестве, которым суждено было изменить ход истории...»³⁵⁸

Бринтон одним из первых обратился к политическим воззрениям Кольриджа, который «очень много писал, и огромная часть написанного прямо или косвенно относится к вопросам политики»³⁵⁹. Эта работа интересна прежде всего тем, что Бринтон рассматривает политическое учение Кольриджа сквозь призму его сложного характера. Важным источником для этого является переписка Кольриджа. «Самая большая проблема — то, что мы не в состоянии рассматривать воззрения Кольриджа отдельно от противоречий его

³⁵³ Mill J. S. On Bentham and Coleridge. N. Y., 1950. P. 39–40.

³⁵⁴ Я не считаю возможным определять Кольриджа только как историка (см.: *Ben-Israel H. English historians of the French Revolution. L., 1968*), политика и т. д. На мой взгляд, сам характер источников, с которыми приходится иметь дело, позволяет рассматривать Кольриджа как теоретика, затронувшего в своих исканиях практически все аспекты общественно-политической жизни.

³⁵⁵ См.: *Brown Ph. The French Revolution in English History. 3rd ed. N. Y., 1965.*

³⁵⁶ См.: *Brown Ph. The French Revolution in English History. P. 186.*

³⁵⁷ См.: *Brinton C. The political ideas of the English romanticists. Toronto, 1966. P. 2. (1st ed. Oxford, 1926).*

³⁵⁸ *Ibid. P. 2.*

³⁵⁹ *Ibid. P. 66.*

личности»³⁶⁰. Автор монографии применяет широкий спектр методов исторического анализа, достигая глубокого психологизма исследования. Бринтон полагает, что именно в «постоянных сомнениях и метаниях» мыслителя «впервые в истории английской философии» создается критический метод³⁶¹. Интересно также объяснение Бринтоном того факта, что к началу XX в. политическая теория Кольриджа оказалась в полном забвении. Дело в том, что большинство прозаических работ философа, к которым относятся и политические труды, в отличие от стихотворений, всегда мало читались соотечественниками («они никогда не были классикой!» — заметит позднее другой исследователь³⁶²). Бринтон говорит о несправедливости подобного пренебрежения «оригинальной, хотя и не выдающейся прозой». Основной причиной этого он считает непопулярность философии Кольриджа в веке минувшем и в начале века нынешнего³⁶³.

В монографии Альфреда Коббена прослеживается развитие идей Эдмунда Берка в политических теориях трех поэтов-мыслителей «озерной школы»: Саути, Вордсворта и Кольриджа. Автор работы говорит о первоначальном общем их увлечении идеями Французской революции, выдвинувшей принципы свободы и нравственного обновления общества. Якобинский террор и последовавшее за ним всеобщее охлаждение, а затем ярое неприятие радикальных перемен во Франции обусловили актуальность в Англии конца XVIII столетия консервативных взглядов Эдмунда Берка, который уже в 1790 г. в своих «Размышлениях о революции во Франции» проявил удивительное политическое и историческое чутье, предсказав трагические последствия происходящего. Консерватизм идейных последователей Берка стал, по определению Коббена, «бунтом против XVIII столетия — века грубого рационализма, черствости и отсутствия поэзии»³⁶⁴. В учении Кольриджа автор видит последовательное развитие теории его великого предшественника. Методологическим подходом к вопросам истории, политики и социальных отношений обоих консерваторов становится «научный эмпиризм» — вместо «метафизической фальсификации политического знания», которую Берк и Кольридж считали глобальным недостатком философии Просвещения (критика Кольриджем Руссо), Годвина, Гельвеция, Локка). Кольридж становится вторым после Берка теоретиком, давшим определенную классификацию общественных интересов. При этом он рассматривает различные политические системы, резко критикуя демократию. Главной причиной ее неприятия Коббен считает неверие Кольриджа в нравственное совершенство людей, которое должно быть непременным условием всякой демократии. Кроме того, пишет Коббен, «идеи равенства и прямого представительства, по мнению Кольриджа, более подходят церковному устройству и, напротив, органично неприемлемы для государственного строя, в реальности всегда базирующегося на принципах неравенства и частной собственности». Коббен не считает возможным рассматривать политическую программу Кольриджа как однозначно консервативную, но видит в ней удачное сочетание «лучших» положений

³⁶⁰ Ibid. P. 65.

³⁶¹ Ibid. P. 66.

³⁶² Jackson J. R. Editor's Introduction // Coleridge S. T. The Critical Heritage. L., 1970. P. 18.

³⁶³ Ibid. P. 67.

³⁶⁴ Cobban A. Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century: A study of the political and social thinking of Wordsworth, Coleridge and Southey. L., 1929. P. 186.

многих теорий и направлений: «В определенном смысле, конечно, Кольридж — утилитарист. Мы бы даже сочли его представителем естественной школы, обратившись к трактовке им естественных прав. В действительности же он сочетает в своем учении различные идеи и направления, выбирая из них самое разумное»³⁶⁵. Эта мысль получила распространение и дальнейшее развитие в других работах о политическом учении Кольриджа, которое определяется как «либеральный консерватизм», «романтический консерватизм», «динамизм» и др.

В 1934 г., в столетнюю годовщину со дня смерти Кольриджа, в Лейпциге и Лондоне одновременно вышли две работы о политических воззрениях Кольриджа³⁶⁶. Немецкий автор, на наш взгляд, во многом повторяет взгляды Коббена, излагая их почти в неизменной последовательности. Правда, ключом к пониманию учения Кольриджа Вюнше считает его искренний антиякобинский пафос³⁶⁷ и отмечает, что Кольридж ставит интересы отдельного гражданина неизмеримо выше общественных и государственных, считая государство лишь продолжением общества, а последнее — результатом межличностных отношений. В этих высказываниях Вюнше видит развитие теории утилитаризма и индивидуализма.

Г. Билей — автор второй работы 1934 г. — значительно продвинул изучение социально-политической мысли Кольриджа, как с точки зрения систематизации его учения, так и в области методологии изучения работ философа. Историк пошел по пути прочтения максимально большего количества произведений мыслителя и выявления из общей массы текста всех идей Кольриджа. Вторым этапом своей исследовательской работы Билей определил выборку наиболее повторяющихся положений, из которых он выводит определенные концепции. Билей выделяет три этапа развития политической теории Кольриджа. Первый, условно названный «годвинианским», характеризуется тем, что общественно-политическая мысль Кольриджа развивалась сначала под влиянием идей У. Годвина, затем — в ходе их критики и, наконец, на волне ярко выраженного неприятия годвинианского учения. 1789–1793 гг. — время «якобинства» Кольриджа, когда ему были близки натурфилософские взгляды на политику, согласно которым формирование личности и особенности государственного строя зависят прежде всего от особенностей природной среды, а нравственное зло коренится в порочной социальной системе. Кольридж разделял в то время убеждение Годвина в целесообразности отказа от всякого правительства, от частной собственности — основы государства.

1795 г. — время прочтения Кольриджем «Лекции о политике и морали» в Бристоле («Lecture 1795 on politics and moral»), в которых отчетливо обозначились новые тенденции в политических воззрениях философа. Новая позиция Кольриджа получает определение «политический романтизм». Билей характеризует ее следующими положениями: отрицание рационалистического понимания исторических процессов, приоритет интуиции и морали над чистым разумом в этих вопросах; непризнание за человеческим разумом права и возможности самостоятельно оценивать и изменять ход истории, что связано

³⁶⁵ Cobban A. Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century... P. 179.

³⁶⁶ См.: Beeley H. The political thought of Coleridge // Coleridge's studies by several hands on the hundredth anniversary of his death. L., 1934. P. 152–168; Wunsche W. Die Staatsauffassung Samuel Taylor Coleridges. Leipzig, 1934.

³⁶⁷ См.: Wunsche W. Op. cit. S. 7.

со смещением в учении мыслителя акцента с частных причин событий к причинам фундаментальным, «*causae causarum*»; большое внимание к роли исторического прецедента и национального фактора, с одной стороны, и осознание необходимости сохранения веками сложившихся традиций — силы, более мощной и жизнеспособной, нежели все построения рационализма, — с другой.

В критике Кольриджем последнего Билей подчеркивает следующие моменты: отрицание существования естественных прав и самой идеи возможности всеобщего равенства (Кольридж понимает право каждой отдельной личности на равенство перед Богом, право на индивидуальное счастье и т. д.), осторожное отношение к принципу суверенитета правительства. Это объясняется убеждением Кольриджа в том, что любое государство определяется обществом, т. е. является политической формой *идеи* правительства, заложенной в самом этом обществе. Билей не первый, кто говорит о сочетании в учении Кольриджа принципа сохранения традиций с пониманием необходимости прогресса. Исследователь определяет консерватизм философа как динамичный и прогрессивный; он отмечает также просветительский пафос Кольриджа. Английский мыслитель понимает исторический процесс как следствие развития философской мысли, поэтому уровень и характер системы образования имеет для него первостепенное значение.

Важным этапом в формировании социально-политического мышления Кольриджа Билей считает изучение немецкого идеализма, что во многом определило идеалистическое понимание философом большей части явлений истории, политики и общественных процессов через поиск их первоначальной идеи. Билей внимательно прослеживает, как консервативная установка на сохранение традиций общества и государства постепенно оформилась у Кольриджа в национальную идею: «бессмертная жизнь нации, в которой поколение льнет к поколению»³⁶⁸.

Исследование американского историка Давида И. Каллео 1966 г. является как бы развитием приведенной выше цитаты Дж. С. Милля о большом значении идей Кольриджа для английской и — шире — западной общественной мысли XX века³⁶⁹. Автор монографии предложил новый вариант прочтения государственного учения англичанина, определив его термином «психологический детерминизм». Центральное положение, на которое опирается историк, то же, что и в работе Г. Билея: Кольридж полагал, что государство, со всеми его институтами, так же как и конституция, существуют прежде всего в сознании граждан; в реальности же это — только институциональное выражение идей о государстве, обществе, законности представителей одной нации. Пожалуй, главной особенностью монографии стал своеобразный психологический подход к изучению проблемы. Каллео подробно останавливается на изучении Кольриджем психологических истоков государства и его институтов. Так, от критики учения Гоббса, который образующим принципом государства полагал *страх*, английский философ приходит к такому пониманию идеи государства, при котором оно является как бы *личностью с коллективной нравственностью* (collective moral person). В

³⁶⁸ Beeley H. Op. cit. P. 164.

³⁶⁹ См.: Calleo D. P. Coleridge and the idea of the modern state. New-Haven; L., 1966. P. 13.

связи с чем Кольридж выдвигает принцип сотрудничества, взамен принуждения и насилия.

Исследовательница английской историографии Французской революции Х. Бен-Израэль в главе о романтической традиции отмечает, с одной стороны, особенности, сближавшие и разделявшие ее с некоторыми другими из существовавших тогда направлений, в частности с консерватизмом³⁷⁰. Одной из целей работы является исследование преемственности романтической историографии и многих течений исторической науки XX в. К сожалению, Кольриджу не уделяется особого внимания в этом общем исследовании. Тем не менее автор отмечает его в ряду других историков романтической традиции (таких, как В. Скотт, Т. Карлейль, Р. Саути и др). Кольридж — единственный из них, кто создал последовательное продолжение консервативного учения Берка. При этом, разработав «действительно фундаментальную теорию» (оказавшую большое влияние, в частности, на историческое мышление Т. Карлейля³⁷¹), Кольридж не написал ни одной работы, которую можно было бы назвать «историей»³⁷².

Р. Харрис исследует социальные взгляды Кольриджа в связи с его религиозными представлениями³⁷³. Основой мировоззрения Кольриджа, по словам исследователя, стала христианская философия. Понимание необходимости социальной справедливости составляет своеобразный пафос учения Кольриджа. Вера в торжество добра некоторое время сближала его учение с теорией Руссо; неудовлетворенность социальной действительностью привела его к увлечению идеями Годвина. Однако Кольридж создал собственную социальную теорию, далекую от рационалистических построений. Необходимым условием социального благополучия в ней видится соблюдение христианских норм и веками сложившихся традиций.

Хотелось бы отметить одну из последних работ по истории английской литературы, написанную Р. Картер и Дж. Мак Рэ³⁷⁴. Принимая во внимание общий характер исследования, отметим лишь определенную тенденцию восприятия социально-политических учений романтиков, сложившуюся в английской науке к концу XX в.. Авторы говорят об открытиях романтизма в области языка, формы произведений, приоритетных тем, а также в сфере идей — на фоне мощных социальных сдвигов конца XVIII — начала XIX в. Это было время доминирования законов свободного рынка, превращения страны из агрокультурной в индустриальную; период колоссального диссонанса между положениями собственников и неимущих. «Рождался новый мир, позже названный Б. Дизраэли, писателем и премьер-министром времен королевы Виктории, «миром Двух Наций»³⁷⁵. Значение внутренних процессов усиливалось событиями мирового значения: Французская революция, войны с Францией, битва при Ватерлоо. Все описанное сопровождалось

³⁷⁰ См.: *Ben-Israel H. The French Revolution and the Romantic movement in historiography. // English historians of the French Revolution. L., 1968.*

³⁷¹ Подробнее о влиянии социально-политических воззрений Кольриджа на понимание истории, в частности истории Французской революции, см.: *Die socialpolitischen Anschauungen Coleridges und sein Einfluss auf Carlyle. Bonn, 1924.*

³⁷² См.: *Ben-Israel H. Op. cit. P. 117.*

³⁷³ См.: *Harris R. W. Romanticism and the social order. 1780–1830. L., 1969.*

³⁷⁴ См.: *Carter R., McRae J. Op. cit.*

³⁷⁵ *Ibid. PP. 215–218.*

продолжительной социальной нестабильностью. Данный период совпал со становлением и наибольшим расцветом философии Кольриджа. В указанной монографии такие аспекты социально-политического учения Кольриджа, как приоритет счастья индивидуального над общественным; прав отдельной личности, установленных Богом, над гарантированными существующим строем; идеалистические воззрения на сущность человеческого общества и государства и др., приобрели новое звучание.

Таким образом, изучение социально-политических воззрений Кольриджа занимает одно из центральных мест в работах западных историков. Проблематика исследований широка. В них прослежены различные пути влияния современных и предшествовавших Кольриджу концепций на формирование его собственных теоретических построений. Изучено место социально-политического учения английского философа в современной концепции государства. Социальная теория Кольриджа рассмотрена в контексте общественно-политического развития Англии в конце XVIII–XIX вв., а также в связи с его религиозными представлениями. В истории политической мысли Кольридж считается одним из основоположников консервативного и либерального направлений — на том этапе их развития, который в критике получил название «либеральный консерватизм». Высокая оценка дана его историческим взглядам: Кольридж является одним из видных представителей романтического направления в историографии.

Тем не менее приходится признать, что далеко не все аспекты социально-политического учения Кольриджа получили освещение. В частности, взгляды философа на революцию во Франции, которая во многом определила формирование его концепции в русле консервативно-либеральной традиции, так или иначе рассматривались в историографии, однако самостоятельного исследования этой проблемы не существует. В связи с этим можно повторить восклицание историка Давида Симпсона: «Что есть история, началом которой для Вордсворта стала Французская революция!»³⁷⁶, переадресовав его к Кольриджу, для которого и история, и политика, и даже поэзия действительно начались со штурма Бастилии.

В. С. Мирзеханов

**ЖАН ВАНСИНА И ВАЛЕНТЕН МУДИМБЕ:
ПОПЫТКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОРТРЕТА**

³⁷⁶ *Simpson D. Wordsworth's historical imagination. The poetry of displacement. N. Y.; L., 1987. P. 5.*

Размышляя, какой сюжет поместить в мемориальный сборник, посвященный моему учителю — профессору И. В. Пороху, я решил остановиться на жанре интеллектуальной биографии. Хотелось бы воссоздать интеллектуальные портреты двух выдающихся ученых-африканистов, сравнить творческую судьбу Жана Вансина и Валентена Мудимбе. Благо, оба они совсем недавно, в 1994 г., опубликовали свои биографии³⁷⁷.

Первый — бельгиец, родился в 1929 г.; второй — заирец, на двенадцать лет моложе. Первый — историк и антрополог, второй — лингвист и философ. И тот и другой, получив бельгийское католическое воспитание, по ряду причин покинули свои родные страны, чтобы примкнуть к двум крупнейшим американским университетам, которые их приняли с энтузиазмом и почестями. Оба оставили свидетельства о месте своего рождения, а также о странах, ставших для них почти родными: Заире и соседних территориях Руанды и Бурунди, с одной лишь разницей — один описывал их со стороны, другой — изнутри. Сопоставление весьма поучительно.

Обе книги, такие разные по замыслу и содержанию, — превосходны. Их читаешь на одном дыхании, ибо их авторы — люди исключительные, умеющие анализировать свое отношение к истории и к своему времени. Две вариации, каждая — на свой манер, но на одну тему.

Жан Вансина родился в многочисленной фламандской католической семье, но не слишком консервативной, так как его родители были артистами. Он был одаренным и развитым не по годам ребенком: степень бакалавра получил, когда ему не было и 16 лет, доктора истории — в 22 года. После года обучения антропологии в школе восточных и африканских исследований в Лондоне (SOAS) он уезжает в Африку, чтобы изучать страну бушонго, хотя ему нет и 24 лет. Десять лет спустя, немногим старше 34 лет, он становится профессором в Мэдисоне (Висконсин), где и обосновывается окончательно. Это быстрое развитие имело между тем и свою оборотную сторону: в 1986 г., когда ему было всего 57 лет, неоднократно отмеченный ассоциацией африканских исследований, принимающий непосредственное участие в формировании большинства африканистов, занимающий видные должности в ряде университетов, он осознает, что пора уступить дорогу подрастающему поколению. Но не слишком ли рано?

Его образование изначально было шире обычного, так как оно было получено в большой степени за пределами учебных заведений — во время обучения в школе он посещает также бенедиктинских монахов, тех самых, которые сыграли важную роль и в жизни Валентена Мудимбе. Следовательно, и тот и другой были воспитаны в классической традиции.

Вансина сразу же заявляет, что он на собственном примере предполагает сопоставить жизнь африканиста с историографией Африки. Замысел полностью осуществился. Вансина был человеком идеи, слишком ранней для его времени, он воплощал ее в жизнь по отношению ко всему и вопреки всем, вопреки корпорации бельгийских историков, представляющих европейскую

³⁷⁷ См.: *Vansina J. Living with Africa*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1994. 312 p; *Mudimbe V. Les corps glorieux des mots et des ktres. Esquisse d' un jardin africain a la bññdictine*. Montreal: Humanitas; Paris: Presence africaine, 1994. 229 p.

школу логического мышления, в которой не признавалась иная история, кроме истории, выстроенной на письменных источниках.

Всю свою жизнь Вансина, одержимый и упорный, держался особняком. В силу независимости духа, он мало интересовался карьерой, но добился права быть востребованным в качестве антрополога научно-исследовательским институтом в Центральной Африке. После двухлетнего проживания в регионе Кубы, Вансина делает открытие, что аборигены знают свою историю и что можно ее написать, основываясь на их рассказах, даже если на это понадобятся годы. Бушонго «...были моими коллегами, историками, точно так же, как и я сам, но только историками с точки зрения их сообщества, а не университетов, как я»³⁷⁸.

Но что интересно, Вансина раскрылся в большей степени как свидетель, чем как активный участник событий своего времени: он первый высказал и заставил непокорный франко-фламандский мир принять идею о существовании устной истории Африки и об устной традиции как ее непосредственном источнике. Но он страдал от противоречия, которое определяло в свое время отношения между антропологами и историками, так как, будучи историком во время своего обучения на антрополога в SOAS, он прошел мимо этой животрепещущей реальности: британцы же со своей стороны работали уже на протяжении десяти лет над построением исторической африканской науки. Только в 1959 г. Вансина открыл для себя английскую историческую школу, затем он составляет свое первое эссе по устной традиции. Во время встречи африканистов в Дакаре, организованной Дарилом Фордом в 1961 г., после выступлений некоторых африканских историков (Биобаки, Дике, Ажайи...) Вансина добавляет, что независимость Индии положила начало деколонизированной истории в Великобритании, в то время как французское сопротивление деколонизации и бельгийское ослепление отодвинули эту перспективу еще на десятилетие.

Этот эпизод сразу определяет характер книги и ее цель, а также ее рамки: через свою жизнь честно, но не без некоторой доли предвзятости, иногда неприятной, автор излагает в точной, живой и поучительной манере историографию Африки на примере трех поколений африканистов. Образцовый труженик, позднее - талантливый педагог, способный возглавить не только индивидуальные проекты, но и коллективные работы, он был человеком великого замысла, может быть лишь одного. Этот замысел заполнял всю его жизнь и жизнь его подруги Клодин и заключался в создании нового направления исторической науки — африканской устной истории. История доколониальной эпохи — вот что было ему дорого в этой области. Но глобальный замысел не мешал ему работать практически, когда представлялась такая возможность. Например, в Ливии он открыл со своей обычной энергией центр сбора традиций XX в. Он жил исследованиями и для исследований, что отличало его и делало счастливым.

Биография Вансина должна быть правильно прочитана: это книга истории науки, но никак не история времени историка. Вансина в ясной и сдержанной манере излагает события, свидетелем которых он был: революция в Руанде в 1959 г., волнения в Заире в 1958–1960 гг., период Мобуту, который он пережил по возвращении к преподавательской деятельности в университете Лованиум

³⁷⁸ *Vansina J. Op. cit. P. 17.*

вместе с Жаном-Люком Велю и Богумилом Жевсиевски, студенческая революция и репрессии, которые заставили его отказаться от продолжения сотрудничества в этом университете. Он смело преодолевал трудности. Но создается впечатление, что он переживает эти события как второстепенные, скорее мешающие, чем дополняющие смысл его жизни — писать историю.

Его критика колониализма очевидна. Увидев «colour-bar» в Родезии, он клянется не возвращаться в Южную Африку до окончания апартеида, который произвел на него более сильное впечатление, чем грандиозные руины в Зимбабве: под его пером это замечание приобретает особое значение. Его отношение проявляется в записях о расизме, об ослеплении колонистов, в суждениях об административном и преподавательском составе: как эти тупые «шишки» в 1959 г. — за год до признания независимости — преуспели, заменив единственную лекцию по африканской истории, преподаваемую в Лованиуме, лекцией по западной средневековой истории... Он приводит также некоторые забавные эпизоды, например, о том, как он преподавал историю их страны молодым конголезцам, шумевшим перед этим «белым», мнимым приспешником колониализма. Сначала он был освистан, так и не услышанный. Тогда, стараясь привлечь внимание аудитории, он написал на доске ряд изречений: «Африканские культуры ничем не хуже других культур!», «Они — ваше наследие!», «Будущие государственные деятели должны знать и почитать культуру своих предков!»³⁷⁹

В 60-х гг. главное для Вансина — интеллектуальное развитие, и его книга необходима тому, кто хочет это понять. Она представляет собой прекрасную часть живой историографии. Но, поступая таким образом, Вансина предстает перед нами свидетелем (и кто решится его упрекнуть?) событий, но не активным участником. Он честно это признавал, противопоставляя свою позицию позиции Мартина Клейна, который говорил, что его «призыв к Африке, для [него] и для большинства африканистов [его] поколения звучит как подстрекательство к разрушению колониального порядка угнетателей и к участию в создании нового мира»³⁸⁰.

Вансина отмечает, что у него осталось лишь смутное воспоминание от Киншасы, куда в апреле 1959 г. он был приглашен для подготовки трех новых лекций, и о тогдашних волнениях, на которые у него почти не было времени обращать внимание. Принимая в расчет то, что его окружало, нельзя удержаться от сожаления. (Роберт Дарнтон, например, историк Принстонского университета, после бурного отпуска, проведенного в Берлине в 1989–1990 гг., отрекся от своей первоначальной научной задачи, чтобы написать «по горячим следам» прекрасный рассказ о падении Берлинской стены.) Можно ли создать историю Африки того времени, историю «мнимых» независимостей, без того чтобы не придать ей немного плоти? Желание дистанцироваться и, вероятно, как он сам отмечал, отсутствие реального интереса к современной жизни делают западного человека лишь сторонним наблюдателем, что не гарантирует его объективности, так как свидетель никогда не бывает нейтральным лицом.

Название его книги вбирает в себя максимальный смысл: «Living with Africa», но не «With Africans». Хотя Вансина не признается в этом, Африка остается для него «предметом» изучения, реальные персонажи которого

³⁷⁹ *Vansina J.* Op. cit. P. 107.

³⁸⁰ *Ibid.* P. 111.

проявляются мало. Необходимо отметить, что если Вансина нашел себе многочисленных друзей среди крестьян, бок о бок с которыми жил, то среди людей своей среды, а также среди африканских коллег их у него не было.

Он — человек-одиночка, индивидуалист, что достаточно типично для мира науки. В своей книге он показывает творческую кухню ученого, в ней есть точные и запоминающиеся воспоминания об удачах и несчастьях исследователя. Автор — превосходный рассказчик, и читатель попадает под обаяние его текста. Рассказ о его пребывании на Кубе, а затем в деревне Мбе полон ярких образов³⁸¹.

Восприятие американского университетского мира интеллигентом Старого света представляет собой часть антропологического исследования. Знакомство с этим миром начинается с настойчивого телефонного звонка Филиппа Куртена, звонившего, чтобы подтвердить приглашение занять должность в Мэдисоне. Образ первооткрывателя Куртена, беспрецедентный расцвет центра африканских исследований, которым они руководили на протяжении ряда лет, затем его упадок и то, как начало исследований на американский манер сделало для него невозможным возвращение к прежней деятельности, — все это искусно подмечено и передано с юмором и реализмом. Понятны, в конце его произведения, и грусть стареющего человека, и его чувство исполненного долга. Даже если в конце своего пути он чувствует себя несколько непонятым, а также немного разочарованным, вынужденным, в некотором роде, уйти со сцены, так как он, в конечном счете, отождествил себя с тем, чему посвятил свою жизнь, — с устной историей Африки, — все-таки он испытывает гордость за свою напористость в молодости и за свою способность всегда ставить под сомнение свое знание.

Рассмотрим совершенно иную биографию, которую нам предлагает Валентен Мудимбе. Сомнительно, что труд Вансина, пропитанный западным духом, станет настольной книгой для наших африканских коллег. Зато книга И. В. Мудимбе будет интересна всем. Европейцы многое найдут в его работе, и африканцам эта книга поможет постичь самих себя. Точному и энергичному стилю Вансина можно противопоставить пламенную и яркую прозу Мудимбе, который вверяет нам поэтическое созерцание своей жизни, странной и символичной с самого рождения, что придает его повествованию особую выразительность.

Детство Мудимбе сходно с детством маленького Жана Вансина, с той только разницей, что родители Валентена Мудимбе, тоже католики, принадлежали не к творческой среде, а к простому сословию. Его отец, «наполовину крестьянин и прекрасный представитель «обращенных» в новую веру по колониальному плану», был рабочим на руднике, а его мать была домохозяйкой³⁸². Их старший сын легко овладел родными языками своих родителей (сонгай — родной язык его отца, луба — матери); со своими друзьями он говорил на суахили, а со своими учителями — на французском. Позже он освоит, как если бы он их знал с самого рождения: фламандский, греческий, латинский, английский. Изучит древнееврейский, русский и еще несколько языков. Он станет лингвистом.

³⁸¹ См. *Vansina J.* Op. cit. P. 119–124.

³⁸² *Mudimbe V.* Op. cit. P. 39.

Ему еще не исполнилось и 32 лет, когда он был назначен деканом университета Лованиум. Как и Вансина, он был одиночкой, полностью довольным своим существованием, смысл которого он постиг рано: *Etiam omnes, ego pop* — непримиримо утверждает его независимый разум. В отличие от Вансина перед юным одаренным африканцем не было альтернативы, он должен был принять духовный сан. Он поступает почти на 8 лет в небольшую семинарию. Полностью оторванный от своей родной среды на протяжении десяти лет, он «перескакивает» два последних года обучения в средней школе и оказывается в 18 лет готовым к самостоятельной работе. Мудимбе становится монахом бенедиктинского ордена в Руанде, но не может смириться с низостью католической церкви во время избиений 1959 г. После своего возвращения к светской жизни он продолжает руководствоваться правилом монастырской жизни «три по восемь» — восемь часов молитвы, восемь часов отдыха, восемь часов работы, которые превратились теперь в часы, посвященные интеллектуальной деятельности.

В книге он представляет свою автобиографию, в которой сочетаются опыт и размышление, свидетельства человека, интеллектуала и африканского преподавателя университета, обреченного на то, чтобы быть фигурой противоречивой и двусмысленной. Эта противоречивость была порождена колониальной эпохой, которая сделала из маленького африканца монаха-бенедиктинца. Биография представляет собой антипод предшествующей работы: насколько Вансина ощущает себя инструментом науки, насколько здесь присутствует самоанализ, отточенный психоаналитическими опытами (которые автор с юмором определяет как совершенно бесполезные) и пронизанный политической страстью, направленной на понимание современного кризиса в Африке. И. В. Мудимбе намеревается «вновь рассмотреть [в качестве активного участника] африканские традиции и историю, чтобы ускорить их включение в современность»³⁸³.

Первая часть книги, посвященная детству и началу монашеской жизни, часто прерывается захватывающими размышлениями о спорных вопросах современной африканской жизни. Он подвергает строгому анализу понятия о доколониальном обществе и о так называемых «этнусах», появившиеся из языка колониальных завоевателей, то есть все то, «что, неукоснительно, мы были бы вправе называть нациями, то есть автономными сообществами, которые определились в соответствии с традицией, с политическим порядком, со специфическими обычаями и зачастую с языком»³⁸⁴. Силовое интегрирование этих «наций» в государства-нации, организованное колонизаторами, трансформировало их в «социальные группы по интересам»: «сам по себе первобытнообщинный строй вовсе не опасен. Это искусство им манипулировать сделало из него монстра»³⁸⁵. Он написал прекрасные страницы воспоминаний, способные подпитывать популярный рассказ «основаниями научного исследования»³⁸⁶. Его наблюдения многочисленны и противоречивы, молодые африканцы воспринимают их одновременно с позиции то одного, то другого мира: черного и белого, колонизируемого и

³⁸³ *Mudimbe V.* Op. cit. P. 78.

³⁸⁴ Ibid. P. 65–66.

³⁸⁵ Ibid. P. 66–67.

³⁸⁶ Ibid. P. 41–47; 55–59.

колониального, местного и европейского. «Слишком рано я ощутил на себе этот «брак», — пишет Мудимбе. — В сущности, я его продукт, и я это знаю»³⁸⁷.

Анализ неудачи 60-х гг. он проводит крайне жестко. Мудимбе говорит напрямик и осуждает всякую снисходительность по отношению к тщетным попыткам приукрасить действительность: чтобы мы вышли из тупика, надо «нас атаковать, просто и незамедлительно, тремя основными копьями наших культур, которые позволили нас колонизировать и сделали нас зависимыми»: это «колдовской дух», уничтожающий инициативу, затем это «обожествление современности», порождающее восхищение европейскими порядками, а также путаница норм, допускающая любую мистификацию³⁸⁸. Из этого только один выход: «обуздать господствующую психологию, а также культ слова обманчиво благозвучного, возвратясь к вещам, поступкам и словам, названия которых и смысл — просты»: ложь есть только ложь, а никак не тактическое оружие³⁸⁹. Единственная партия не определяет демократию, но, вероятно, определяет ее противоположность, а концепция «традиционной демократии» вносит лишь путаницу. Из сложившегося положения не выйти без «социального соглашения», гарантирующего политический порядок на основе справедливости, которая не подавляет личность в политическом пространстве, так как «то, что плохо или хорошо для одного человека, должно быть, в принципе, плохо или хорошо и для любого другого человека»³⁹⁰. Для достижения западного уровня, необходимо, чтобы понятие «личность» стало столь же непреложным: «Подрастающее поколение сможет жить с достоинством и исправить существующее положение в африканских странах, только приняв одно единственное решение: ...возвысить до непреложной истины главенство личности, ее свободы и сознания»³⁹¹.

Мудимбе отстаивает свою культурную сложность: «Моя смешанная культура — это факт, я научился благодаря прекрасным учителям думать и использовать богатейшие ресурсы сложной и смешанной Вселенной»³⁹². Во второй и третьей частях книги, где он описывает свой опыт и свои учения (лингвистическое, философское и политическое), он дает весьма оригинальные размышления о религии, женщинах, философии и традиции.

Он был католиком по духу, так как все еще находил в молитве и в грегорианской музыке что-то, «что претендует утвердить невероятное братство»³⁹³. Но он подчеркивает с кантианскими интонациями, что в нем больше культуры, чем веры: «Моя вера породила лишь драму, драму требовательности по отношению к гипотезе: Бог как возможность. [...] [Так как] у меня нет другого рая, кроме этого хорошего, но жалкого мира [...] Я ничего не прошу у него, ничего от него не жду, все должно находиться под моей ответственностью [...] Безнравственность мне кажется непристойной»³⁹⁴.

Не питая иллюзий на счет своих верований («божества не пугают более») и придя к африканизму, он не ощутил необходимости принять меры

³⁸⁷ Ibid. P. 60.

³⁸⁸ Ibid. P. 62.

³⁸⁹ *Mudimbe V. Op. cit. P. 63.*

³⁹⁰ Ibid. P. 64.

³⁹¹ Ibid. P. 63.

³⁹² Ibid. P. 104.

³⁹³ Ibid. P. 101.

³⁹⁴ Ibid. P. 116.

предосторожности, он узнал «ослепительный персонаж этой религии и его тайны, столь хорошо защищенные. Это пустота, она покрывает лишь саму себя [...] Что она дает, эта религия, в ней нет ничего примечательного»³⁹⁵. Свое наблюдение он присоединяет к анализу культуры, исключая традиционную концепцию. Мудимбе отмечает: «Такова сила традиции — покровительствовать политической вселенной и ее переговорам во имя эзотеризма, через ряд событий, многократно пересмотренных, адаптированных и, во всяком случае, фальшивых политически. И такое положение сохраняется с XVI века...»³⁹⁶ Из чего появляется вопрос по извечным темам мифов, проявляющимся и в европейско-христианской и в африканской традициях: создание это новых тем или, что вероятнее, просачивание древних? Мифы, которые по своей сути — сказки, не являются ли они во многих культурах мистификациями? Мудимбе дает прекрасное объяснение этого, излагая происхождение мифа о проклятии Шама или, скорее, его сына Канаана³⁹⁷.

Мудимбе считает, что христианство потерпело провал в Африке, в традициях и в верованиях африканцев, он обвиняет его в неспособности распространить сегодня на континенте «чистый рационализм». В конечном счете, он учит своих учеников быть «прочно укорененными в их африканской традиции, но и критикующими ее слабости; быть почти атеистами, но помнить иудейско-христианскую мудрость...»³⁹⁸. В его книге много тем, которые необходимо отметить: рождение африканизма, начиная с «колониальной провокации» (работы Баландье), и «опыт огня» — концепция устной истории, предложенная Жаном Вансина³⁹⁹, влияние и роль марксизма, «этого прекрасного несбыточного сна»⁴⁰⁰, который он наконец-то отбросил (но в то же время сумел признать и интегрировать его заслуги, а также подчеркнуть его иллюзии и политические противоречия), его понимание идей Сартра, роли Сангора и, что характерно для Мудимбе, его признательность своим учителям, которым он льстит, но не закрывая глаза на их слабости.

Его особое внимание — к вопросу о происхождении африканских философских теорий. Он выражает отчаяние по поводу стремления некоторых утопить мысль в традиционном лживом пустословии, анализирует непонимание, основанное на различном видении расизма, который определяет отношения между африканцами и черными американцами.

Для его книги характерно поэтическое восприятие природы, которую Мудимбе описывает с особой нежностью и в которой он растворяется: «Когда придет моя смерть, я буду счастлив вернуться, обратившись в прах, в родную землю. Мысль, что я смогу питать какие-нибудь деревья и травы, способствовать непрерывности природы, — это самое прекрасное мое нравственное обещание»⁴⁰¹.

Книга В. Мудимбе имеет четкое построение: три части, в каждой по три раздела, благодаря чему скрыты повторы, придающие повествованию особое очарование; важные размышления оживлены тонким юмором человека,

³⁹⁵ *Valentin Mudimbe*. Op. cit. P. 83–84.

³⁹⁶ *Ibid.* P. 180–181.

³⁹⁷ *Ibid.* P. 180–185.

³⁹⁸ *Ibid.* P. 89.

³⁹⁹ *Ibid.* P. 91.

⁴⁰⁰ *Ibid.* P. 147.

⁴⁰¹ *Mudimbe V.* Op. cit. P. 166.

прекрасно знающего себе цену и смело бросающего на себя взгляд, лишенный снисхождения. Язык повествования прекрасен, легок, лишь иногда вычурен. Пикантные эпизоды изобилуют: со времени маленького шаловливого ребенка, который тайком съел содержимое дароносицы, так как он был голоден и не мог «себе представить, что Бог будет против этого возражать», до юношества, когда молодой Мудимбе присутствовал на дискуссии между отцом Жирарди и коммунистом Роже Гароди (первый обращался в марксиста, второй возвращался к христианству). Мудимбе не боится посмеяться над самим собой. Страсть, которую Валентен Мудимбе выразил в одном из своих первых романов «Между вод», сочетающая в себе неистовое обвинение и пылкую защиту, в этой его книге — сдержанная, укрощенная разумом. В последних двух главах прорывается тоска, уже ранее встречающаяся: «И я умру, сожалея о провале моих начинаний»⁴⁰². Эта тоска рождается из противоречия между его личными успехами и провалом его Африки, эта тоска порождена контрастом между столь посредственной жизнью и красотой ожиданий.

Книги Вансина и Мудимбе дополняют друг друга: взгляд со стороны и взгляд изнутри, взгляд свидетеля и взгляд активного участника. Вансина, который сумел включить в историю антропологический метод, допускает те границы антропологии, которые были определены Ж. Фабианом, «современные» отношения исследователь / информатор его почти не касаются. Любой истинный диалог, в котором предполагается равенство говорящих, где кто-то был бы полностью воспринят как современник того, кто его наблюдает, исключен, независимо от теоретических и практических задач ученого. Безусловно, существует дистанция, так как наблюдатель живет в центре своего исследования, как это было с Вансином в деревне Мбе, но дифференциация беспощадна: один знает, что жесткие условия, на которые он себя обрек, скоро закончатся, другой же воспринимает их как часть своего существования. Конечно, как это особенно почувствовал Вансина, живя рядом с Кубой, происходит обоюдный диалог, но исследователь хочет руководить этим диалогом.

Вансина считает себя неизменной научной величиной. В этом он не ошибается, утвердившись более как историк, чем как антрополог. Он не испытывает метафизической тоски, претворяя в жизнь и развивая свою деятельность, то, что дало ему силу создать труды, которыми гордится весь научный мир и в которых открывается устная африканская история. Но он предпочел остановиться на «опушке» современных миров.

Мудимбе же спрашивает себя, прав ли он, что судит, и верна ли манера, в которой он это делает. Как и его собратья, Мудимбе столкнулся «с тройным опытом, идущим параллельно с открытием другого мира, который нам сегодня свойствен: опыт ускорения истории, опыт сжатия пространства и опыт индивидуализации судеб»⁴⁰³. Неудивительно, что в этих условиях, он ощущает потребность осмыслить свое отношение к миру и к истории, другими словами, потребность выстроить философию.

Оба они воплощают собой точки зрения двух миров, видными представителями которых являются: мира бывших колонизаторов и мира бывших рабов. Европейцы, носители культурной модели, всегда воспринимали

⁴⁰² Ibid. P. 97.

⁴⁰³ M. Auge. Pour une anthropologie des mondes contemporains. Paris: Aubier, 1995. P. 145.

иную культуру как нечто второстепенное, устаревшее или образовавшееся в результате деформации их собственной идентичности. Их отношение к универсальности не основывалось на опыте большинства, колонизируемым же надо было пережить разницу ниспровержения их образа мыслей и их отношения к миру.

Из этих двух одиночеств, этих двух незаурядных тружеников, этих двух настоящих мужчин первый — исключительный, второй — достигший универсальности. Но каждый по-своему совершенен.

А. А. Куренышев
СУДЬБА ИСТОРИКА
(П. Г. ЛЮБОМИРОВ. 1885–1935)

Павел Григорьевич Любомиров родился в 1885 г. в одном из сел Саратовской губернии. Отец его, Григорий Николаевич, был учителем Ивановского двухклассного училища. Мать, Ольга Ивановна, как дочь священника принадлежала к потомственным почетным гражданам Саратовской губернии. Умер Любомиров в Москве в 1935 г. в самом плодотворном для историка возрасте, достигнув подлинной человеческой и научной зрелости. К сожалению, на Руси часто бывало и бывает по сей день, что самые талантливые и преданные Родине сыны ее уходят из жизни, увы, не без помощи и людей, их окружающих, и государства, которому они старались верой и правдой служить. В судьбе этого недооцененного ученого как в капле воды отразились многие великие и трагические черты послереволюционной истории России в целом и истории исторической науки в частности.

На первый взгляд, жизнь П. Г. Любомирова не изобиловала яркими событиями. Однако эпоха, в которую он жил и работал, была настолько драматичной и даже трагичной, что чисто научные споры и полемика перерастали в борьбу не на жизнь, а на смерть. Эта «научная» полемика сводила в могилу людей скорее, чем иная болезнь. Жизнь профессора Любомирова вполне подтверждает это суждение. В ней отразились все перипетии борьбы двух исторических школ (но, подчеркнем, не двух мировоззрений). Любомиров был втянут в водоворот этой борьбы помимо своей воли. Он скорее жертва, чем активный участник событий, частью которых был не только процесс разоблачения историков старой школы (Платонов, Любавский, Готье, Тарле и др.) как монархических заговорщиков, но и пресловутый разгром «антиисторических» концепций М. Н. Покровского, произошедший уже после кончины Любомирова.

История его жизни и творчества еще ждет своих исследователей. Из того немногого, что написано о нем, можно выделить воспоминания одной из его лучших учениц — Е. Н. Кушевой¹. Научное творчество П. Г. Любомирова было, однако, столь значимо, что много лет спустя после его смерти публиковались его работы, из которых черпали факты и идеи многочисленные историки,

исследовавшие историю развития промышленности, сельского хозяйства, Смутного времени и старообрядчества². «Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности» были изданы в 1937 г., а «Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» переизданы в 1939-м. В конце своей жизни Любомиров работал в Государственном Историческом музее (далее ГИМ). Благодаря этому обстоятельству, а также благодаря преданности другой ученицы, сотрудницы ГИМа — Е.П. Подъяпольской, в фондах музея отложились документы и материалы, отражающие жизнь и деятельность ученого. Именно они позволили автору данной статьи написать ряд работ и сделать несколько сообщений на научных конференциях о жизни и деятельности П. Г. Любомирова, затронув при этом и так называемое «дело академика Платонова»³. История жизни П. Г. Любомирова достойна самого пристального внимания исследователей, поскольку отражает многие типичные черты своего времени.

П. Г. Любомиров принадлежал к разночинской интеллигенции, он был из тех, кого называли «поповичами». Его дед и отец, как и у многих других русских интеллигентов, были священниками⁴. Будущий историк, учась в духовной семинарии, принимал участие в революции 1905–1907 гг. Еще в 1904 г. он становится членом одного из многочисленных революционных кружков Саратова. Он был одним из участников забастовки в семинарии. За это его исключили оттуда с «волчьим билетом», то есть без права поступать в высшее учебное заведение. Революция, однако, не закончилась одной только столыпинской реакцией, но и значительно демократизировала русское общество. Поэтому Любомиров получил все-таки возможность поступить в 1906 г. в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. Свою научную работу П. Г. Любомиров вел под руководством С. Ф. Платонова. В 1911 г. он окончил университет и был оставлен на кафедре русской истории «для приготовления к профессорско-преподавательской деятельности»⁵. В том же году (4 октября) Любомиров был избран действительным членом Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СУАК). Он закончил магистерскую диссертацию в 1915 г., о чем свидетельствует справка о получении 600 руб. на ее печатание.

Во время учебы в университете Любомиров неоднократно принимал участие в студенческих забастовках. «Физиономия Любомирова, как социалиста, была ясна проф. Платонову, так как он своих взглядов не скрывал и к профессорам не подлизывался и был оставлен в университете лишь благодаря своему таланту, исключительной трудоспособности и большим знаниям», — писала о Любомирове одна из его соратниц по революционным кружкам Саратова⁶. Любомиров не был социал-демократом, по-видимому он был близок к эсерам. Но в определенный период времени в Саратове существовала даже объединенная эсеровско-социал-демократическая организация. (Эта

характеристика потребовалась Любомирову в тот момент, когда полным ходом шло следствие по делу академика С. Ф. Платонова, учеником которого, а следовательно и участником заговора, был, по мнению ГПУ, и П. Г. Любомиров)7.

После окончания университета Любомиров преподавал в двух средних учебных заведениях: женской гимназии князя Оболенского и в Покровской гимназии. Преподавание в них продолжалось в течение 1915–1917 гг. Диссертация П. Г. Любомирова «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» была опубликована как монография в 1917 г. Тогда же Любомиров получил должность профессора в Томском университете. Тот факт, что его не взял с собой известный философ С. Л. Франк для формирования открывшейся в ноябре 1917 г. в Саратовском университете кафедры русской истории на историко-филологическом факультете, весьма красноречиво характеризует политические взгляды Любомирова. Видимо, он был слишком «левым» для основной части тогдашней профессуры. Кафедру возглавил В. И. Веретенников, ученик А. С. Лаппо-Данилевского. Во время Гражданской войны, по распоряжению Временного Сибирского правительства, Любомиров вместе с Э. В. Дилем занимался осмотром и разборкой местных архивов для выяснения их сохранности. В первую очередь осматривались архивы бывшего жандармского управления, канцелярии губернатора и губернского правления8. В Томске Любомиров заведовал Институтом исследования Сибири. При отъезде ученого на работу в Саратов Институт выразил ему благодарность и просил остаться его главой в дальнейшем.

Однако жизненные обстоятельства неумолимо влекли П. Г. Любомирова в его родные места. В 1920 г. с разрешения Народного комиссариата просвещения, подписанного М. Н. Покровским, он получил место на кафедре русской истории Саратовского университета. Вскоре он возглавил эту кафедру, поскольку Наркомпрос (читай Покровский) счел П. Г. Любомирова достаточно подходящей фигурой. Приехав на родину, Любомиров сразу включился в научную и общественно-культурную жизнь Саратова. Е. Н. Кушева в письме к академику Н. М. Дружинину, отметившему в ее работах «хорошую школу Любомирова», писала: «Вы упомянули в письме имя моего дорогого учителя Павла Григорьевича Любомирова. В 1920 г. я участвовала в историческом кружке, который Павел Григорьевич вел при обществе краеведения»9. Общество краеведения, а точнее, общество истории археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ) было преемником Саратовской ученой архивной комиссии, членом которой Любомиров был избран еще в 1911 г. Кроме ведения исторического кружка Любомиров принимал активное участие в работе библиотечной комиссии общества. Был он и сотрудником археологического института при СГУ. Правда, 25 мая 1923 г. Любомиров подал заявление об исключении его из членов института, мотивировав это тем, что «вступил в его члены тогда, когда понятие «археология» понималось расширительно, как занятие древностями, а не узко — раскопки с целью нахождения памятников

древности». Любомиров относил себя к историкам, использующим результаты работы археологов, но не занимающимся непосредственно археологическими раскопками¹⁰. П. Г. Любомиров хотел, по видимости, полностью сосредоточиться на научной и преподавательской работе, тем более что новые условия диктовали новые сюжеты исследований и требовали новых методов преподавания и общения с обновленной студенческой аудиторией. Хотя Любомиров не оставляет совсем прежнюю тематику XVI — начала XVII в., в Саратове им был опубликован ряд работ, посвященных истории Смутного времени. Однако, как пишет Е. Н. Кушева, «уже в начале 1920-х гг. П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов отозвались на новые запросы советской исторической науки резкой сменой тематики исследовательской работы и семинаров». Но ни Любомиров, ни Чернов «не говорили в своих лекциях и на занятиях о марксизме, хотя в это время уже появилось издание общего курса М. Н. Покровского и сборник его статей о внешней политике России»¹¹.

П. Г. Любомиров обратился к исследованию социально-экономических процессов и общественной мысли России XVIII в. «Это была реакция на новые требования, предъявлявшиеся Наркомпросом. Любомиров легко осваивал новые методы преподавания, призванные активизировать восприятие студентов, отказывался от лекций и семинаров в традиционном их виде. Ему удавалось установить подлинно творческие взаимообогащающие контакты со студентами. Даже студенты новой формации, выходцы из рабочих и крестьян, многие из которых были членами коммунистической партии, отмечали: «В фундамент наших знаний Вы сумели вложить необходимый материал. Методы научной работы, овладению которыми Вы не без успеха способствовали своим умелым руководством, мы особенно ценим и выражаем по этому поводу глубокое удовлетворение». Подписали это письмо студенты-коммунисты, выпускники 1927 г.¹² Это, однако, не помешало тем же самым студентам принять участие в проработке профессора, как ученого дореволюционной школы.

Середина 20-х г. была периодом сравнительно мирного сосуществования историков старой школы и новой «красной профессуры», учеников М. Н. Покровского. Однако грозные тучи идеологической борьбы уже начали сгущаться.

В отечественной историографии последних лет уделено довольно большое внимание так называемому «делу академика С. Ф. Платонова»¹³. Гораздо меньше внимания было уделено идейно-методологическим аспектам спора двух школ исторической науки России. Историки, принадлежавшие к старой школе, безусловно, не были настроены на беспощадную борьбу, как Покровский и его ученики. Тот же Любомиров еще в 1930 г. предлагал своему будущему «главному хулителю» Г. Е. Меерсону провести общее собрание в память годовщины революции 1905 г. Меерсон специализировался по

историко-революционной тематике, изучая в первую очередь роль крестьянства в революционных событиях. Он был назначен профессором кафедры русской истории в середине 20-х гг. Меерсон был автором нашумевшей статьи «Первая буржуазная революция в России» (пугачевщина!), ставшей объектом критики ученых дореволюционной школы. Подобное вольное обращение с историческим материалом было характерно для учеников Покровского. Внедрение марксизма в общественные науки они видели в формальном изменении тематики научных исследований, изучении «революционных выступлений народных масс» и в механическом применении новой марксистской терминологии. Историю царей и других великих личностей они стремились заменить историей народных масс и классовой борьбы, вульгаризаторство их при этом не знало границ. Пугачева они могли назвать буржуазным революционером, Минина — «толстосумом».

Историки старой школы не могли позволять себе подобного, что автоматически означало в глазах Покровского и его учеников отказ от марксизма. Тех же, кто «перестраивался», обличали как двурушников, только маскирующихся под марксизм. К двурушникам были отнесены, например, Е. В. Тарле, П. Г. Любомиров и некоторые другие историки.

Одна из причин обострения отношений исторических школ, на наш взгляд, заключалась в обострении внутрипартийной борьбы в ВКП(б). Та борьба, которую вели Троцкий и другие оппозиционеры, волей неволей поднимала многие глубинные пласты русской дореволюционной истории и вместе с ними затягивала в смертельную мясорубку историков, касавшихся так или иначе тех сюжетов и проблем истории, которые имели отношение к теории и практике правящей партии. Все они касались ключевого для послереволюционного развития России вопроса: созрела ли страна для социализма.

Втягивание Покровского в перипетии внутрипартийной борьбы было роковым не только для него, но и для всей исторической науки страны (слишком много в России, увы, зависит от амбиций отдельных личностей). Как пишет Милюков, «главным противником Покровского в этом споре оказался не Троцкий, а вся историческая наука предшественников Покровского. Троцкий обошел его, так сказать, с тыла. И спорить ему приходилось не столько с Троцким, сколько с Ключевским и... Милюковым¹⁴. Следуя *строгой доктрине* (выделено нами. — А. К.) экономического материализма, Покровский должен был бы отнести на счет слабости экономического фундамента и характер политической надстройки, т. е. другой несомненный факт русского прошлого: политическое господство государства над классами. Чтобы избежать этого вывода, Покровский отрицает самый факт господства государства, наоборот, старается доказать тезис господства классов над государством»,¹⁵ — отмечает Милюков. Покровский писал, например, в своей «Русской истории в самом сжатом очерке», что Минин и Пожарский оказались защитниками буржуазных

привилегий. «Защита Родины и защита своей мощны у этих людей, как у буржуазии всех времен, сливалось, таким образом, в одно»¹⁶.

Можно предположить, что Покровскому и его сторонникам были ненавистны такие историки, как Любомиров, не только из-за якобы существовавшей разницы в методологии. Ее-то как раз и не было. Троцкий и Милюков убедительно показали, что Покровский не был марксистом, что он просто пытался выдать себя за такового, клеймя своих бывших однокашников по университету и их учеников. Покровский оставался всего-навсего сторонником теории экономического материализма. Многие его оппоненты и жертвы придерживались схожих взглядов. Но главное, что различало историков двух школ — это взвешенный спокойный подход к историческим событиям и фактам у историков типа Любомирова и конъюнктурно-политизированное навешивание ярлыков на исторические факты, явления и отдельных исторических деятелей у Покровского и его учеников.

П. Г. Любомиров же был в первую очередь историком-исследователем. В его работах, как и в работах многих других историков немарксистов 20-х гг., органически, гармонично сочетались индуктивный и дедуктивный исследовательские подходы, чего не хватало Покровскому. Методологически, как историк, он был слабее Любомирова. Как человек бесспорно талантливый и эрудированный, Покровский компенсировал свои методологические изъяны интуицией и блеском формы. Но его последователи, взявшие от своего учителя только критически-обличительный пафос, превратили концептуальные обобщения в голые схемы без конкретно-исторического содержания. История переставала быть описанием процесса жизни людей прошлого, а превращалась в набор приговоров. Молодые красные профессора могли позволить себе написать о Ключевском: «Ключевский — это представитель великорусского шовинизма, прежде всего ярый русификатор, представитель торговых группировок, кулацких группировок русской буржуазии»¹⁷. Обвинения ученых-историков в великодержавном шовинизме начались, напомним, задолго до подготовки суда над Платоновым. Еще в 1927 г. из Саратовского университета за пропаганду великодержавного шовинизма был уволен профессор Сергей Николаевич Чернов. Чернову, как впоследствии Любомирову, пришлось покинуть Саратов.

«Такое умонастроение, — пишет В. Б. Кобрин, — в сочетании с высокими постами Покровского и его людей открыло путь для прямых гонений на тех ученых, которые не захотели отказаться от своих научных взглядов»¹⁸. Покровский мостил дорогу к прямым репрессиям против представителей дореволюционной исторической школы. После устранения из науки и ареста «буржуазных» ученых развернулась борьба с уклонами уже в своем лагере, столь же жестокая и крикливая.

Клеймя Любомирова как «немарксиста», ученик Покровского профессор Саратовского университета Мейерсон мог себе позволить навесить на него какие угодно ярлыки. В университетской газете «За пролетарские кадры»¹⁹ под рубрикой «Разгромим агентуру классового врага на идеологическом фронте» была опубликована статья Г. Е. Меерсона под названием: «Монархист под маской лояльности», посвященная П. Г. Любомирову. В ней с позиций вульгарного марксизма «разбиралось» его научное творчество с целью показать, что методологические принципы, на которых базировались работы Любомирова, чужды марксизму Покровского, утверждалось, что Любомиров — скрытый монархист, то есть участник «заговора» Платонова²⁰.

Так и не сумев упечь Любомирова в тюрьму как участника монархического заговора, последователи Покровского все же лишили его возможности полноценно заниматься научной и преподавательской деятельностью. Ему пришлось уйти из Саратовского университета. Затем Любомиров навсегда покидает Саратов. В Москве он работал рядовым сотрудником Государственного Исторического музея, где им руководили не менее крикливые ученики того же Покровского. К его консультациям как специалиста широчайшего профиля прибегали различные люди, включая В. Д. Бонч-Бруевича, академика С. Г. Струмилина и многих членов общества политкаторжан. Но сам Любомиров, конечно, не мог не чувствовать своей не востребоваемости.

Покровский обличал русских историков-государственников тогда, когда в конце 1920-х гг. советское государство достигло небывалых пределов «политического вмешательства в экономический строй страны и когда оно напрягало экономические силы сверх всякой меры — именно ввиду их отсталости. Оно поступило именно так, как поступали его предшественники...»²¹ — писал Милюков. Такое несоответствие исторических концепций политической конъюнктуре предопределило падение Покровского и многих его учеников, когда изменились политико-идеологические ориентиры правящего режима.

Историческая наука в связи с зигзагом, сделанным правительственной пропагандой — от мессианства, мировой революции к имперской идее (русский народ и его славное прошлое) — начала возвращать в свое лоно опальных историков старой школы. Первым был возвращен (без снятия расстрельных обвинений) Е. В. Тарле. За ним настала очередь некоторых других историков. Советская правящая бюрократия стремилась изменить в том числе идейную базу в своей борьбе с политическими противниками — троцкистами, и для этой борьбы социологические схемы Покровского уже не годились. Нужно было опираться на «славное историческое прошлое русского народа», оплевывание которого составляло одно из приоритетных направлений научной работы Покровского и его учеников. И вот уже 16 мая 1934 г. появляется совместное постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе». Это постановление восстановило закрытые до того исторические

факультеты университетов и педагогических институтов. Оно требовало преподавать историю в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности и отказаться от подмены истории отвлеченными социологическими схемами. То есть все это было против методологии Покровского.

Поэтому неслучайно переиздание первой научной работы П. Г. Любомирова «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» было осуществлено в 1939 г. одновременно с выходом в свет двух книг, направленных на развенчание Покровского²². В них противники Покровского, а также немалое количество его учеников, обрушились на бывшего корифея марксистской историографии с такой же яростью, с какой несколькими годами ранее громили дореволюционную историческую науку. Любомиров до этого времени не дожил. Но его работы, как и работы многих других историков дореволюционной школы, вновь приобрели «актуальность» и стали переиздаваться. Можно только удивляться резкости такого поворота. Незадолго до смерти П. Г. Любомиров держал в руках сигнальный экземпляр неизданных ранее сочинений М. М. Щербатова со своими комментариями. Многие из не слишком ортодоксальных с точки зрения марксизма того времени работ Любомирова были изданы уже после его смерти.

Вокруг архива профессора сложился определенный коллектив людей, поставивший себе целью опубликовать максимальное количество рукописей покойного. В этот крепко спаянный коллектив входили: вдова Любомирова Екатерина Федоровна, Н. Л. Рубинштейн, Е. Н. Кушева, Е. П. Подъяпольская, С. Н. Чернов. Дружескую помощь и поддержку этому коллективу оказывали С. Г. Струмилин и В. Д. Бонч-Бруевич. Посмертное издание трудов П. Г. Любомирова шло в течение 1936–1941 гг. За это время вышли в свет две книги и шесть статей. Три из них вошли в книгу о Нижегородском ополчении в качестве приложения, две — о Радищеве и о начальных моментах в истории хлопчатобумажной промышленности в России — вошли в «Исторический сборник»²³. Кроме того, был сдан в печать сборник Любомирова «Статьи по истории России XVII–XVIII вв.», включавший 17 названий. Общий объем изданных в эти годы трудов Любомирова составил 81 п. л.

История последнего из упомянутых сборников такова. В начале 1938 г. он был подписан к печати, но напечатать его в Москве не удалось. Все материалы были отправлены в Каунас, где в самом начале войны попали под бомбежку. Погибли все 10 000 экземпляров и матрицы. Е. П. Подъяпольская приводит в своей статье оглавление сборника, включавшего как ранее публиковавшиеся работы Любомирова, так и совершенно новые²⁴.

Начавшаяся война приостановила работы по печатанию трудов П. Г. Любомирова. Люди, которые этим занимались, оказались разбросанными по разным уголкам страны. С. Н. Чернов умер в 1942 г. в оккупации под

Ленинградом. Однако уже в 1945 г. в «Исторических записках» № 16 была опубликована статья «Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII–XVIII вв.» из погибшего сборника. В 1947 г. был опубликован сборник П. Г. Любомирова «Очерки по истории русской промышленности».

Критики научного творчества ученого не обошли вниманием его работы и на сей раз. Так, А. И. Казарин посвятил Любомирову брошюру «П. Г. Любомиров как историк русской промышленности». В ней автор, отметив несомненные достоинства работ ученого, основное внимание уделил критике его исторических взглядов. Недостатки трудов Любомирова являлись, по мнению Казарина, продолжением его достоинств. «Он любил факты и собирал их с величайшей скрупулезностью, установлению фактов придавал он первостепенное значение в исторической науке, поэтому Любомиров ничего не принимал на веру и считал достоверными лишь те известия, которые находят себе разностороннее подтверждение»²⁵, — пишет Казарин. Но в этом и заключалось несовершенство и примитивизм его методологии, считал он. Найти и установить существенные связи между фактами, определить закономерности, Любомиров якобы не умел. По мнению критика, Любомиров не знал политэкономии и философии. «Кругозор проф. П. Г. Любомирова оказался весьма узок, он в конечном итоге сформировался как историк-эмпирик, историк узкий и односторонний, не умеющий извлекать из собранных фактов всех тех исторических и теоретических выводов, на которые они наталкивают»²⁶. Другую отрицательную черту в работах профессора критик видит в их сугубом академизме и сухости, невнимании к живым людям, бесстрастности при характеристике событий. «Подводя итог, — пишет Казарин, — следует признать книги П. Г. Любомирова полезными как собрание многочисленных и интересных фактов по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX вв. и пожелать, чтобы историки народного хозяйства, экономисты занялись их конкретной разработкой»²⁷.

В 40-е гг., когда в советской науке была поднята кампания «по борьбе с буржуазным объективизмом», труды П. Г. Любомирова вновь стали предметом критики и «разоблачения». В статье А. В. Погребинского историку ставились в вину: восприятие им идей неокантианства и мелкобуржуазной социологии, связь с С. Ф. Платоновым и М. М. Богословским и даже губительное влияние антимарксистских взглядов Покровского²⁸. После этого имя П. Г. Любомирова надолго было окутано завесой молчания. Труды его не переиздавались. О нем лишь изредка вспоминали его ученики.

Только в последние десятилетия к творчеству ученого вновь возник интерес. И опять, теперь уже в годы «перестройки», был поднят вопрос о «немарксизме ученого». Выступая 26 мая 1987 г. на заседании сектора исторической географии Института истории РАН с докладом о работах П. Г. Любомирова,

М. Я. Волков высказал следующее суждение: «Вопрос об историках-марксистах и немарксистах 20–30-х гг. должен решаться не ссылками их на труды по марксизму или цитатами из классиков марксизма, даже не их самооценкой, а содержанием их исследовательских работ»²⁹. Думается, что с этим высказыванием можно согласиться.

1 Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете: Страницы воспоминаний // Историографический сборник. Вып. 15. Саратов, 1991; Ее же. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4; См. также: Порох И. В., Максимов Е. К. Жизнь, отданная науке // Четыре века: Сб. статей, посв. 400-летию Саратова. Саратов, 1991.

2 См. напр.: Казарин А. П. Г. Любомиров как историк русской промышленности. М., 1948; Подъяпольская Е. П. О судьбе одной книги П. Г. Любомирова // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976.

3 См.: Куреньшев А. А. «Разоблачение» профессора Любомирова // Годы и люди. Вып. 7. Саратов, 1992; Его же. Дело академика Платонова в Саратове // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Вып. 87. М., 1995.

4 По воспоминаниям сестры П. Г. Любомирова Антонины Григорьевны, их отец сначала был учителем, а затем священником (прим. редактора).

5 Отдел письменных источников (далее ОПИ) ГИМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 224. Л. 3.

6 Там же. Д. 225. Л. 192.

7 Развертывание подготовки к процессу по делу исторически-монархического заговора в Саратове (а оно не могло миновать такой крупный научный центр) было непосредственно связано именно с Любомировым. Он был избран центральной фигурой. И на нем сосредоточили свои исследовательско-следователские атаки историки, принадлежавшие к «красной профессуре», т. е. питомцы школы Покровского. О том, как разворачивалась борьба с Любомировым в ходе сбора улик по делу Платонова, можно прочесть в моей статье, опубликованной в трудах ГИМ.

8 ОПИ ГИМ. Ф. 470, оп. 1, д. 224, л. 36.

9 Порох И. В., Максимов Е. К. Указ. соч. С. 152.

10 ОПИ ГИМ. Ф. 470, оп. 1, д. 225, л. 27.

11 Кушева Е. Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 134.

12 ОПИ ГИМ. Ф. 470, оп. 1, д. 225, л. 165.

13 См. напр.: Брачев В. С. Дело академика Платонова // ВИ. 1989. № 5; Левин А. Г. Заговор монархистов. Кому он был нужен? // Вестн. АН СССР. 1991. № 1; Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. и др.

14 Милюков П. Н. Величие и падение Покровского (Эпизод истории науки в СССР) // ВИ. 1993. № 4. С. 119.

15 Там же.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

ТРИ ГОДА РАБОТЫ С А. И. ЯКОВЛЕВЫМ

Моя первая встреча с Алексеем Ивановичем Яковлевым была непредсказуема и по-своему драматична. Я был распределен Министерством высшего образования СССР после досрочной защиты диссертации на филологическом факультете МГУ в группу по изданию таможенных книг XVII в. как специалист-палеограф, умеющий читать древнерусскую скоропись. Эта группа была создана Президиумом АН СССР специально для члена-корреспондента А. И. Яковлева. С направлением министерства я и прибыл к нему на квартиру, созвонившись предварительно по телефону.

А. И. Яковлев жил тогда на улице Горького (ныне — Тверская) в старом доме между площадью Маяковского и Белорусским вокзалом, вход со двора, на третьем этаже, без лифта. Мне было 30 лет, я был худ, неважно одет (донашивал армейскую гимнастерку), но чувствовал себя вполне независимо: как-никак, а защитил диссертацию и был полон решимости завоевать свое место под солнцем. Без капли смущения нажимаю на кнопку звонка.

Меня встретила дочь Алексея Ивановича — Ольга Алексеевна Яковлева, полная, уже в летах женщина, и сказала, что «папа ждет Вас». Меня провели в маленькую комнатку, бывшую кабинетом ученого. Человек, которому было явно за 70, поднялся мне навстречу, с интересом посмотрел на меня, прежде всего расспросил о моей орденской планке и фронтовых наградах, особо отметил медаль «За отвагу» и мельком упомянул, что он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Алексей Иванович уселся в кресло за столом, а меня усадил за простой венский стул и начал расспрашивать о моих занятиях в МГУ. Он хорошо знал и моего научного руководителя академика АН УССР Н. К. Гудзия, и мою неизменную со студенческих лет наставницу В. Д. Кузьмину, которая, собственно, и сделала из меня, неопытного провинциального студента, научного работника. Попутно А. И. спросил о моих научных интересах и тут же добавил, что предстоящая мне работа никакого отношения к филологии не имеет, что ему требуется просто опытный палеограф, археограф и публикатор весьма специфического текста, а не специалист по древнерусским повестям.

— Ну, что ж, посмотрим, как вы читаете скоропись, — сказал он и подал мне заранее подготовленный картон с наклеенным на нем образцом древнерусской скорописи XVII в. Вот как раз по таким картонам и тренировали студентов истфака при изучении палеографии. Почерк был довольно прост, и я легко, с листа прочел его.

— Ну, что ж — протянул А. И., — хорошо, вижу, что вы достаточно грамотны... А как вот эту скоропись, разберете?

Тут мне, надо сказать, очень повезло. Именно этот текст в свое время заставила меня прочитать В. Д. Кузьмина, сказав, что, если я в этом почерке разберусь, все остальные будут мне не страшны. И этот текст я прочитал без запинки.

— Ну что ж, хорошо, хорошо... Вижу, что у вас были прекрасные учителя... Скажите, а с описаниями рукописей вам не приходилось сталкиваться?

— Конечно, ответил я. — Я даже собирался поступать на работу в архив литературы и искусства, чтобы заниматься этим профессионально.

— Вот и превосходно! — воскликнул (как мне показалось, даже с радостью) А. И. — Вы знаете, у меня сейчас обед, я вас покину ненадолго, вы уж простите старика, а чтобы вы не скучали, вот вам одна рукопись из моего архива, опишите ее, пожалуйста. Вот вам бумага, ручка, садитесь за мой стол и — за дело!

И он положил передо мною небольшой, переплетенный в кожу томик и с веселым видом пошел к себе в столовую.

Беру я книгу в руки... Боже ж ты мой! Пергамент, ранний устав, следы воска на листах, некоторые из них замазаны и затерты от долгого употребления, переплет попорчен мышами... Уникум!

Что касается содержания, то в нем я разобрался довольно скоро. Это было Четвероевангелие, судя по почерку — XI–XII вв. Но откуда такая редкость у советского ученого, пусть даже специалиста по XVII в.? Ей место разве только в архивном хранилище!

И тут меня как током дернуло. Я переворачиваю книгу, смотрю на последний лист — так и есть! Слева в углу красными чернилами проставлен номер «87». Точно такую книгу (но с другим, конечно номером) демонстрировал нам на своем семинаре Н. К. Гудзий, показав нам, как превосходно, вручную, на специально выделанном пергамене изготовили к 300-летию Дома Романовых 100 экземпляров «Архангельского Евангелия», полностью повторяющих оригинал. Как в воду глядел Николай Калининвич, когда говорил: «Смотрите, не попадитесь на удочку любителю научного розыгрыша!».

Т-а-а-к, значит, мой «работодатель» решил проверить меня... Ну что ж, на войне как на войне. Покажем, что и мы тоже не лыком шиты!

И я решительно пододвинул к себе выданный мне лист бумаги и размашистым крупным почерком начал его заполнять так, чтобы с первого взгляда нельзя было определить, что я разобрался в мистификации: Четвероевангелие, пергаментная рукопись на стольких-то листах, с такими-то пометами и т. д. — и так вплоть до конца страницы. В правом нижнем углу ставлю: «См. на об.», переворачиваю лист и пишу: «Настоящий экз. является одним из 100, изготовленных в 1913 г. к 300-летию Дома Романовых, экз. № 87». Дата и подпись.

Вся эта операция заняла у меня не больше десяти минут. Удовлетворенный, я откинулся на спинку кресла и принялся рассматривать кабинет хозяина.

Он был очень тесен, метра 2х3, и представлял собою узкую комнатку-пенал, с одним окном, выходящим на улицу Горького. Левая от входа сторона была занята открытым стеллажом с книгами, уставленными до потолка. Я их с

интересом начал разглядывать. Так, внизу — знакомые каждому «дневнику» тома Полного собрания русских летописей, их много, некоторые в бумажных переплетах, растрепаны, некоторые переплетены, но все разнотипные. Затем — мечта каждого научного работника — словарь Брокгауза и Ефрона, рядом с ним — словарь «Гранат». Много разных книг, мне по большей части незнакомых, — труды историков. Хотя нет — вот трехтомник Ф. И. Буслаева, «Отреченные книги» Н. С. Тихонравова, четырехтомник Кушелева — Безбородко, вот С. М. Соловьев, а вот и целая отдельная полка трудов В. О. Ключевского... Подымаю глаза — прямо передо мною на стене над письменным столом громадная, в хорошей добротной раме увеличенная фотография В. О. Ключевского. Отчетливо видна дарственная надпись на фото, справа наискосок характерным «бегущим» почерком историка: «Моему дорогому ученику А. И. Яковлеву с любовью — В. Ключевский»... Так вот оно что... Вот к кому я попал... Это было для меня открытием.

Большой письменный стол А. И. весь завален книгами и рукописями, книги лежат всюду: на стуле, лестнице-стремянке, под столом, между полками. На столе мне бросился в глаза не письменный прибор — обычно именно он занимает центральное место! — а аккуратно выдолбленный чурбанчик березового поленца, прямо с берестой.

Прошло какое-то время, вошел А. И.

— Ну как, справились, вижу?

Я молча подал свой лист. Он, предвкушая удовольствие от ожидаемого розыгрыша, начал читать его, скептически улыбаясь.

— Ну что ж, вы верно определили содержание рукописи, — сказал он. — Только вот...

— Вы не прочитали того, что на обороте! — заметил я.

Он перевернул лист, быстро пробежал глазами прочитанное, довольно хмыкнул и спросил меня:

— А позвольте у вас узнать, каким образом вы осведомлены об этом?

— Нам сказал об этом на семинаре Н. К. Гудзий.

— Ах да, как же я это упустил из виду! Ну конечно, у него экз. № 37. Он еще всегда гордился передо мною, что его экземпляр «первороднее» моего... Нас ведь всего пятеро в Москве, у кого есть такие экземпляры: я, Н. К. Гудзий, Михаил Николаевич... — (он назвал еще два имени, которых я не запомнил).

— Ну что ж, — добавил он в заключение. — Вы приняты.

Так я стал сотрудником Института истории АН СССР. Позже я обнаружил, что выражение «Ну, что ж» обычно у А. И., именно так он начинал все разговоры. Узнал я и о том, что не был первым, кого А. И. поверял на знание «Архангельского Евангелия». Л. В. Черепнин поведал мне, что А. И. коллекционировал листки с попытками определения этой рукописи; я был восьмым, кто не попался на его удочку.

В ближайший вторник я пришел в дирекцию Института истории к В. И. Шункову — он был тогда замдиректора и заведовал кадрами по русским секторам Института. Я подал ему направление Министерства высшего образования, где было сказано, что я направляюсь на работу в Институт на должность старшего научного сотрудника.

Здесь же была виза А. И. Яковлева: «Прошу зачислить». Виктор Иванович тоже весьма скептически отнесся к моему филологическому образованию,

спросил, занимался ли я до этого таможенными книгами, а когда узнал, что нет, то в сомнении покачал головой и предположил, что я через месяц-другой попросту сбегу от предложенной мне работы. «Но раз А. И. вами удовлетворен — его дело. В свою группу он набирает сотрудников сам. Ну с Вершиной-то все понятно: за нее Савич похлопотал. Но вы-то, как оказались в этой группе? Странный случай. И потом, министерство вас направляет на должность старшего научного сотрудника... Так вот: сначала защитите докторскую диссертацию, тогда можно будет вас и старшим научным сотрудником считать. А пока идите к С. В. Бахрушину и сообщите ему, что вы зачислены в группу по изданию таможенных книг на должность младшего научного сотрудника».

С. В. Бахрушин мне ничего не сказал, а ученый секретарь сектора (им тогда был В. Т. Пашуто) с подозрением посмотрел на меня и спросил: «Это ты что же, про Ерша Ершовича будешь нам рассказывать?» — «Нет, — ответил я. — Про Еруслана Лазаревича и Бову-королевича!». Так состоялось мое знакомство с сектором истории СССР периода феодализма.

Наша группа по изданию таможенных книг состояла из пяти человек: А. И. Яковлев, Н. Г. Вершинина, З. Н. Бочкарева, я и Г. А. Федотова-Ляхова. Н. Г. Вершинина вскоре вышла замуж за проф. Савича и сменила фамилию. А. И. предложил мне ознакомиться с таможенными книгами, указал нужную литературу и назначил встречу через неделю у него для обсуждения плана издания. Предварительно он предупредил меня, что я могу работать «где хочу, над чем хочу и сколько хочу», но во вторник и четверг, в присутственные дни, я должен обязательно присутствовать на заседаниях сектора: «Вот увидите, как много это даст Вам!»

Через неделю А. И. собрал всю группу, познакомил нас, определил меня своим заместителем в группе и ответственным за ее работу и распределил обязанности: я, Вершинина и Бочкарева готовят текст к изданию, а Федотова-Ляхова составляет к нему указатели (их было несколько). Затем он всех отпустил, а меня оставил — мы обговорили план издания, выбор текстов и т. д. — все это изложено во вступительной статье к изданию. Мы приступили к работе.

Это издание начиналось почти полвека тому назад. Условия работы в архивах в то время были совсем иными. Мы выписывали рукописи в читальный зал, от руки переписывали текст XVII в., отдавали свою рукопись в машбюро, затем сверяли машинопись с подлинником в архиве (считывали обязательно вдвоем: один читал вслух, а другой следил по оригиналу), готовили машинопись к изданию и одновременно составляли указатели. Первая корректура набора обязательно вновь сверялась с архивным оригиналом (считывали опять вдвоем!), ну а далее шла обычная корректорская работа.

Попервоначально дело пошло туго: и текст подавлял своим однообразием (при считке неудержимо клонило в сон), и почерк в первых ранних книгах были трудно читаемые, и опыта было маловато. А. И. никогда нас не торопил и требовал только одного: тщательности в передаче текста. Он очень любил повторять традиционное изречение, использованное В. И. Лениным для названия одной из статей: «Лучше меньше, да лучше». Этому завету мы и следовали.

Работали мы дружно и слаженно. Самым квалифицированным и знающим археографом была, конечно, З. Н. Бочкарева. Она была много старше нас, а опыта в издании источников набралась, работая со своим братом, известным

историком В. Н. Бочкаревым. Он с детства был слабого зрения, и его сестра пожертвовала собой, своей личной судьбой и научной карьерой и всю жизнь была при брате. С ее помощью он выучился, стал доктором наук, читал лекции, имел учеников — и всего этого он достиг только потому, что при нем была его старшая сестра. Она читала ему вслух всю необходимую литературу, переписывала для него лекции и рукописи в архиве (вот где она научилась читать скоропись, как никто другой!), готовила к печати его труды, вела корректуру, — одним словом, делала для него абсолютно все. Водила его под руку на все научные заседания — один он передвигаться не мог. Она была его alter ego. И так всю жизнь.

В. Н. Бочкарев обладал необыкновенной памятью, он все запоминал на слух и все воспроизводил потом наизусть. Я слышал его выступления, — если бы я не знал точно о том, что все это он воспроизводит по памяти, я бы никогда этому не поверил. Это был своего рода феномен.

Правда, к моменту нашего знакомства у З. Н. Бочкаревой с братом произошел разрыв: его женила на себе молоденькая ученица, сестра была против, он, конечно, ее не послушал. К счастью, подвернулась работа у А. И. Яковлева (они давно уже были знакомы домами) — так З. Н. оказалась в нашей группе.

Очень худая, всегда подтянутая, необыкновенно аккуратная во всем: в одежде, поступках, работе, словах и делах — дисциплинированная, строгая и к себе, и к другим, она долго присматривалась ко мне и к моей работе. И вот, убедившись, в моей научной добросовестности, она приняла меня раз и навсегда и до конца своих дней оставалась верным моим другом и помощником. Только благодаря ее самоотверженности и трудолюбию (кроме работы, для нее ничего не существовало!) мы смогли завершить в отпущенный нам трехгодичный срок издание источника общим объемом в 254 п. л. — труд поистине капитальный, фундаментальный. А. И. пошутил как-то: «Немцы именуют подобное издание так: kolossal!»

Расскажу теперь об А. И. Яковлеве. Внешность его располагала к себе с первого взгляда. Высокого роста, не сутулый, скромно, но как-то очень респектабельно одетый, с умным взглядом много повидавшего и опытного человека, скорее замкнутый, чем открытый, он производил впечатление в высшей степени интеллигентного человека. Да это и был интеллигент старого закала со своим представлением о долге, чести, обязанностях. Он был до болезненности пунктуален и требовал этого же от нас. Речь его была несколько старомодна («Позвольте вас спросить...», «Не будете ли вы так любезны, передать мне...», «Соблаговолите повторить» и т. д.) Повышенных тонов в разговоре он не терпел совершенно, сказанному доверял, но был требователен.

Первые месяцы нашей работы он больше присматривался ко мне и редко со мной общался, больше с Зинаидой Николаевной. Но когда он узнал от нее, что я не чураюсь черновой работы (переписываю от руки оригиналы в архиве, сверяю, считываю, исправляю — одним словом, делаю все от начала до конца), он переменял свое мнение обо мне и свое ко мне отношение. Перелом произошел осенью 1949 г., когда ему передали, что я, отправившись с женой отдыхать в Сухуми, взял с собой очередной том таможенных книг, чтобы считать его и не нарушить график сдачи рукописи в издательство. (Поясню

здесь, что, так как этим изданием руководил член-корреспондент АН, Президиум утвердил особый график издания этого труда, отдельный от издательского плана Института). Подивившись моей самоотверженности, А. И. в простоте душевной решил, что я искренне увлекся богатством содержания издаваемого источника и в дальнейшем посвящу себя анализу движения цен на основные товары на рынках России в XVII в. «Вот что значит настоящий научный работник!» — воскликнул он. Тем горше было его разочарование. Душа моя к экономической истории не лежала. Да еще как раз в это время мне выпала редкая удача: я заново открыл считавшийся давно уже утерянным фонд историка-шестидесятника и этнографа И. Г. Прыжова, и я был полностью увлечен этой, казавшейся мне, безусловно, первоочередной и очень увлекавшей меня работой. Так я все честно и изложил Алексею Ивановичу. По его просьбе я ознакомил его с моими поисками и находками. Он очень сочувственно к ним отнесся, назвал мою статью о фонде Прыжова «подлинным научным открытием», хотя и выразил опасение, не отразится ли на издании таможенных книг мое новое увлечение. Я его заверил в обратном и добросовестно выполнял все мои обязанности, помня, что «первым делом, первым делом — самолеты!»

Алексей Иванович ввел в практику мои еженедельные обязательные встречи с ним по средам. Я должен был, прежде всего, подробнейшим образом информировать его о прошедшем во вторник заседании сектора (а они были и очень интересными, и безумно длительными!), а затем уже шла речь не столько об издании таможенных книг (здесь все было ясно и давно уже обговорено), сколько о разных вопросах — не только научных, но и просто житейских. Он расспрашивал меня о моей работе и много рассказывал о себе, о своем отце, известном чувашском просветителе И. А. Яковлеве, близко знавшем И. Н. Ульянова, о детстве, встречах с В. И. Лениным (в войну А. И. опубликовал статью об этих встречах — «Четыре встречи с Лениным (в 1886, 1896, 1905 и 1918 г.)» в «Историческом журнале» за 1942 г., № 1-2). Чаще всего воспоминания касались студенческих лет и его учителя В. О. Ключевского. Только после общения с А. И. я понял, каким высоким был интеллектуальный уровень ученых его поколения! Мало того что он прекрасно владел тремя европейскими языками, он свободно читал по-гречески, а латынь знал в совершенстве — настолько, что сам писал стихи на латыни. Однажды я прихожу к нему, а он говорит:

— Ну что же, давайте посмотрим, как вы знаете латынь. Вы ведь филолог и изучали латынь в институте.

— Изучал, но...

— Какие там «но»! Вот Вам текст, извольте прочитать.

Вижу — стихи. Прочел с выражением, ничего не понимая.

— Вы прекрасно читаете, вот что значит филолог. А что вы сумели понять из прочитанного?

— Понял только, что речь идет об относительности понятия времени, не так ли?

— Ну что ж, и это неплохо. А чьи это стихи?

— Вергилия?

— Голубчик, вы льстите мне. Это мои стихи. Я время от времени, чтобы не забыть язык, понемногу сам сочиняю, тренируюсь, так сказать. Сейчас ведь мне

редко приходится заниматься латынью, больше торговлей... А историк обязан знать латынь. Равно как и греческий. Обязан! Помните, что сказал Владимир Ильич: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Вы же коммунист, на фронте вступили в партию, я это ценю и понимаю. Так что сделайте вывод сами...

Первое время при общении со мной А. И. часто старался подчеркнуть свое уважительное отношение к В. И. Ленину, нередко цитировал его труды (правда, всегда к делу!). Он всегда старался выказать полное приятие им постановлений партии и правительства и неизменно положительное отношение к политике. Видимо, он опасался, как бы я не заподозрил его в свойственной интеллигенции того времени своеобразной фронде. Надо сказать, что я вскоре столкнулся с тем фактом, что в научной среде имя А. И. постоянно связывалось с тем, что он лично знал В. И. Ленина. Об этом всегда говорилось на партсобраниях и в официальной характеристике нашего института («В нашем научном коллективе работает человек, лично знавший В. И. Ленина и встречавшийся с ним, — это А. И. Яковлев»). Все остальные достижения ученого меркли перед этим фактом его биографии.

Позднее я рассказал А. И., что меня, когда я был еще аспирантом МГУ, приглашали в Отдел науки ЦК КПСС и настаивали на том, чтобы я оставил древнерусскую литературу и, занялся бы историей советской литературы, как-то и подобает настоящему коммунисту. Я решительно отказался от этого предложения и сохранил верность своему выбору. Моя самостоятельность понравилась А. И., он стал по-иному смотреть на меня и гораздо откровеннее беседовать со мной, позволяя и критические замечания по поводу политики. Ну, а что касается встреч с В. И. Лениным, то я как-то упомянул об этом факте его биографии, а он с грустной улыбкой сказал мне: — Дорогой мой, можно подумать, что это — единственное, что я в своей жизни совершил... Не покрывайте меня «хрестоматийным гляncем» — так ведь, кажется, выразился ваш лучший и талантливейший поэт нашей эпохи! А ведь я, как мне думается, вложил несколько кирпичиков в храм нашей науки истории!».

И действительно, А. И. был автором трех весьма серьезных монографий («Засечная черта Московского государства в XVII веке». М., 1916; «Приказ о сборах ратных людей». М., 1917 и «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.». М.;Л., 1943 — за эту работу ее автор был удостоен Сталинской премии второй степени). Честно говоря, ничего этого я до встречи с А. И. не знал. Мне была известна лишь его статья «Безумное молчание: Причины Смуты по взглядам русских современников ее» // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 651–678. С этой работой я был знаком потому, что она весьма важна для изучения публицистики начала XVII в. Н. К. Гудзий считал ее одной из самых необходимых для каждого, кто изучает XVII век. Но когда я пришел работать в группу, то счел своим долгом ознакомиться с трудами А. И. Яковлева и поразился скрупулезности ученого в анализе фактов, его умению обосновать свои выводы, тонкости его источниковедческих наблюдений. А его публикации источников! Сколько в них вложено труда и как много они помогли исследователями в решении многих важных вопросов!

«Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства». М., 1909; «Русская правда». М., 1914; «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв.» М., 1929; Новгородские записные кабальные книги. М.;Л., 1938; Акты хозяйства боярина Морозова. Ч. 1-2. М., 1940–1945 гг... Это же все были знаменательные этапы в развитии исторической науки!

Как-то мы разговорились насчет археографии, и вот что он мне сказал тогда, а я навсегда запомнил:

— Ну что ж, вот вы — молодой еще человек, и вам, естественно, хочется поскорее сказать свое новое слово в науке. Вот вы уже позабытый фонд Прыжова открыли, диссертацию о Еруслане Лазаревиче написали и защитили... Все это хорошо и похвально. Но позвольте мне вам сказать, вернее, дать вам совет: не спешите! У вас все еще впереди. Добейтесь сначала основательности своих знаний, обоснованности своих выводов, познайте дух изучаемой эпохи, вживитесь в нее! Сейчас вот новое словечко появилось — фундированность — вот это-то и есть самое главное в работе ученого. А признание придет само собой потом. Сейчас вот все ругают Покровского за то, что он сказал, что история-это политика, опрокинутая в прошлое. А ведь по сути-то он прав! Поверьте старику, пройдут годы, и многое, что нам кажется сейчас незыблемым, будет отринуто, забыто, оплевано, осмеяно и в конце-концов покроется пылью и прахом. Я ведь все это уже пережил. Ведь главные мои труды написаны до революции. Тогда все это было новым, нужным, важным. А сейчас? Кому нужен XVII век? 17-й год — вот что сейчас на виду и на слуху!

— Но, погодите, Алексей Иванович, ваши работы и сейчас тоже и цитируются, и ценятся, и имя ваше тоже у всех на слуху, как вы говорите!

— Так-то это все так, но ведь это все мишура, дорогой мой филолог, шелуха, фу-фу — и только! Поверьте, в истории так мало незыблемых истин. Я же об этом по собственному опыту сужу. Знаете ли вы о том, что я теорией исторического познания занимался? Нет? И неудивительно! Потому что мне ничего из того, что я написал, опубликовать не дали. А дело было так: выпустил А. И. Кареев книгу о теории исторического познания. Так вот, начал я ее разбирать, критиковать, а потом так увлекся, что решил сам свою собственную теорию исторического познания разработать. И написал, поверите ли? Почти 900 страниц! Узнали об этом в Институте, позвонили куда следует. Вызвали меня в Отдел науки и говорят: «Алексей Иванович, куда это вас занесло? Вам что, «Материализма и эмпириокритицизма» мало? Да все эти вопросы давным-давно уже разработаны Марксом, Энгельсом и Владимиром Ильичем, с которым вы неоднократно встречались. Вы что, умнее классиков марксизма-ленинизма хотите стать? Чего вам не хватает? Вы же уважаемый человек, член-корреспондент Академии наук! Академиком хотите стать? Давайте, мы выберем вас академиком-секретарем Отделения истории и философии... А что? Человек, встречавшийся с В. И. Лениным, руководит всей исторической наукой! Блеск!»

— «Да нет, говорю, блеск и нищета только у куртизанок бывают (по-моему, он так и не понял, что это значит!). А я ученый, историк. Я в себе склонности к административной работе не замечаю. Нет, говорю, руководить не умею!»

— «Ну, нет, так нет. Вы же уже свой главный труд написали — статью о встречах с В. И. Лениным. И спасибо вам за это. Задумаете что еще из истории XVII века написать или источники исторические какие-нибудь издать — пишите, звоните, мы вам поможем, издадим». Вот так-то, дорогой Лев Никитич, тем все и кончилось... Да, все движется, все изменяется — это задолго до нас было сказано. А история — что история? Вот при Романовых как было? Время Петра Великого, век Екатерины II, «дней Александровых прекрасное начало», эпоха Царя-Освободителя... Все просто, всем понятно. Думали — на века. Но пришла революция, все побоку, все переменялось. Феодализм, капитализм, империализм, социализм! И что же вы думаете — это так вечно будет? Нет, голубчик, настанет время — все переменится. И критерии новые появятся, и периодизация иная будет, и взгляды новые, нам неизвестные, выскажутся! Все будет по-иному. А вот исторические источники — они как были, так и будут, это да, это — на века! Повесть Временных лет — она при всех переменях (неизбежных и неперемных!) Повестью Временных лет останется. И я на склоне лет пришел к выводу: в исторической науке только археография неизменна и постоянна. И самый благородный труд — это издание источников. Горский и Невоструев больше для науки сделали, чем Карамзин и Соловьев — это не мои слова, это Ключевский мне говорил на своем семинарии (А. И. всегда говорил не «семинар», а «семинарий» — как это было принято еще в XIX в.). Он и меня все время на издание источников подталкивал. Наместничьи грамоты я по его инициативе издал. И я своих учеников — А. А. Новосельского и Л. В. Черепнина — на то же самое наставлял. И вас вот в первую очередь я хотел бы видеть публикатором, археографом! Поверьте, дорогой, все мы умрем, и теории наши с нами вместе исчезнут, и наука наша историческая не раз переменится, а таможенные книги как были, так и останутся. По нашей с вами публикации не одно поколение историков диссертации напишет. Поэтому вот вам мой завет (если вы, конечно, меня, старика, слушаете!) — держитесь археографии! В ней — основа основ! Dixi! — (А. И. любил завершать свои высказывания этим звучным латинским словом!)

Разговоры на эту тему возобновлялись периодически, особенно после выхода в свет очередного тома публикации таможенных книг. Помню, как радовался А. И. появлению первого тома, как любовно поглаживал, взвешивая на руке этот довольно увесистый том...

— Смотрите, голубчик, как удачно начали вы свой научный путь в нашем Институте истории! Первый ваш труд — и такой солидный!

— Какой же он мой? Он — сам по себе, а я — только составитель на обороте...

— Ах, вот оно что... Имени Вашего на титуле нет... Так-так... Да, недалеко вы от С. П. Дурново ушли!

— А кто это такой? Я не знаю!

— А его никто не знает. Был такой генерал-майор, администратор, чиновник. А к славе и известности, особенно в научном мире, стремился. И на титуле «Публичных чтений о Петре Великом» С. М. Соловьева он свою фамилию так поставил — рядом с Петром Великим и Соловьевым Великим и он стоит! Вы этого хотите, да? Настоящий ученый тот, кто не постесняется о себе сказать: «Я знаю, что я ничего не знаю!»

— Но Вы! Вы-то сами и магистерскую, и докторскую написали...

А это меня заставили. Без этого я и места преподавательского не получил бы. И вы в свое время докторскую напишете. Чем вы сейчас в исследовательском плане-то занимаетесь? Ах, опять филология. Да, трудненько вам будет на исторические рельсы переехать... Только вот знаете что? Позвольте мне вам совет дать! Если вы хотите НАСТОЯЩИМ историком стать, берите темой докторской диссертации, какую-нибудь теоретическую проблему — или методологию истории, или теорию исторического познания, или что-либо, связанное с теоретическим источниковедением. Вот когда вы все это освоите, тогда вы и станете историком. А так все время между филологией и историей бултыхаться будете. Докторская диссертация должна быть теоретической. Это должен быть вклад в науку, а не повторение пройденного!

Вы поймете позднее, почему я так подробно пересказал наш разговор и почему из многих тем выбрал именно эту. Пока же могу сказать, что работа над вторым и третьим томами таможенных книг пошла значительно быстрее — и опыта прибавилось, и сноровки — что называется, «руку набили». И хотя и появились иногда задержки (главным образом, при работе с издательством), но тем не менее мы график сдачи рукописей выдерживали. Особенно нас выручило то, что мы обучили чтению скорописи XVII в. одну машинистку — Клавдию Ивановну Безродную, и она, прямо с листа оригинала, в архиве печатала нам текст на машинке. Эта очень исполнительная и аккуратная, профессионально подготовленная машинистка-палеограф избавила нас от утомительного переписывания от руки текста и заметно ускорила сроки сдачи рукописи в издательство.

Я постоянно ходил на заседания сектора и набирался ума-разума (первое время я вообще ничего не понимал и никак не мог разобраться в тонкостях исторической терминологии...). Мне много помогло то, что А. И. неукоснительно требовал от меня пересказа того, о чем шла речь на заседаниях. Поэтому я волей-неволей должен был сам предварительно во всем разобраться. По студенческой привычке я конспектировал эти заседания и по своим конспектам готовил пересказ для А. И.

Ответственный редактор нашей публикации не только руководил подготовкой текста трехтомника, но и следил за ученой стороной издания. Он много работал над методикой использования текста таможенных книг. Его интересовало движение цен в Московском государстве XVII в. по основным продуктам питания, таможенная политика правительства, участие различных слоев населения в торговле, роль провинциальной и центральной торговли и т. д. Он разработал и выполнил ряд графиков, наглядно показывающих темпы денежного оборота и роль Новоторгового устава 1667 г. в развитии денежного обращения в стране. Заветной мечтой его было то, чтобы я продолжил его работу, опубликовал бы предложенную им методику обработки таможенных книг и тем самым вскрыл бы их источниковедческое значение. Он предлагал передать мне в полное мое распоряжение все свои графики и черновые материалы, лишь бы сделанное им не пропало бы втуне. Увы, мне не хватило ни ума, ни такта, чтобы выполнить волю стареющего и уже больного историка. Я отговорился занятостью иными задачами, — я в то время работал над уже упомянутым мною фондом И. Г. Прыжова и готовил к изданию его труд «Декабристы в Сибири на Петровском заводе»... А. И. не стал настаивать, пытался привлечь к работе свою дочь, но и Ольга Алексеевна отказалась,

заявив, что «скорее руки на себя наложит, чем будет считать алтыны таможенных пошлин»... Она была в это время увлечена открытым ею Пискаревским летописцем и готовила текст к печати. Отказалась от этой тематики и Н. Г. Савич, и в результате работа всей нашей группы осталась на уровне подготовки и издания текста без источниковедческого его осмысления. Правда, после выхода в свет нашей публикации появились труды других историков, раскрывающие значение таможенных книг как источника по истории российского рынка (*Тихонов Ю. А.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI до 60-х гг. XVII в. // Исторические записки. Т. 53. М., 1955; *Мерзон А. Ц.* Таможенные книги XVII в.: Учебное пособие по источниковедению истории России XVII в.)

Желая поскорее увидеть завершение своего труда (а возможно, и страшась не дожить до его конца), А. И. распорядился после первого тома приступить к работе прямо над третьим, заключительным. Во введении к третьему тому он объяснил это «желанием дать в первую очередь публикации, освещающие начало и конец хронологического периода (начало 1630-х и конец 1670-х гг.)». Он успел еще полюбоваться третьим томом и порадоваться быстрым его изданием. Но уже во время работы над последним, вторым, томом здоровье А. И. стало резко ухудшаться. Наши встречи стали реже и короче. Он совсем перестал приходить в Институт, большую часть года проводил в санатории АН СССР «Узкое», где и жил вместе с женой. Я приезжал к нему туда на машине (ее предоставляла по первому требованию автобаза АН СССР). Он, прежде всего, по приезду угощал меня кофе с коньяком, а затем начинались расспросы — я пересказывал содержание очередных номеров исторических журналов, рассказывал о заседаниях бюро Отделения и сектора истории СССР периода феодализма. А. И. живо интересовался московскими новостями. Его очень беспокоила судьба сотрудников его группы: дело в том, что мы были зачислены в штат Института временно, только на срок издания таможенных книг. Мы же об этом и не догадывались... Второй том таможенных книг подписывал к печати уже я, он вышел с траурной рамкой на титуле книги.

Расскажу о своей последней встрече с А. И. Он был уже очень плох, задыхался, говорил медленно и тихо, но ум его был все так же остр и деятелен. Он потребовал от меня детального отчета о ходе работы, интересовался буквально всем, вплоть до мелочей, еще раз посетовал на мое увлечение филологией и попросил позвать к нему свою дочь. О. А. пришла, и он в моем присутствии поручил ей пересмотреть всю его библиотеку и передать мне все книги по филологии. После его смерти О. А. выполнила отцовский наказ, и книги Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, Г. Г. Кушелева-Безбородко, издания Общества любителей древней письменности и т. д. до сих пор служат мне верой и правдой, каждый раз напоминая мне о человеке, ум и знания которого в полной мере не были востребованы в условиях режима КПСС. А. И. остался в анналах советской исторической науки историком, четырежды встречавшимся с В. И. Лениным и публикатором источников. Его труды по теории исторического знания оказались ненужными. Они не вписывались в установленные тогдашней наукой рамки.

Я проработал с А. И. Яковлевым всего три года, но они оказались решающими в моей научной судьбе. Я на всю жизнь «заболел» публикацией исторических источников и при первой же возможности постарался закрепить

в Институте на этом направлении. Да и тема моей докторской диссертации («Классификация русских письменных источников по отечественной истории») была выбрана мною в значительной степени под влиянием бесед с А. И. Я выполнил его завет и написал работу по теоретическому источниковедению.

Алексей Иванович скончался 30 июля 1951 г. Он был искренне верующим человеком. Его похоронили на Новодевичьем кладбище, на его могиле стоит простой крест из черного мрамора. Это вызвало в свое время протест со стороны Отдела науки («Человек с Лениным встречался, а на могиле — крест!»). Ольга Алексеевна показала письменное завещание, составленное А. И. — даже с рисунком креста... Ученый умер, но его капитальные труды и изданные им источники до сих пор служат нашей науке. Опубликованный в «Вопросах истории» (1951, № 9) краткий некролог не раскрывает истинного места ученого в исторической науке.

В. И. Кащеев

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИОСИФОВИЧА ЗАЙЦЕВА*

Chi in la mente m'è fitta, ed or mi accora
La cara e buona imagine paterna
Di voi, quando nel mondo ad ora ad ora
M'insegnavate come l'uom s'eterna:
E quant'io l'abbo in grado, mentre io vivo,
Convien che nella mia lingua si scerna.

Dante. La divina commedia. Inferno. XV, v. 82-87.

21 января 2000 г. ушел из жизни выдающийся филолог-классик и историк, замечательный исследователь античности Александр Иосифович Зайцев. На небосводе классической филологии он был звездой первой величины. По его представлению, эта наука не только учит пониманию античных текстов, но и составляет «животворящий стержень» всего комплекса наук об античности⁴⁰⁴. Искусству самостоятельно понимать античных авторов Александр Иосифович учился у своих учителей, это искусство он превосходно демонстрировал в своих трудах, этому искусству он учил своих учеников. Благодаря ему в Петербурге, и России, в целом, не прервалась традиция классической филологии. Его жизненный путь был далеко не ровным и гладким. Однако, несмотря на все трудности, а, может быть, именно благодаря им, Александр Иосифович сумел стать настоящим Мастером, для которого Наука и Просвещение составляли смысл жизни, при этом он всегда оставался Гражданином и Человеком, верившим, что культивирование античной традиции и возрождение христианства помогут европейской цивилизации и России, как

составной части этой цивилизации, преодолеть многие трудности и решить многочисленные проблемы.

Александр Иосифович родился 21 мая 1926 г. в Ленинграде и пережил страшное время: сталинские репрессии коснулись его семьи и его самого. В 1930-е гг. он потерял отца Иосифа Михайловича Зайцева, объявленного «врагом народа» и расстрелянного по приговору Военной коллегии Верховного суда; его мать Гита Борисовна Зайцева (Хабаркова) была арестована как «член семьи врага народа» и приговорена к восьми годам лагерей. Когда началась война, Алик Зайцев оказался в блокадном Ленинграде, где провел тяжелую зиму 1941/42 гг. и откуда был эвакуирован в Казахстан; затем он переехал в Уфу (1942 г.)

Уже в школьные годы Александр Иосифович заинтересовался античностью и стремился заниматься классическими языками, поэтому, поступая в 1945 (или 1946) г.⁴⁰⁴ на филологический факультет Ленинградского университета, он вполне сознательно избрал специализацию по кафедре классической филологии. Первые студенческие годы Александра Иосифовича прошли под научным руководством видного исследователя античности профессора С. Я. Лурье. Уже тогда он пришел к пониманию того, как важно для филолога-классика и историка-античника работать с текстами на древних языках.

Александр Иосифович учился успешно, досрочно сдал экзамены и был переведен со II на III курс. Возглавлявшая в то время кафедру классической филологии профессор О. М. Фрейденберг писала: «У меня был студент Зайцев, совершенно исключительный мальчик. <...> Знания его были феноменальны. <...> Выдержать теоретические споры с ним не мог ни один профессор. <...> Черты его характера поражали: он был «несгибаем», абсолютно упорен в поисках своего идеала, честен и прям до суровости, высок помыслами, необыкновенно чист»⁴⁰⁴.

Однако 21 января 1947 г. учеба Александра Иосифовича прервалась на долгие годы: он был арестован по обвинению в антисоветской агитации (статья 58-10 УК РСФСР), осужден Ленинградским городским судом и более семи лет провел не в лагере, а в печально известной Казанской тюремно-психиатрической больнице МГБ⁴⁰⁴ («в узилище», как слегка иронично он говорил впоследствии).

Лишь в 1954 г. Александр Иосифович смог продолжить свои занятия классической филологией. Под научным руководством Я. М. Боровского он защитил дипломную работу «Фрагмент из сатирической драмы *Ῥοοομολογία* (P. Oxy. Vol. XX, № 2245)», а затем учился в аспирантуре и трудился над диссертацией, посвященной «Гимну Диоскурам» Алкмана и его эпическим источникам. Эта диссертация, в которой впервые предлагалась реконструкция «Гимна Диоскурам», для чего привлекался как мифологический материал, так и античная эпическая традиция, была успешно защищена им в 1969 г.⁴⁰⁴ Статьи Якова Марковича, посвященные анализу текстов античных авторов, Александр Иосифович считал образцовыми, такими, «по которым можно учиться искусству филологической интерпретации»⁴⁰⁴. И он действительно учился исследовательскому мастерству у своего университетского учителя.

Осенью 1959 г. началась педагогическая деятельность Александра Иосифовича на кафедре классической филологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Этому университету он отдал более сорока лет

своей жизни: первоначально работал ассистентом, а впоследствии стал профессором кафедры классической филологии. Он преподавал классические языки на гуманитарных факультетах университета и был соавтором коллективного труда – учебника по латинскому языку, вышедшего в свет под редакцией профессора А. И. Доватура и выдержавшего два издания⁴⁰⁴, автором нескольких программ для классического отделения филологического факультета Ленинградского университета⁴⁰⁴ и ответственным редактором учебного пособия по античной литературе⁴⁰⁴. Его лекционные курсы и семинарские занятия по исторической грамматике древнегреческого языка, истории Греции в архаическую эпоху, античным теориям общественного развития, о происхождении политической теории в Древней Греции, греческой религии и мифологии, введение в классическую филологию, греческая и латинская метрика, миф об Эдипе, латинская стилистика, история античной литературы, специальные курсы по самым разнообразным темам антиковедения, читанные на филологическом, историческом и философском факультетах, собирали широкую аудиторию, состоявшую не только из студентов. Это была настоящая школа для исследователей в различных областях гуманитарных наук.

Всегда интересно, поучительно и часто увлекательно проходили у Александра Иосифовича занятия, на которых читались античные авторы. Его методика казалась безупречной. Он исходил из того, что «любой текст на любом уровне преподавания должен быть до конца разъяснен и понят с грамматической стороны», что «изучающий древний язык непременно должен прочесть с преподавателем некоторое количество разнообразных трудных текстов с медленным подробным разбором» (*статарное чтение*). В то же время он полагал, что для выработки некоторых важных навыков владения языком весьма полезно быстрое чтение больших кусков текста (*курсорное чтение*) сравнительно нетрудных авторов⁴⁰⁴.

Поистине поразительной была эрудиция Александра Иосифовича, позволявшая ему с исчерпывающей полнотой интерпретировать самые сложные тексты. И поистине поразительной была настойчивость, с которой он в течение тридцати лет еженедельно (по субботам) проводил со всеми желающими семинарские занятия, на которых последовательно, глава за главой, читались и комментировались вначале «*Законы*» Платона, затем «*Политика*» Аристотеля и, наконец, *эпникии* Пиндара. Под его руководством регулярно и целенаправленно проводились занятия по стилистике латинского языка: с русского языка на латынь были переведены тексты обеих частей известного пособия К. Зюпфле, несколько статей Ф. Ф. Зелинского, а в течение последних лет переводился роман В. Брюсова «*Алтарь победы*». Все свои поездки за пределы Петербурга он планировал и совершал так, чтобы они, по возможности, не мешали проведению еженедельных субботних семинаров.

Александр Иосифович читал лекции по истории Древней Греции и Рима в Санкт-Петербургском еврейском университете и ежегодно ездил в Москву специально для чтения лекционного курса по исторической грамматике древнегреческого языка в «Греко-латинском кабинете» Ю. А. Шичалина. Приехав весной 1998 г. в Саратов, чтобы в качестве официального оппонента принять участие в диспуте по защите докторской диссертации, Александр Иосифович охотно выступил с научным докладом на тему: «*Культурный*

переворот и его завершение в Древней Греции». На историческом факультете Саратовского университета это выступление стало настоящим событием.

Научная деятельность Александра Иосифовича доказывает, что классическая филология – не просто наука о греческой и латинской словесности, но что она является универсальной наукой о жизни и культуре двух античных народов – греков и римлян. Именно так понимали антиковедение (*die klassische Altertumswissenschaft*) его основоположники Фридрих Август Вольф, Август Бёк и другие выдающиеся немецкие филологи-классики XIX в.

Широта научных интересов Александра Иосифовича поразительна: античная религия и мифология, философия и история науки, индоевропеистика и микенология, античная история и история античной культуры, история древнегреческого языка, топонимика и акцентология, история греческой литературы в целом и отдельных ее жанров, греческая и латинская метрика, фольклор и политические учения в древнем мире, теория и методика научного исследования, интерпретация нарративных текстов, надписей и папирусов, преподавание древних языков и классических дисциплин в высшей и средней школе – таков далеко не полный перечень тем, привлекавших внимание Александра Иосифовича⁴⁰⁴. Он был одним из редакторов фундаментального издания текстов Демокрита, подготовленного его учителем С. Я. Лурье⁴⁰⁴, после себя оставил переводы текстов и комментарии к ним таких греческих авторов, как Филохор, Плутарх, Исократ, Демосфен, Михаил Пселл⁴⁰⁴, редактировал переводы произведений Дионисия Ареопагита⁴⁰⁴, Клемента Александрийского и совместно с М. Н. Ботвинником подготовил примечания к переводам эллинских поэтов, осуществленных В. В. Вересаевым⁴⁰⁴.

Последний год своей жизни Александр Иосифович работал над редактированием русского перевода сочинений Лукиана, оставаясь верным своему основному принципу – «тщательному и максимально точному пониманию текста античного автора». Как редактор он стремился не к усовершенствованию литературной формы перевода, а к его смысловой точности⁴⁰⁴. Двухтомное издание произведений Лукиана⁴⁰⁴, которое Александр Иосифович снабдил своей вводной статьей⁴⁰⁴, является уникальным, оно подводит итог переводческой работы над текстом писателя за последние столетия; и в этом большая доля труда профессора А. И. Зайцева⁴⁰⁴. О широкой научной эрудиции Александра Иосифовича красноречиво говорят многочисленные статьи, написанные им для «*Философского энциклопедического словаря*»⁴⁰⁴ и для энциклопедии «*Мифы народов мира*»⁴⁰⁴. Он всегда был предельно требователен к себе, тщательно работал над своими трудами, поэтому каждая его «научная публикация была в той или иной степени открытием»⁴⁰⁴.

В книге «*Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.*»⁴⁰⁴ Александр Иосифович проанализировал исторические причины и предпосылки появления в Греции, начиная с VIII в. до н. э., необычных политических форм (прежде всего, демократии), возникновение в качестве специфических форм систематизированного знания науки и философии, художественной литературы и кардинальных изменений в области изобразительных искусств – всего того, что в науке вслед за Э. Ренаном принято называть «греческим чудом». Он предложил свое решение одной из ключевых проблем культурной истории человечества, обстоятельно, аргументировано ответив на вопрос о том, при

каком стечении конкретных обстоятельств эллинам удалось создать культуру особого типа, культуру уникальную и неповторимую.

Только мужественный исследователь мог взяться за разработку колоссальной темы культурного переворота в древней Элладе. Мужество было присуще Александру Иосифовичу. Он был наделен и другими важными качествами, необходимыми для решения этой сложной проблемы: «недюжинной эрудицией, чтобы держать в поле зрения все написанное хотя бы за последние сто лет о загадке «греческого чуда», и ясно выраженной склонностью к концептуальному мышлению, чтобы быть в состоянии подвергнуть критической оценке мнения своих предшественников, и, отталкиваясь от них, создать свою собственную «модель» процесса становления греческой культуры»⁴⁰⁴.

В первых трех главах книги рассматривается вопрос, какие факторы способствовали тому, что столь многие и столь разнородные эпохальные достижения человеческой культуры были созданы одним народом за весьма короткий промежуток времени с точки зрения всемирной истории. Александр Иосифович показал, что возникновению «греческого чуда» способствовали многие и разнообразные факторы. Важное место среди них он отводил *техническому перевороту*, вызванному появлением способа обработки железа и широким распространением этого металла в производстве. Еще один первостепенный фактор – *полис* как особая форма города-государства, сложившаяся в Греции почти одновременно с культурным переворотом. Именно полис, во-первых, стимулировал социальную активность граждан и обеспечил их коллективное участие в решении важнейших вопросов политической жизни, а во-вторых, обеспечил гражданам гораздо большую личную свободу, чем в подавляющем большинстве дописьменных обществ и в государствах Древнего Востока. Греция сделала огромный шаг вперед в развитии личных свобод, в формировании права и реальной возможности гражданина самостоятельно выбирать образ жизни⁴⁰⁴.

Быстро проходивший процесс *разрушения родо-племенного уклада жизни и традиционных норм поведения* в Греции архаической эпохи – еще один важный фактор культурного переворота. Признаками и одновременно условиями этого процесса были: высокая «горизонтальная и вертикальная социальная мобильность» эллинов и тесные культурные контакты с негреческими народами, что особенно энергично происходило в греческих колониях⁴⁰⁴. Исследователь указал также другие факторы: *экономический подъем* большинства греческих полисов в архаическую эпоху, тесно связанный с экономической деятельностью греков *демографический взрыв* в Элладе, *Великая греческая колонизация*, то есть широкая территориальная экспансия эллинов, *развитие рабовладения классического (античного) типа*, *рост отношений, основанных на частной собственности*, и *социальная дифференциация* внутри греческого общества.

Особая заслуга Александра Иосифовича состоит в том, что он тщательно исследовал особенности этнической психологии древних греков и показал важность этих особенностей для понимания культурного переворота. Он доказывал: среди греков получило широкое распространение убеждение в том, что человек может значительно улучшить свои жизненные условия за счет собственной энергии и изобретательности. Таким образом, греки в гораздо

большей степени, чем другие народы, верили в жизненный успех и творческие силы человека. У эллинов проявился так называемый «агональный дух». «Стремление превзойти других в состязаниях, продемонстрировать свое превосходство в силе и ловкости, хотя бы это и не отвечало первостепенным потребностям общества, стремление завоевать славу победителя» – это стало характерной чертой греческой жизни⁴⁰⁴.

Значительное место в книге уделяется не только агональным аспектам жизнедеятельности эллинов в целом и греческому спорту в особенности (глава II), но и тому, как «агональный дух» способствовал высвобождению внутренних стимулов греков к художественному и интеллектуальному творчеству (глава III). В результате Александр Иосифович пришел к важному выводу: «Развитие греческой агонистики сделало привычной мысль о том, что общественную ценность представляет всякое достижение, в особенности завоеванное в соревновании с соперниками, вне зависимости от возможности практического использования этого достижения»⁴⁰⁴.

В IV и V главах монографии о культурном перевороте в Греции рассматривается воздействие факторов, приведших к «греческому чуду», на процесс возникновения и первые шаги греческой литературы и греческой науки (прежде всего математики и астрономии). Выбор этих областей духовной деятельности эллинов не был случаен: греческая литература всегда занимала важное место в сфере научных интересов Александра Иосифовича, а история греческой науки позволила ему с максимальной четкостью продемонстрировать действие общих закономерностей, кроме того, прежде и позднее она интересовала его как исследователя (здесь сказывалось влияние С. Я. Лурье). Рассматривая различные жанры литературы, он убедительно доказал, что «агональный дух» способствовал развитию установки на «эстетическую ценность» литературного произведения. Важную роль при этом играло то обстоятельство, что вся греческая литература формировалась под влиянием эпоса.

В 1986 г. книга Александра Иосифовича о культурном перевороте в Греции была удостоена премии Ленинградского университета и в следующем году защищена им в качестве докторской диссертации по специальности «всеобщая история»⁴⁰⁴, а спустя несколько лет его *opus magnum* был издан в Германии в немецком переводе⁴⁰⁴. В последующие годы он продолжал размышлять над проблемой «культурного переворота» и написал несколько работ, которые уточняют и дополняют его концепцию⁴⁰⁴.

Важное место в научном наследии Александра Иосифовича занимают труды о древнегреческом эпосе и в особенности о поэмах Гомера. Одна из первых его публикаций была посвящена гесиодовскому фрагменту о Тесее и Галике у Плутарха⁴⁰⁴. Он рассмотрел праиндоевропейские истоки древнегреческого эпоса⁴⁰⁴, различные аспекты долитературной эпической традиции⁴⁰⁴ и гомеровского эпоса⁴⁰⁴. Подготовленное Александром Иосифовичем издание «Илиады» Гомера в переводе Н. И. Гнедича (серия «Литературные памятники»)⁴⁰⁴ может служить образцом для подобного рода публикаций. Кроме тщательно выверенного собственно текста, здесь приводятся варианты правки текста перевода, внесенные Гнедичем в его экземпляр издания поэмы 1829 г., отрывки из ранних редакций его перевода, обстоятельный текстологический и реальный комментарий и две статьи,

посвященные древнегреческому эпосу, «Илиаде» Гомера⁴⁰⁴ и переводам этой поэмы в России⁴⁰⁴. Резюмируя современное состояние «гомеровского вопроса», Александр Иосифович предлагает взвешенный подход к решению этой кардинальной проблемы антиковедения. На его взгляд, правы *унитарии*, утверждая, что гомеровские поэмы в дошедшем до нас виде были созданы одним или двумя гениальными поэтами, а не были сложены механически, однако они заходят слишком далеко, когда утверждают, что текст «Илиады» и «Одиссеи» не позволяет исследователям проникнуть в догомеровскую эпическую традицию⁴⁰⁴. Он был убежден, что «Гомер – это начало всей литературы» и что «успехи в изучении его творчества могут рассматриваться как символ движения вперед всей филологической науки, а интерес к поэмам Гомера и их эмоциональное восприятие должны рассматриваться как надежный признак здоровья всей человеческой культуры»⁴⁰⁴.

В книге «*Формирование древнегреческого гексаметра*»⁴⁰⁴, увидевшей свет фактически в 1995 г.⁴⁰⁴, Александр Иосифович не только предложил свою теорию возникновения гексаметра, но и высказал аргументы в пользу локализации прародины индоевропейцев в степях Северного Причерноморья. Интересны его соображения относительно характера праиндоевропейского стиха и о праиндоевропейском героическом эпосе. По существу, это первое в мировой литературе систематическое исследование индоевропейских истоков стиха греческого эпоса⁴⁰⁴.

Александр Иосифович говорил о себе: «Я всего лишь исследователь античности»⁴⁰⁴, но всю свою жизнь он размышлял об общечеловеческих проблемах, о судьбах России и мира. Источники бед в нашей стране он видел, с одной стороны, в более чем 70-летнем «вандалском хозяйничании коммунистов», с другой – в болезненных явлениях всей европейской цивилизации, частью которой всегда была и останется Россия. Александр Иосифович был далек от мысли, что Запад нашел все решения: неумолимый рост мощи государства ставит под угрозу свободу личности, обостряется экологический кризис и существует опасность термоядерной катастрофы. Его особенно тревожило проявившееся в последнее время замедление развития фундаментального знания⁴⁰⁴. Однако он верил в возможность переломить эту пагубную тенденцию, верил в непреходящую и спасительную для нас силу античной культурной традиции. Для этого необходимо творчески использовать достижения литературы, искусства, философии и науки античной цивилизации, но нужна и «соответствующая образовательная подготовка лучших умов». К сожалению, во второй половине XIX и в XX в. слепая вера в «механический автоматический прогресс человечества за счет развития техники стала толкать Европу к отказу от классической и гуманистической традиции в образовании»⁴⁰⁴.

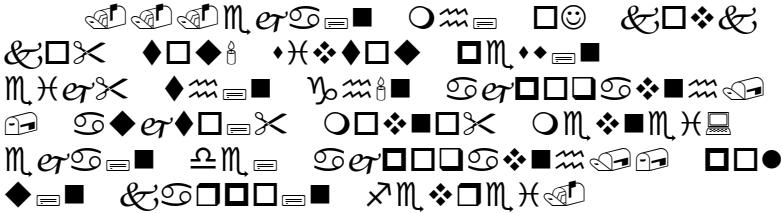
Александра Иосифовича радовало то, что в 80-е и 90-е гг. XX столетия обстановка переменилась к лучшему. Он полагал, что опыт исследованного им «греческого чуда» и европейского Возрождения учит необходимости начать действовать «заново, совсем по-новому, опираясь в то же время на прежние достижения», и видел путь к мощному продвижению вперед «в сочетании всеобщей компьютеризации с возвратом к классическим и ренессансным идеалам самооценности творчества»⁴⁰⁴. Важной предпосылкой духовного возрождения он считал развитие классического образования, хотя и не рассматривал его в качестве панацеи от всех бед. Ему казалось, что

исключительную роль в этом могло бы сыграть «возрождение христианства как государственной религии». Ему хотелось верить, и, судя по всему, он верил в то, «что мы стоим перед воротами нового царства, которые, может быть, откроются, и что есть много способов стучаться в эти ворота: один из них – культивирование античной традиции»⁴⁰⁴.

Сам Александр Иосифович делал все, чтобы «ворота нового царства» отворились: самоотверженно, подвижнически трудился на ниве Науки и Просвещения, настойчиво доказывал необходимость восстановления филологической образованности. Свою концепцию классического образования в современной школе он изложил в докладе «Классические языки возвращаются в русскую школу», сделанном в рамках «Дней Классики I», проходивших в декабре 1992 г. в Санкт-Петербурге⁴⁰⁴. Он принимал живое участие в обсуждении принципов работы будущей Классической гимназии в городе на Неве⁴⁰⁴ и всячески поддерживал ее, после того как в 1989 г. она была основана его учениками⁴⁰⁴, равно как и Классическую гимназию, созданную в 1993 г. Ю. А. Шичалиным при «Греко-латинском кабинете» в Москве.

Александр Иосифович был убежден, что как исследователи мы многим обязаны нашим учителям и предшественникам⁴⁰⁴. Это была принципиальная позиция Ученого и Человека. Воспринимая лучшее от своих учителей, он умел в то же время трезво, критически оценивать их наследие. Учась на достижениях и заблуждениях своих предшественников, он был наделен талантом испытывать к ним чувство благодарности. Редкое у исследователей свойство обостренно-критического отношения к себе и своим произведениям сочеталось в нем с доброжелательным отношением к коллегам и ученикам. Не случайно у него так много учеников и последователей в Петербурге, Москве, Саратове. Не случайно его так высоко ценили коллеги в России и Европе. Необычайную щедрость души Александра Иосифовича ощущали все, кто так или иначе соприкасался с ним.

Ушел из жизни настоящий филолог-классик и историк. Ушел из жизни Ученый, Гражданин, Человек. Но остались его сочинения и ученики, остались щедрые плоды его подвижнического труда. Как не вспомнить здесь евангельскую притчу об умершем пшеничном зерне:

(Ioan. 12.24).

Вольтер

АНЕКДОТЫ О ЦАРЕ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

(Пер. с фр., коммент. и вступ. ст. С. А. Мезина)

Публикуемое ниже сочинение Вольтера никогда не выходило на русском языке¹. До последнего времени «Анекдоты» не подвергались и специальному изучению. Этот пробел был восполнен большой статьей Мишеля Мерво, скрупулезно исследовавшего происхождение, источники, жанр этого сочинения и его место среди других работ Вольтера о Петре I². Отсылая специалистов к эрудитской работе французского историка, приведем лишь некоторые сведения, необходимые для знакомства с малоизвестным памятником просветительской историографии.

«Анекдоты о царе Петре Великом» были написаны Вольтером предположительно в 1745–1747 гг., а в 1748 г. они были впервые изданы. До этого Вольтер обращался к петровской теме в «Истории Карла XII», в ходе работы над которой (1727–1731) у него уже сложился образ русского царя — создателя, героя, творящего новую нацию. Свое развитие этот образ нашел во второй половине 30-х гг. в переписке просветителя с прусским принцем Фридрихом. Получив от него записки И. Г. Фоккеродта о России, Вольтер значительно расширил «русский» раздел «Истории Карла XII» в издании 1739 г. Как отмечает М. Мерво, с этого времени Вольтер идет на сознательную идеализацию образа царя-реформатора. В середине 1740-х гг. знаменитый француз предложил русскому правительству свои услуги в качестве историографа Петра Великого и даже намеревался приехать в Петербург для знакомства с русскими архивами. Но тогда эта инициатива не нашла отклика у императрицы Елизаветы Петровны и ее окружения. Поскольку без дополнительных русских материалов Вольтер не решался братья за написание полноценной истории Петра Великого, а желание высказаться на эту тему было, он ограничился изданием «Анекдотов о царе Петре Великом».

В основу «Анекдотов» Вольтером были положены доступные источники, большинство из которых имелось в его библиотеке³: «Краткий очерк истории царя Петра Алексеевича...» П.-Ф. Бюше (1717), «Состояние России при нынешнем царе» Д. Перри (1717), «Преображенная Россия» Ф. Х. Вебера (1725), «Похвальное слово царю Петру I» Фонтенеля (1727), «Путешествия через Московию» К. де Бруина (1725), «Путешествия» О. де ла Моттрея (1727), «Записки о царствовании Петра Великого...» Ж. Руссе де Мисси (1725–1726), его же «Записки о царствовании Екатерины...» (1728), «История Петра Первого, прозванного Великим» Е. Мовийона (1742), рукописные «Рассуждения о состоянии России при Петре I» И. Г. Фоккеродта (1737), а также сведения о жизни царевича Алексея и Екатерины I, полученные от Фридриха Прусского, анекдоты бранденбургского посланника в России М. Л. фон Принтцена и некоторые другие устные предания. Наиболее информативными в этом перечне были записки Перри, Вебера, Фоккеродта, компилятивные истории Руссе де Мисси и Мовийона, а идейным предшественником Вольтера был Фонтенель, писавший о царе,

¹ См.: Вольтер в России: Библиографический указатель. 1735–1995. М., 1995. «Анекдоты» упомянуты лишь однажды: № 832.

² Mervaud M. Les «Anecdotes sur le czar Pierre le Grand» de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // Studies on Voltaire and the eighteenth century. Т. 341. 1996. P. 89–126; сокращенный перевод: Мерво М. «Анекдоты о царе Петре Великом»: генезис, источники и жанр // Вольтер и Россия. М., 1999. С. 67–78.

³ Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.;Л., 1961. № 555, 1364, 1904, 2699, 3047, 3833.

сотворившем новую нацию. «Анекдоты» во многом были эхом путешествий Петра I в Европу, а также результатом открытости «преображенной» России для иностранцев.

Вольтеровские «Анекдоты» — это несколько непринужденно изложенных сюжетов из жизни Петра I: царь, обучающийся в Голландии и Англии кораблестроению; введение табака в Россию и вызванное этим стрелецкое восстание; бытовые и церковные реформы Петра; история эстонской сироты, ставшей императрицей Екатериной; дело царевича Алексея; визит Петра в Париж. Подбор тем имел определенную идейную направленность.

Вольтер к тому времени уже сформулировал свое понимание задач историка. Он писал о необходимости заменить историю королей историей народов, заявлял о первостепенной важности показа прогресса цивилизации. Строго говоря, в «Анекдотах» автор далек от решения этих задач. Сочинение в основном направлено на реализацию еще одной идеи Вольтера-историка: о выдающейся роли личности в истории, о том, что просвещенный разум и воля одного человека могут творить чудеса с целым народом. Поэтому Вольтер подчеркивает случайность появления реформатора в России, неготовность страны к преобразованиям, доставшимся поэтому дорогой ценой. Нетрудно заметить и некоторые другие излюбленные идеи просветителя: о превосходстве и универсальности ценностей европейской цивилизации, о естественном равенстве людей. Конечно же, звучит вольтеровская критика церкви и невежества.

Жанр анекдота был широко распространен в европейской историографии XVIII в. Под анекдотами тогда понимались тайные, неизданные истории из жизни великих людей. Часто это были рассказы, записанные со слов очевидцев. (Таковы были анекдоты о Петре I, неоднократно издававшиеся в России во второй половине XVIII в.) Но уже в XVIII в. у исторического анекдота был литературный двойник — занимательный рассказ, содержащий пикантные детали, часто имеющий неожиданную концовку. Вольтеру были знакомы оба значения, — и они в определенной степени смешиваются в «Анекдотах о царе Петре Великом». Прежде всего, это, конечно, не самые известные, но поучительные эпизоды из жизни русского царя. (Собственно неизданных, неизвестных в полном смысле фактов в распоряжении Вольтера не оказалось.) Собранные вместе, они составляют краткую биографию Петра. Но вместе с тем в этом вольтеровском историческом портрете господствуют непринужденность, свобода и юмор. Автор с поразительной легкостью переходит от юмористических сюжетов к серьезным и трагическим. Он слишком вольно обходится с фактами. Поэтому М. Мерво пишет о близости «Анекдотов» к жанру философской повести, к «подлинному роману» истории. Вместе с тем А. Лортолари замечал, что из трех вольтеровских портретов Петра «Анекдоты» — самый правдивый⁴. Здесь русский царь действительно менее идеализирован, чем в «Истории Российской империи при Петре Великом». Но если в «Истории» Вольтер стремился говорить только правду, хотя и не всю (а только полезную читателям), то в «Анекдотах» он как будто и не очень заботился об этой самой исторической правде. Историческая проза подчас уводит автора за рамки научного дискурса, даже с точки зрения требований середины XVIII в.

Перевод выполнен по изданию «Oeuvres complètes de Voltaire» (Oxford, 1999. Vol. 46. P. 51–84). Переводчик считает приятным долгом поблагодарить С. Я. Карпа и И. А. Мнушкину за содействие в работе.

⁴ Lortholary A. Les «philosophes» du XVIII siècle et la Russie: le mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 44.

Петр Первый был прозван Великим, потому что он предпринял и совершил величайшие дела, ни одно из которых не приходило на ум никому из его предшественников. Его народ до него ограничивался простейшими навыками, освоенными по необходимости. Когда обычай господствует среди людей, они довольствуются малым, гений развивается так трудно и так легко задыхается от препятствий, что кажется, что все народы пребывают в невежестве тысячи веков до тех пор, пока не приходят люди, подобные царю Петру, как раз в то время, когда необходимо, чтобы они пришли.

Случилось, что около 1695 года некий молодой женевец по имени Лефорт⁵ оказался в Москве у датского посла. Царю Петру было тогда 19 лет⁶, он увидел этого женеца, за короткое время изучившего русский язык и говорящего почти на всех языках Европы. Лефорт очень понравился монарху, он перешел к нему на службу, и вскоре приобрел его особое расположение. Он ему разъяснил, что имеется другой способ жить и править, кроме того, что, к сожалению, издавна установился в его обширной империи; без этого женеца Россия была бы, может быть, до сих пор варварской.

Надобно родиться с великой душой, чтобы вдруг послушать иностранца и чтобы отбросить предрассудки трона и своей родины. Царь почувствовал, что он должен создать народ и империю: но он не имел никакой помощи от окружающих. С тех пор он решил выехать из своего государства и, словно Прометей, позаимствовать небесный огонь, чтобы воодушевить своих соотечественников. За этим божественным огнем он поехал к голландцам, которые три века тому назад также были лишены такого огня, как и московиты. Он не мог выполнить свой замысел сразу же, как он этого хотел бы. В 1696 году было необходимо вести войну против турок или, скорее, против татар⁷; и только после победы над ними он покинул свои владения, чтобы научиться самому всем ремеслам, которые были абсолютно неизвестны в России. Хозяин самой обширной в мире империи прожил около двух лет в Амстердаме и в деревне Саардам под именем Петра Михайлова⁸. Его обычно называли «бас Питер». Он записался в число плотников этой знаменитой деревни, которая снабжала кораблями почти всю Европу. Он умело пользовался топором и компасом, и когда он работал в своей мастерской, строя корабли, он изучал географию, геометрию и историю. В первое время народ толпился вокруг него. Иногда он довольно грубо отстранял назойливую толпу, так что народ страдал, хотя народ этот трудно обидеть. Первый язык, который он выучил, был голландский, потом он пристрастился к немецкому, который казался ему приятным и который он хотел ввести при дворе⁹.

⁵ Лефорт Франц (Франсуа) Яковлевич (1656–1699) находился в России с 1675 г. С Петром I знаком примерно с конца 1690 г. Будучи личным другом Петра, Лефорт, по мнению историков, не играл большой роли в государственных делах.

⁶ Петр I родился 30 мая 1672 г.

⁷ Речь идет об Азовских походах 1695–1696 гг.

⁸ Петр I находился на Саардамской верфи с 8 по 20 августа 1697 г., а затем до начала января 1698 г. он работал на Ост-Индской верфи в Амстердаме.

⁹ Современник писал: «Надобными языками для России почитал он голландский и немецкий. «А с французами, — говорил он, — не имеем мы дела». См.: *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 71.

Он также немного выучил английский во время своей поездки в Лондон, но он никогда не знал французского, который стал затем языком Санкт-Петербурга при императрице Елизавете Петровне, по мере того, как эта страна цивилизовалась.

Петр был высокого роста, его лицо было гордым и величественным, но подчас искажалось конвульсиями, которые портили черты его лица. Этот органический порок объясняют действием яда, который, как говорят, дала ему его сестра Софья. Но истинным ядом были вино и водка, которыми он злоупотреблял, слишком полагаясь на свой сильный темперамент.

Он равно беседовал с ремесленником и с генералом. Но это не был ни варвар, который не делает различия между людьми, ни монарх, стремящийся к популярности, который хочет нравиться всем; это был человек, который хотел учиться. Он любил женщин настолько, насколько шведский король, его соперник, боялся их, и он был неприятельным в любви, как и в еде. Он скорее предпочитал напиваться, чем пробовать тонкие вина.

Говорят, что законодатели и короли совсем не должны впадать в гнев: но никогда не было монарха ни более вспыльчивого, чем Петр Великий, ни более безжалостного. Этот недостаток в монархе не из тех, что исправляют только признанием его, признавая себя виновным; но, наконец, он в нем признался, и он даже сказал члену голландского магистрата¹⁰ во время своего второго путешествия: «Я изменил мой народ, но я не смог изменить самого себя». Правда, жестокость, в которой его упрекают, была обычаем московского двора, как и марокканского. Не было ничего необычного в том, чтобы увидеть царя, наносящего своей монаршей рукой сто ударов кнутом по спине первого приближенного или придворной дамы за то, что они, будучи пьяны, не выполнили свои обязанности, или испытывающего свою саблю, срубая одним ударом голову преступника¹¹. Петр исполнял некоторые из этих обычаев своей страны. Лефорт имел на него достаточно влияния, чтобы останавливать в момент удара, но Лефорт не всегда находился рядом с ним.

Путешествие в Голландию и особенно его пристрастие к ремеслам, которое развивалось, немного смягчили его нравы: все искусства обладают преимуществом делать людей более общительными. Он часто ходил обедать к одному географу, с которым он изготавливал морские карты. Он проводил целые дни у знаменитого Рюйша¹², который первый нашел способ делать прекрасные инъекции, совершенствуя анатомию, и избавил Петра от отвращения к этому делу. Этот монарх в возрасте 22 лет¹³ занялся своим образованием, которое голландский ремесленник дал бы своему сыну, если бы он обнаружил в нем способности, и этот вид образования был выше того, которое когда-либо получали русские венценосцы. В то же время он посылал молодых москвитов путешествовать и учиться во все страны Европы. Эти первые попытки не были удачными. Новоявленные ученики совсем не подражали своему господину. Один из них, посланный в Венецию, даже ни разу не вышел из своей комнаты, чтобы его

¹⁰ Витзен Николай (1641–1717), голландский ученый, юрист и государственный деятель, бургомистр Амстердама.

¹¹ В данном случае Вольтер следовал за баснословным рассказом М. Л. фон Принтцена.

¹² Рюйш Фредерик (1638–1731), профессор анатомии в Амстердаме. Прославился своим способом инъекции сосудов различно окрашенными жидкостями и расплавленным воском, что давало возможность наглядно демонстрировать строение внутренних органов.

¹³ В 1697 г. Петру I было 25 лет.

не могли упрекнуть в том, что он видел другую страну, кроме России¹⁴. Такое отвращение к иноземным странам было им внушено московитскими священниками, которые утверждали, что это ужасное преступление для христианина — путешествовать, по той причине, что в Ветхом Завете жителям Палестины запрещалось перенимать нравы их более богатых и более удачливых соседей.

В 1698 году он поехал из Амстердама в Англию не в качестве корабельного плотника, но и не как суверен, а под именем русского боярина, который путешествует с целью образования. Он все видел, он даже ходил в английскую комедию, где ничего не уразумел, но нашел мадемуазель Грофт¹⁵, к которой он проявил склонность, не сделав ее при этом богатой.

Король Вильгельм¹⁶ приготовил ему удобный для жилья дом, каких много в Лондоне; дворцы не характерны для этого города, где мы видим лишь низкие дома без двора и сада, с маленькими дверями, как в наших лавочках. Царь нашел свой дом еще слишком роскошным; он расположился в матросском квартале, чтобы было удобнее совершенствоваться в морском деле¹⁷. Он даже часто одевался как матрос и пользовался этой маскировкой, чтобы привлечь побольше моряков на свою службу.

Именно в Лондоне у него возник план соединения Волги и Танаиса¹⁸. Он даже хотел соединить их каналом с Двиной и, таким образом, связать Ледовитый океан, Черное и Каспийское моря. Англичане, которых он с собой привез, служили ему плохо¹⁹ в этом великом проекте, и турки, которые захватили у него Азов в 1712 году²⁰, еще более противодействовали этому обширному предприятию.

В Лондоне ему не хватило денег; купцы предложили ему сто тысяч экю, с тем чтобы он им разрешил ввозить табак в Россию²¹. Это было великое новшество в этой стране, и даже религия проявила к этому интерес. Патриарх отлучал от церкви всякого, кто курит табак, потому что курили турки, их враги; и духовенство рассматривало в качестве своей важнейшей привилегии — препятствовать русскому народу курить. Царь принял сто тысяч экю, и взял на себя дело приобщения к курению самого духовенства. Он ему приготовил и другие нововведения.

Короли делали подарки такому путешественнику; подарок Вильгельма Петру был проявлением учтивости, достойным обоим монархов. Он ему преподнес двадцатипятипушечную яхту²², лучший морской парусник, вызолоченный, как Римский престол, с оснащением всякого рода; и все члены экипажа захотели

¹⁴ Речь идет о брате генерала Алексея Головина, о котором пишет Ф. Х. Вебер.

¹⁵ Летиция Кросс, актриса, с которой Петр мог познакомиться во время посещения театра 15 января 1698 г.

¹⁶ Вильгельм III Оранский, английский король (1688–1702), штатгальтер Голландии.

¹⁷ В Дептфорде царь остановился в доме, принадлежавшем Д. Эвлину, в котором до Петра жил адмирал Д. Бенбоу.

¹⁸ Античное название Дона.

¹⁹ Джон Перри (1670–1732) был хорошим инженером-гидравликом. Он работал над соединением Волги и Дона, Дона и Оки, Невы с Волгой. Его судьба в России сложилась неудачно.

²⁰ Азов был возвращен туркам по Прутскому договору 1711 г.

²¹ Царь заключил договор о монопольной табачной торговле с маркизом Кармартеном и группой английских купцов; в качестве предварительного взноса он должен был получить 12 тыс. фунтов стерлингов, из которых 4 тыс. фунтов стерлингов были получены и истрачены Петром сразу же.

²² Королевская яхта «The Transport Royal».

быть в его полном распоряжении. На своей яхте, где он был первым лоцманом, Петр вернулся в Голландию, чтоб снова повстречать своих плотников, и отсюда около середины 1698 года он поехал в Вену²³, где он должен был пробыть меньше, чем в Лондоне, потому что при дворе важного Леопольда²⁴ было гораздо больше обременительных церемоний и меньше предметов для изучения. Повидав Вену, он должен был ехать в Венецию, а затем в Рим, но он был вынужден спешно вернуться в Москву из-за новости о гражданской войне, вызванной его отсутствием и разрешением курить²⁵. Стрельцы, старинное войско царей, сходное с янычарами, тоже беспокойное, тоже недисциплинированное, менее смелое и не менее варварское, подстрекалось к восстанию несколькими аббатами и монахами, наполовину греками, наполовину русскими, которые растолковывали, насколько Бог был разгневан введением табака в Московии, и обрели государство на сожжение ради этой распри. Петр, который предвидел, на что способны монахи и стрельцы, принял свои меры. У него было дисциплинированное войско, составленное почти целиком из иностранцев, хорошо оплачиваемых, хорошо вооруженных и к тому же курящих, под командованием генерала Гордона²⁶, который хорошо разумел военное дело и не любил монахов. Это было то, чего не хватало султану Осману²⁷, который хотел, как Петр, реформировать своих янычар и, не имея ничего им противопоставить, вовсе не реформировал их и был ими задушен.

Итак, его войска были реорганизованы по образцу армий европейских монархов. Он приказал сооружать корабли своим англичанам и голландцам в Воронеже на Танаисе²⁸, в четырехстах лье от Москвы. Он усовершенствовал города, укрепил их безопасность, построил большие дороги в пятьсот лье, учредил мануфактуры всех видов, и то, что свидетельствует о глубине невежества, в котором жили русские, — первая мануфактура была по производству булавок²⁹. Сегодня в Москве уже производятся рытый бархат и золотая и серебряная парча. Таким могучим является влияние единственного человека, когда он господин и умеет хотеть.

Война, которую он объявил Карлу XII, чтобы возвратить себе провинции, завоеванные шведами когда-то у русских, не мешала ему при всех несчастьях, которые она вначале доставила, продолжать его реформы в государстве и в церкви; он объявил в конце 1699 года, что следующий год начнется в январе, а не в сентябре³⁰. Русские, которые думали, что Бог сотворил мир в сентябре, были удивлены тем, что их царь достаточно могуч, чтобы изменить то, что когда-то сделано Богом. Эта реформа началась вместе с веком, в 1700 году, с большого праздника, который царь сам учредил. Он упразднил сан патриарха,

²³ Из Лондона Петр I отправился 2 мая 1698 года в Амстердам, откуда 15 мая отбыл в Вену.

²⁴ Леопольд I, император «Священной Римской империи» (1658–1705).

²⁵ Введение табака не было связано со стрельцким бунтом 1698 г.

²⁶ Гордон Патрик (1636–1699) участвовал в подавлении стрельцкого восстания. Официально войсками, направленными на подавление восставших стрельцов, командовал боярин А. С. Шеин.

²⁷ Осман II, турецкий султан (1618–1622), свергнутый янычарами.

²⁸ Верфь находилась на реке Воронеж.

²⁹ В конце XVII в. в России существовало более 20 мануфактур.

³⁰ Пожалуй, главным в реформе календаря было то, что летосчисление «от сотворения мира» было заменено счетом лет «от рождества Христова», как повсюду в Европе.

взяв его функции на себя³¹. Неправду говорят, что он якобы поместил своего патриарха в московский дом для умалишенных. У него был обычай, когда он хотел развлекаться, наказывая, говорить тому, кого он хотел покарать: «Объявляю тебя сумасшедшим»; и тот, кому он давал этот прекрасный титул, даже если он был самым большим вельможей в государстве, был обязан носить шутовскую погремушку, куртку с бубенчиками и развлекать двор в качестве шута Его Величества³². Он не дал этого титула патриарху; он довольствовался тем, что отменил саму должность, носители которой до того злоупотребляли ей, что обязывали царей идти перед ними один раз в году, держа повод патриаршей лошади, церемония, от которой такой человек, как Петр Великий себя освободил³³.

Чтобы иметь больше подданных, он хотел иметь меньше монахов и приказал, чтобы впредь в монастыри могли поступать только с пятидесяти лет³⁴, и с тех пор его страна делает все, чтобы монахов было меньше. Но после него это семя, которое он вырывал с корнем, возродилось вследствие той естественной слабости, свойственной всем церковникам, — стремиться увеличить свое число, и вследствие другой слабости, свойственной правителям, — их терпеть.

Впрочем, он издал мудрые законы для служителей церкви и для изменения их нравов, хотя его собственные были весьма беспутными, прекрасно сознавая, что дозволенное монарху не должно быть свойственно попу. До него женщины всегда жили отдельно от мужчин; было неслыханным, чтобы будущий муж увидел бы девушку, на которой он женился. Он знакомился с ней только в церкви. Среди свадебных подарков был большой пучок розог, который жених посылал невесте, чтобы предупредить ее, что при первом случае она должна готовиться к маленькой мужниной трепке; мужья могли даже убить своих жен безнаказно, а тех жен, которые узурпировали это право своих мужей, закапывали в землю живьем.

Петр отменил пучки розог, запретил мужьям убивать их жен, и чтобы сделать браки менее несчастными и лучше подобранными, он ввел обычай совместных пиров, а также представления претендентам девушек до венчания, одним словом, он учредил и создал все в своих владениях, вплоть до общества. Известно распоряжение, сделанное им лично, обязывающее бояр и их боярынь устраивать ассамблеи³⁵, где нарушение приличий наказывалось большим бокалом водки, который заставляли пить нарушителя, и, таким образом, вся честная компания уходила с них очень пьяной и мало исправившейся. Но это было важно — создать род общества среди народа, который об этом ничего не знал. Дело дошло до того, что несколько раз ставились драматические спектакли³⁶. Царевна Наталья, одна из его сестер, писала трагедии на русском языке, похожие на пьесы Шекспира, в которых тираны и арлекины исполняли первые ро-

³¹ После смерти патриарха Адриана (1700) во главе церкви стоял местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. С 1721 г. Русская Православная Церковь управлялась Святейшим Синодом.

³² Речь, вероятно, идет о «Всешутейшем и всепьянейшем соборе».

³³ Речь идет о ритуале «хождения на осляти» в Вербное воскресенье.

³⁴ На самом деле речь шла о возрасте 30 лет.

³⁵ Указ об ассамблеях относится к 1718 г.

³⁶ Придворный театр существовал в Москве с 1672 г.

ли³⁷. Оркестр был составлен из русских скрипок, в которых звуки извлекают из бычьих жил. Сегодня в Петербурге есть французские комедианты и итальянская опера. Великолепие и даже вкус последовали за варварством. Одним из самых трудных предприятий основателя было укоротить полы платья и сбрить бороды своих подданных. Именно это вызывало наибольший ропот. Как научить весь народ одеваться по-немецки и пользоваться бритвой? С этой проблемой справились, располагая у ворот городов портных и брадобреев: одни обрезали полы платьев тех, кто проходил, другие — бороды; упорствующие платили сорок су на наши деньги. Вскоре они предпочли потерять свою бороду, чем деньги. Женщины сослужили царю полезную службу в этой реформе; они предпочитали бритые подбородки; они были ему обязаны тем, что не были больше пороты розгами, жили в обществе с мужчинами и целовали более благородные лица.

Среди этих малых и больших реформ, которые забавляли царя, среди ужасной войны, которую он вел против Карла XII, он основал важный город и порт Санкт-Петербург в 1704 году³⁸, посреди болота, где не было ни одной хижины. Петр своими руками выстроил первый дом; ничто его не останавливало; работники должны были приходиться на этот берег Балтики от границ Астрахани, с берегов Черного и Каспийского морей. Он погубил более ста тысяч человек в принудительной работе, в изнурении и недостатках, которые они испытывали³⁹, но, наконец, город существует. Были построены порты Архангельска, Астрахани, Азова, Воронежа⁴⁰.

Чтобы совершить столько великих дел, чтобы иметь флот на Балтике и сто тысяч регулярного войска, государство имело тогда только около двадцати миллионов ливров дохода⁴¹. Я видел счет в руках человека, который был послом в Петербурге⁴². Но оплата рабочих была пропорциональной доходам государства. Напомню, что египетскими фараонами строительство пирамид оплачивалось только луком. Я повторяю: нет ничего, кроме воли, но недостаточно просто хотеть.

Когда он творил свой народ, он считал, что ему позволено удовлетворить свою прихоть, женившись на любовнице, которая достойна быть его женой. Он публично отпраздновал свадьбу в 1712 году. Эта знаменитая Екатерина⁴³, сирота из эстонской деревни Ринген, вскормленная из милости у одного пастора, вышедшая замуж за ливонского солдата, взятая в плен через два дня после

³⁷ Театр царевны Наталии Алексеевны был устроен в селе Преображенском ок. 1706 г., затем перенесен в Петербург.

³⁸ Санкт-Петербург был основан 16 мая 1703 г.

³⁹ По сведениям современников-иностранцев (Геркенса, Вебера, Руссе де Мисси), при строительстве Петербурга погибло от 100 до более 200 тысяч человек.

⁴⁰ Петр устраивал в названных городах не порты (они там были и прежде), а верфи и крепости.

⁴¹ Вольтер примерно вдвое преуменьшил сумму государственных доходов при Петре I.

⁴² Речь, вероятно, идет о Фоккеродте, которого Вольтер и в «Истории Карла XII» представлял как своего знакомого-очевидца.

⁴³ Марта Скаврнская, в православном крещении Екатерина Алексеевна (1684–1727), сирота, воспитанная в доме пастора Глюка, где выполняла обязанности служанки. После взятия русскими войсками Мариенбурга попала в услужение к Шереметеву, затем к Меншикову, от которого перешла к Петру. Упоминание о генерале Боуре источниками не подтверждается. Благожелательная версия биографии Екатерины I, которую дает Вольтер, свидетельствует о его стремлении понравиться Петербургскому двору Елизаветы Петровны.

первой свадьбы, она перешла в услужение генералов Боура и Шереметева, а затем — Меншикова — мальчика-пирожника, который стал князем и первым человеком в империи⁴⁴, наконец, она стала женой Петра Великого, а затем, после смерти царя, самодержавной императрицей, притом достойной. Она очень смягчала нравы своего мужа и избавила гораздо больше спин от кнута и гораздо больше голов от топора, чем это сделал генерал Лефорт. Ее любили, ее почитали. Никакой немецкий барон, шталмейстер аббата Фульда, никогда не был мужем Екатерины, но Петр Великий не думал, что в его окружении для достоинства необходимо иметь 32 колена предков. Государи охотно думают, что нет другого величия, кроме того, что дают они, и что все равно перед ними. Конечно, происхождение не больше различает людей, чем различаются два осленка: один, чей отец возил навоз, и другой, отец которого возил церковные реликвии. Образование дает большее различие, таланты делают разницу громадной, богатство — еще больше. Екатерина имела образование у своего эстонского пастора не худшее, по меньшей мере, чем все боярыни Москвы и Архангельска, и будучи рожденной с талантами и великой душой, она вела дом у генерала Боура, а также у князя Меншикова, не умея ни читать, ни писать. Тот, кто умеет очень хорошо управлять большим домом, может управлять королевством; это может показаться парадоксом, но, определенно, с тем же пониманием порядка, мудростью и твердостью распоряжаются сотней человек и многими тысячами.

Царевич Алексей, сын царя, который, как говорят, как и он, женился на крепостной⁴⁵ и, как и отец, тайно покинул Россию, не имел подобного успеха в обоих предприятиях, дурное подражание отцу стоило сыну жизни; это был один из самых ужасных примеров жестокости, который когда-либо был продемонстрирован с высоты трона; но памяти императрицы Екатерины делает честь то, что она совсем не принимала участия в несчастье этого принца, рожденного в другом браке, который не любил ничего из того, что любил отец; Екатерину совсем не обвиняют в том, что она действовала как жестокая мачеха; великое преступление несчастного Алексея состояло в том, что он был слишком русским и не одобрял всего того, что его отец делал великого и бессмертного во славу народа. Однажды слушая москвитов, которые жаловались на несносные тяготы, перенесенные при строительстве Петербурга, он сказал: «Утешьтесь, этот город долго не просуществует». Когда надо было следовать за отцом в поездках по 500–600 лье, которые царь предпринимал часто, царевич притворялся больным, ему сурово прочищали желудок из-за болезни, которой не было; такое лечение вкупе с большим количеством водки подорвали его здоровье и его дух. Вначале у него была склонность к учебе: он знал геометрию, историю, изучал немецкий язык; но он совсем не любил военное дело, не хотел его изучать, и в этом его особенно упрекал его отец. В 1711 году его женили на принцессе Вольфенбюттельской⁴⁶, сестре императрицы — жены Карла VI⁴⁷. Этот брак был несчастным. Алексей часто покидал принцессу ради попок и Евфросиньи — девушки-финки, крупной, хорошо сложенной, очень ласковой. Утвер-

⁴⁴ Меншиков А. Д. (1673–1729) был сыном потешного конюха, происходил из посадских людей.

⁴⁵ Речь идет о фаворитке царевича Евфросинье Федоровой, крепостной Н. Вяземского, которая, однако, никогда не была женой Алексея.

⁴⁶ Шарлотта Христина София (1694–1715), принцесса Вольфенбюттельская, жена царевича Алексея, умерла после рождения второго ребенка — будущего Петра II.

⁴⁷ Карл VI, император «Священной Римской империи» (1711–1740).

ждают, что принцесса умерла от тоски (если тоска может причинить смерть) и что царевич затем тайно обвенчался с Евфросиньей в 1713 году, как только императрица Екатерина принесла ему братца⁴⁸, без которого он бы хорошо обошелся.

Разногласия между отцом и сыном с каждым днем становились все более серьезными, вплоть до того что Петр с 1716 года грозил царевичу лишить его права наследования, и принц ему сказал, что он хотел бы постричься в монахи⁴⁹.

В 1717 году царь возобновил свои поездки из политических соображений и из-за любознательности; наконец-то он прибыл во Францию. Если бы его сын хотел восстать, если бы у него действительно была партия сторонников, это было самое удобное время заявить о себе, но вместо того, чтобы остаться в России и готовить своих ставленников, он в свою очередь отправился путешествовать, едва собрав несколько тысяч дукатов, которые он тайно взял взаймы. Он бросился в объятья императора Карла VI, зятя своей покойной жены. Его скрывали некоторое время в Вене, откуда его переправили в Неаполь, где он оставался около года, так что ни царь, ни кто-либо в России не знали его убежища.

В то время как сын был таким образом спрятан, отец был в Париже, где он был принят с тем же уважением, что и повсюду, но с такой учтивостью, которую он мог найти только во Франции. Если он ехал осматривать мануфактуру и если одно изделие привлекало его взгляды больше, чем другое, то он получал его в подарок на следующий день. Он обедал в Пти-Буре у герцога д'Антена⁵⁰, и первая вещь, которую он увидел, был его портрет в полный рост и в той одежде, которую он тогда носил. Когда он посещал Королевский монетный двор, где делали медали, то разные их виды чеканили у него на глазах и ему их дарили; наконец, отчеканили одну, которую нарочно уронили к его ногам и позволили ему ее поднять. Он увидел на ней себя, гравированного в отличной манере и словах: «Петр Великий». На обратной стороне была изображена Слава и надпись гласила: «Шествуя, прибавляет себе сил» — аллегория сколь правдивая, столь и лестная для монарха, который действительно увеличивал свои заслуги путешествиями.

Увидев могилу кардинала Ришелье⁵¹ и статую этого министра, произведение, достойное того, кого оно изображает, царь в восторге высказал одну из тех идей, которые могут исходить только от людей, рожденных для величия. Он поднялся на могилу, обнял статую. «Великий министр, — сказал он, — жаль, что ты не рожден в мое время. Я дал бы тебе половину моей империи, чтобы ты научил меня управлять второй половиной». Некто, имевший меньше энтузиазма, чем царь, уразумев его слова, сказанные по-русски, ответил: «Если бы он отдал ему половину, он ненадолго сохранил бы и вторую».

Царь после осмотра Франции, где все располагает нравы к смягчению и к снисходительности, возвратился на родину и вновь показал там свою суровость. Он наконец склонил своего сына вернуться из Неаполя в Петербург; этот

⁴⁸ Сын Петра I и Екатерины Петр родился в октябре 1715 г., умер в 1719-м.

⁴⁹ Противоречия между Петром и Алексеем усилились в октябре 1715 г., накануне рождения Петра Петровича.

⁵⁰ Антен д' Луи Антуан, герцог, суперинтендант построек.

⁵¹ Ришелье А.-Ж. дю Плесси (1585–1642), выдающийся государственный деятель Франции, кардинал, первый министр Людовика XIII.

молодой принц был оттуда препровожден в Москву к своему отцу-царю, который начал с того, что лишил его права наследовать престол, и заставил его подписать торжественный акт отречения в конце января 1718 года; и, принимая во внимание этот акт, отец обещал своему сыну сохранить жизнь.

Вероятно, что такой приговор мог бы быть однажды аннулирован. Царь, чтобы придать ему большую силу, забыв, что он был отцом, и помня лишь о том, что он был создателем империи, которую его сын мог бы вновь погрузить в варварство, приказал публично расследовать это дело несчастного царевича, из-за некоторых умолчаний, в признании которых от него прежде добивались.

Собрались епископы, аббаты и профессора, которые нашли в Ветхом Завете, что те, кто проклинает своего отца или мать, должны быть преданы смерти, что в действительности Давид простил своего сына Авессалома⁵², восставшего против него, но что Бог не простил Авессалома. Такова была их точка зрения без всякого заключения; но это означало на деле подписание смертного приговора. Правда, Алексей никогда не проклинал своего отца, он совсем не восставал, как Авессалом, он вовсе не спал с наложницами отца своего; он путешествовал без отцовского разрешения, и он писал письма своим друзьям, которыми он хотел только показать, что надеется, что однажды о нем вспомнят в России.

Между тем из 124 светских судей, данных ему, не нашлось ни одного, который бы не приговорил его к смерти; и те, которые не умели писать, просили других расписаться за них⁵³. В Европе говорили и даже печатали, что царь приказал перевести с испанского на русский судебное дело Дона Карлоса⁵⁴, этого несчастного принца, которого его отец Филипп II заключил в тюрьму, где этот наследник великой монархии умер; но никогда не было процесса Дона Карлоса, и никогда не было известно, умер ли этот принц насильственной или естественной смертью. Петр, самый деспотичный из монархов, не нуждался в примерах. Достоверно то, что его сын умер в своей постели на следующий день после приговора и что у царя в Москве была одна из лучших аптек Европы. Между тем возможно, что царевич Алексей, наследник самой обширной монархии мира, единогласно осужденный подданными его отца, которые могли бы стать однажды его подданными, мог умереть от потрясения, которое произвел в его теле столь странный и зловещий приговор⁵⁵. Отец пришел навестить своего умирающего сына, и говорят, что он пролил слезы... Но, несмотря на эти слезы, друзья его сына были колесованы. Он приказал отрубить голову своему собственному шурина графу Лопухину⁵⁶, брату своей жены Оттокезы Лопухиной⁵⁷, с которой он развелся, и дяде царевича. Духовник царевича также поплатился головой⁵⁸. Если Московия была цивилизована, то следует признать, что эта цивилизация ей стоила дорого.

⁵² Сын библейского царя Давида, восставший против отца. См.: 2-я Книга Царств 15–18.

⁵³ Не умели писать только трое офицеров, входивших в состав трибунала.

⁵⁴ Карлос дон (1545–1568), наследник испанского престола, сын Филиппа II, находившийся во враждебных отношениях с отцом, умер в заключении.

⁵⁵ Как видно, Вольтер не верил в официальную версию смерти царевича Алексея. Об отношении Вольтера к этому вопросу см.: *Mervaud M. Voltaire et le tsarévitch immolé // Voltaire en Europe. Hommage a Christiane Mervaud. Oxford, 2000. P. 33–56.*

⁵⁶ Лопухин Авраам Федорович, брат царицы Евдокии.

⁵⁷ Евдокия Федоровна Лопухина (1669–1731), царица, первая жена Петра I.

⁵⁸ Игнатов Яков Игнатьевич, духовник царевича Алексея.

Остаток жизни царя был лишь продолжением его великих планов, его работ и подвигов, которые, кажется, сгладили излишек его, быть может, необходимой жестокости. Он часто выступал с речами при дворе и в своем совете. В одной из этих речей он сказал, что он принес своего сына в жертву благу своих подданных.

После славного мира, который он наконец заключил со Швецией в 1721 году и по которому ему уступали Ливонию, Эстонию, Ингерманландию, половину Карелии и Выборга (так!), российские подданные преподнесли ему титул Великого, Отца Отечества и императора. Эти сословия были представлены Сенатом, который ему торжественно преподнес эти титулы в присутствии графа Кинского⁵⁹, посла императора, господина де Кампредона⁶⁰, французского посланника, прусского и голландского послов.

Постепенно монархи Европы привыкли называть правителей России императорским титулом, но это не мешает тому, что французские послы повсюду не уступали русским.

Русские, конечно, должны рассматривать царя как величайшего из людей. От Балтийского моря до границ Китая это герой; но должен ли он быть таковым у нас? Можно ли его достоинства сравнить с достоинствами наших Конде и Вилларов⁶¹; по знаниям, по духу и по нравам — с массой людей, с которыми мы живем? Нет. Но он был царь, и царь плохо воспитанный, и сделал то, что, может быть, тысяча монархов на его месте не сделала бы. Он обладал той душевной силой, которая ставит человека выше предрассудков и выше всего того, что его окружает, и всего того, что предшествовало ему: это архитектор, который выстроил из кирпича то, что в другом месте он выстроил бы из мрамора. Если бы он царствовал во Франции, он довел бы искусства до апогея; им восхищались, стоящим во главе 25 больших судов на Балтийском море, он имел бы их две сотни в наших портах.

Видя, что он сделал из Петербурга, можно предположить, что он сделал бы из Парижа. Меня больше всего удивляет то, что род человеческий имел мало надежды на появление в Москве такого человека, как царь Петр. Можно было биться об заклад на число, равное всем жителям, населявшим Россию во все времена, против единицы, что этот гений, столь противоположенный духу своей нации, будет дарован кому-то из русских, и еще можно было спорить — примерно 16 миллионов (количество жителей России того времени)⁶² против одного, что этот жребий судьбы выпадет царю. Между тем это произошло. Понадобилось колоссальное число комбинаций и веков, прежде чем природа породила того, кто изобрел плуг, и того, кому мы обязаны ткацким искусством. Сегодня русские не удивляются своему прогрессу, меньше чем за 50 лет они привыкли ко всем искусствам. Можно подумать, что эти искусства существовали у них издревле. Еще есть огромные страны в Африке, где люди нуждаются в царе Петре; он придет, может быть, через миллион лет, так как все приходит слишком поздно.

⁵⁹ Кинский С., граф, австрийский посол в России.

⁶⁰ Кампредон Ж.-Ж., французский посол в России.

⁶¹ Конде и Виллары — знатные французские фамилии, из которых вышло много полководцев и государственных деятелей.

⁶² К началу 20-х гг. XVIII в. общая численность населения России была равна 15,6 млн. чел.

Н. А. Троицкий

НЕОБЫЧНЫЙ «НАПОЛЕОН»
(о русском переводе книги Эмиля Людвиг¹)

Немецкий писатель, классик психологического анализа Эмиль Людвиг (1881–1948) всемирно известен своими романами-биографиями великих людей — Гете, Бетховена, Наполеона, Линкольна, Бисмарка, Рузвельта, Сталина и др. Все они переводились на многие языки, но в России (кроме сокращенного перевода биографии Гете) не издавались и недооценивались. Только теперь переведен на русский язык «Наполеон» Людвиг, впервые изданный в Германии еще в 1906 г.

В колоссальной литературе о Наполеоне (а написано о нем больше, чем о ком-либо, кроме Иисуса Христа) книга Людвиг — одна из лучших. Вот как оценила ее Марина Цветаева в письме к своему эпистолярному другу А. А. Тесковой от 2 февраля 1934 г.: «С 11 лет я люблю Наполеона, в нем (и в его сыне) все мое детство и отрочество и юность — и так шло и жило во мне не ослабевая, и с этим умру. Не могу равнодушно видеть его имени. <...> Знаете ли Вы гениальную книгу о нем Эмиля Людвиг? Единственную его гениальную, даже не понимаю, как он ее написал — принимая во внимание все блистательные, но не гениальные, — *лучшую* книгу о Наполеоне, а я читала все»². Здесь видится некоторое преувеличение: поэтизируя Наполеона, Цветаева поэтизировала и книгу Людвиг. Книга все же не гениальная (хотя и блистательная) и, безусловно, не самая лучшая из книг о Наполеоне³, но, повторю, одна из лучших.

Жанр книги своеобразен. Сам автор определил его так: «история души Наполеона» (С. 575). Необычны названия глав, аллегорически воссоздающие жизнь Наполеона от рождения до смерти: «Остров». — «Водопад». — «Поток». — «Море». — «Скала». В тексте книги — минимум фактов при максимуме суждений о душе Наполеона. Целая глава (С. 260–272) отведена разговору Наполеона с его братом Люсьеном (по воспоминаниям Люсьена), ибо «Наполеон в нем как живой» (С. 260).

Отношение Людвиг к своему герою почтительное, местами восторженное. Для него Наполеон — «уникальный гений» (С. 109, 565). Людвиг склонен даже оправдывать Наполеона-агрессора, полагая, что тот в душе всегда «стремился к миру» (С. 208, 212–213, 228), а войны свои вел, «большой частью принуждаемый к ним» (С. 493–494). В представлении Людвиг Наполеон равно велик как полководец и правитель, творец Гражданского кодекса (С. 156, 551), причем Людвиг особо выделяет управленческую мудрость Наполеона, цитируя сказанное им в Государственном совете: «Вы здесь,

¹ Людвиг Эмиль. Наполеон. М., «Вагриус», 1998. 591 с.

² Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6: Письма. С. 412.

³ В 1934 г. еще не были написаны книги о Наполеоне Е. В. Тарле, Ж. Тюлара, А. З. Манфреда, но Цветаева уже читала Ф. Стендаля, Ф. Кирхейзена, А. Вандаля, Д. С. Мережковского, Ж. Лефевра и др.

господа, не для того, чтобы соглашаться с моим мнением, а для того, чтобы высказать свое. Потом я сравню его с моим и погляжу, какое лучше» (С. 155). Наполеоновские планы создания «единой Европы» с общими законами, валютой, системой мер и весов Людвиг считает не просто грандиозными, а «вполне разумными» (С. 329-330, 565), абстрагируясь от того, что Наполеон навязывал эти планы европейским народам силой.

Даже в тех случаях, когда историки осуждают Наполеона почти единодушно, Людвиг готов оправдывать его: расстрел 3 тысяч пленных турок в Яффе — это, мол, «вынужденное деяние» (С. 122); расправа с герцогом Энгийским предосудительна только одним пунктом: похищение за границей было незаконно» (С. 188–189); троны своим родственникам Наполеон раздавал не просто так, а под жестким контролем, вразумляя их «воспитательными письмами», своего рода «учебными пособиями для начинающих королей» (С. 241, 257–258, 479); в Испанию Наполеон вторгся, чтобы чуть ли не освободить ее от «прогнившей династии» Бурбонов (С. 272), а Московский Кремль приказал взорвать хоть и со зла, но не без резона, в отместку за то, что русские — «безумцы», «скифы» — зажгли собственную столицу (С. 350–353, 357).

Восхищаясь интеллектом Наполеона, Людвиг часто цитирует его колоритные, нередко парадоксальные и всегда афористически емкие высказывания. Вот некоторые из них: «Лишь в силе заключено добро, слабость — прибежище зла» (С. 26); «любовь к славе похожа на мост, который сатана строит, дабы попасть в рай» (С. 486); «Женщины везде роялистки, ведь свобода — такая красавица, которая затмевает их всех» (С. 24). Перед войной 1812 г. с Россией Наполеон так определил ее фатальность: «Эта война разразится вопреки воле царя, вопреки моей воле и вопреки интересам обеих империй» (С. 326). Выслушав своих сестер, которые, едва попав «из грязи в князи», уже спешат именоваться «Высочествами», он говорит им: «Можно подумать, что Его Величество, наш покойный отец, оставил нам корону и империю!» (С. 200). С видимым удовольствием цитирует Людвиг его оценки других людей (об Александре I: «Был бы царь женщиной, я бы, кажется, сделал его своей любовницей» (С. 243) и самооценки: «У меня есть 50 тысяч воинов плюс я сам, итого — 150 тысяч!» (С. 399)

Но главное для Людвиг — это психологический анализ *личности* Наполеона, его духовного мира. Людвиг учитывает «автопортрет» своего героя («Во мне живут два человека — один живет головой, другой — сердцем» (С. 46)⁴ и старается проникнуть в глубины и мысли его, и чувств. Не без удивления он замечает, что Наполеон, даже став императором, повелителем Европы, оставался прост — можно сказать даже, демократичен — в общении с близкими, в быту (включая еду и одежду) и что показное в нем-не его собственная простота (один его серый сюртук чего стоит!), а помпезность монаршей среды, в которой он оказался. «Велик тот, — считал Наполеон, — кто понимает, что любые титулы нужны лишь государству и не могут что-либо изменить в дружеских, семейных или светских отношениях» (С. 195). Привыкший смолоду (когда он был еще поручиком) к бережливости, Наполеон и будучи императором «экономит на себе самом», да и «вообще его двор, несмотря на весь блеск, не тратит и четверти того, что уходило при последнем Бурбоне» (С. 199). Личные апартаменты императора спартански скромны. Он постоянно урезает расходы на себя: «В бытность мою поручиком это стоило намного дешевле. Не хочу расходовать больше, чем другие» (С. 249). При этом Наполеон, конечно же, понимает, сколь значим в глазах и правительств и народов внешний блеск власти. Не зря же на величественном торжестве своей коронации, улучив момент, он шепнул брату: «Жозеф, вот если бы наш отец видел все это!» (С. 205).

Общеизвестная забота Наполеона о солдатах объясняется в литературе то его горячей любовью к ним, то холодной расчетливостью. Людвиг в своем объяснении соединяет то и другое, показав, как хорошо Наполеон понимал солдатские нужды и

⁴ Впрочем, Наполеон полагал, что «сердце государственного деятеля должно быть у него в голове» (Вейдер Б. Блистательный Бонапарт. М., 1992. С. 20).

возможные беды от недостатка внимания к ним. «Голодный солдат, — говорил он, — легко поддается таким взрывам бешенства, что становится стыдно за все человечество» (С. 61). Вот почему вступив в командование голодной «итальянской» армией 1796 г., он «за первые 20 дней издает 123 приказа только по питанию войска, разоблачает растраты, недовес, плохое качество» (С. 57).

Все биографы Наполеона и многие другие историки ломали головы над тем, как объяснить его «растерянность», видимую «беспомощность» в тот момент государственного переворота 18 брюмера, когда он вдруг решил выступить с речью перед сенаторами. А. Вандаль и Д. С. Мережковский, Е. В. Тарле и А. З. Манфред готовы были признать, что он тогда «оробел»⁵, хотя они знали: Наполеон много раз и до и после 18 брюмера, в самых угрожающих ситуациях, доказывал, что он никого и ничего не боится. Людвиг предложил свое (думается, самое убедительное) объяснение той «растерянности» и «беспомощности»: «он должен приказывать, а просить он *не умеет*» (С. 144–145).

Очень выразительно показан у Людвиг Наполеон в его отношениях с женщинами. Запоминаются не только любовные томления этого «человека из железа» с Жозефиной («пришел его черед обманывать женщину, долгие годы обманывавшую его» (С. 237), но и романтическая нежность его к Марии Валевской («когда я прижму руку к сердцу, ты поймешь, что оно целиком принадлежит тебе» (С. 236), и галантная жестокость к прусской королеве Луизе: когда та на приеме у него в Тильзите патетически взывала к суду истории, он предложил ей сесть, «ибо ничто так не сбивает трагизм сцены, как это. Когда люди садятся, трагедия превращается в комедию» (С. 503).

К чести Эмиля Людвиг, он не ослеплен «уникальным гением» своего героя и местами судит о нем остро критически — главным образом за «авантюризм» в большом и малом, будь то расстрел мятежа роялистов 13 Вандемьера, поход в Россию 1812 г., наброски планов Суэцкого канала (за 60 лет до Фердинанда Лессепса!) или амурные похождения (С. 49, 120, 299, 365). Резко осуждает Людвиг Наполеона за его стремление породниться с феодальной Европой: «заклятье легитимности» толкнуло его к разводу с Жозефиной и к женитьбе на «глупышке» Марии-Луизе из-за ее «габсбургской крови», чтобы только родить наследника равной Габсбургам, Гогенцоллернам и Романовым «породы» (С. 307–309).

Разделяет Людвиг и банальную критику Наполеона за деспотизм по отношению к членам его семьи (С. 225, 269), но, что опять-таки необычно, отваживается даже на его дегероизацию. Так, он иронизирует над «картинами для современников и потомков» о битве при Арколе, где Наполеон «изображен на мосту со знаменем, которого он и в руках не держал» (С. 74)⁶, а в битве при Маренго, по мнению Людвиг, «победителем был Дезе»⁷, Наполеон же «в сущности потерпел поражение», и лишь «слабым утешением было для него то, что план битвы разработал он один, а согласно этому плану Дезе и надлежало появиться в определенное время» (С. 163).

Вся книга написана увлекательно, с яркими характеристиками (Талейран — «хромоногий Мефистофель!»), с художественной выразительностью, которая всегда была свойственна творчеству Людвиг и так импонировала Марине Цветаевой. Полиграфически книга издана отлично: в капитальном переплете, с роскошной суперобложкой, на первосортной бумаге, с цветными иллюстрациями.

Однако читатель должен учесть и недостатки этой книги вообще и ее русского перевода в частности. Прежде всего бросаются в глаза два из них: в тексте книги почти совершенно нет дат (даже — когда родился Наполеон!) и нет описаний битв (т. е. главных проявлений деятельности Наполеона). Плохо восполняет эти два недостатка

⁵ Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 165. О том же: Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Ростов н/Д., 1995. С. 360–361; Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 93; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 279–280.

⁶ Самую знаменитую из этих картин написал в 1798 г. классик французской живописи Антуан Гро.

⁷ Генерал Л. Дезе тогда командовал дивизией в армии Наполеона.

приложенная к тексту книги «Хронология», где, кстати, перечислены битвы-при Миллезимо, Риволи, Лаоне, Бар-сюр-Об, даже не упомянутые в тексте.

Людвиг подробно характеризует родственников Наполеона, но о соратниках его, кроме Фуше да Талейрана, говорит вскользь. Многие из них, включая Ж. Ланна и Л. Н. Даву, едва упомянуты либо не упоминаются вовсе, как Ж. Б. Бессьер и Ж. Ж. Камбасерес. Явно преувеличены оценки Ш.-М. Талейрана, Э. Ж. Сиейеса и Г. Ф. Штейна, каждый из которых представлен равновеликим с Наполеоном (С. 96, 135, 354). На удивление наивно объясняет Людвиг, *что* заставило М. Б. Баркляя де Толли и П. И. Багратиона отступить перед Наполеоном в начале войны 1812 г. («лишь страх перед превосходящими силами противника и благоговение перед именем их командующего» (С. 340)⁸ и что помешало Наполеону выиграть битву при Ватерлоо («возраст» плюс «боли в животе»: С. 449)⁹.

Очень много в книге (отчасти по вине российского издательства) фактических ошибок. Если «сто тысяч человек» (С. 428), с которыми будто бы Наполеон бежал из первой ссылки — явная опечатка (правильно: *одна* тысяча!), то перевал Сен-Готард, через который якобы Наполеон весной 1800 г. вторгся в Италию (С. 163), оплошно перепутан с перевалом Сен-Бернар¹⁰. Изложенный на с. 341–343 разговор Наполеона «с одним пленным генералом» представляет собой путаное совмещение *двух* его разговоров — с посланцем Александра I (отнюдь не пленным!) А. Д. Балашовым в Вильне (этот разговор главным образом и пересказан) и с пленным генералом П. А. Тучковым в Смоленске. Огюст Мармон, представленный у Людвиг как «старейший маршал императора» (С. 404), на самом деле был *самым молодым* из всех 26 наполеоновских маршалов по возрасту и 20-м по маршальскому стажу.

Не всегда верно Людвиг разбирался в источниках. Так, историческую фразу Ж. Фуше: «Это хуже, чем преступление, это ошибка» — он приписал Ш.-М. Талейрану (С. 189)¹¹, а вместо собственных отзывов Наполеона об одном из самых близких его друзей Ж. Ланне цитирует *по К. Меттерниху* невероятное признание императора: «Ланн меня ненавидел» (С. 501). Что касается предсмертной болезни Наполеона, то Людвиг следовал традиционной версии, полагая, что его герой умер от рака желудка (С. 238, 471). Уже после смерти Людвиг выяснилось, что Наполеон на острове Святой Елены был отравлен, о чем говорит и статья Бена Вейдера «Тайна гибели Наполеона», перепечатанная из журнала «Вопросы истории» (1996. № 2) в качестве приложения к «Наполеону» Людвига.

Местами портят книгу неточности перевода. Император Священной Римской Империи фигурирует как «германский кайзер» (С. 71, 83, 162 и др.), искажены фамилии маршалов Ж. Б. Журдана, Л. Г. Сюше и Н. Ж. Сульта (С. 137, 408), склоняется несклоняемая фамилия маршала

⁸ Багратион в те дни так судил о войсках противника и об «их командующем»: «Неприятель-дрянь!», «Ей Богу, шапками его закидаем», «Пусть меня расстреляют, если я его (Наполеона. — Н. Т.) в пух не расчешу!» (ЧОИД. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 194; *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников. 1812–1815. СПб., 1882. С. 74, 96).

⁹ Наполеону тогда было 45 лет.

¹⁰ Через Сен-Готард годом ранее и в обратном направлении (из Италии в Швейцарию) переходил А. В. Суворов.

¹¹ Эту оплошность Э. Людвиг отмечал А. З. Манфред в его указ соч (С. 437).

А. Массена, а крепость Сен-Жан д'Арк переименована в Акко (С. 122–124). Огорчительные ляпсусы допущены в блоках иллюстраций: в первом блоке снимок с картины В. В. Верещагина «Перед Москвой в ожидании депутации бояр» подписан: «Наполеон на поле Бородина», а во втором — рядом с портретом маршала Л. А. Бертье помещен портрет наполеоновского *камердинера* Луи Констана с надписью «*Маршал* Констан».

Русское издание книги Э. Людвига существенно выиграло бы, будь у него научный редактор или, хотя бы, комментатор. Но и в своем теперешнем виде очередной и необычный «Наполеон» — хороший подарок нашему, отечественному читателю, как специалистам, так и любителям истории.

А. В. Воронихин

**Ю. Г. ОКСМАН, В. В. ПУГАЧЕВ
«ПУШКИН, ДЕКАБРИСТЫ И ЧААДАЕВ»
Саратов, 1999**

У этой книги долгая история — длинной в две непростые человеческие жизни.

В далекие 1920-е гг. известный филолог Юлиан Григорьевич Оксман задумал монографию «Пушкин и декабристы». В 1935 г. он в интервью «Литературной газете» анонсировал выход книги в юбилейном для пушкинистов 1937. Реализовать этот замысел помешал арест 6 ноября 1936 г. Оксман был обвинен во «вредительстве», его имя соседствовало с фамилиями Н. И. Бухарина и Л. Б. Каменева. Особое Совецкое осудило ученого на 5 лет пребывания «в местах не столь отдаленных». В 1941 г. Юлиан Григорьевич получил еще 5 лет и вышел на свободу только в 1946-м. Известного пушкиниста не обошел стороной «кровавый тридцать седьмой», как не миновал он в свое время и А. С. Пушкина. Известны строки, появившиеся уже в XX в.: *«И вот уже шушок мерзейший пущен, // Снег, выстрел, гроб повязанный тесьмой. // Вот так-то, Александр Сергеевич Пушкин, // Не миновал тебя тридцать седьмой»*. В 1947–1957 гг. Юлиан Григорьевич Оксман работал в Саратовском университете. В конце 1947 г. он познакомился с 24-летним кандидатом исторических наук В. В. Пугачевым. Отношения учитель — ученик скоро переросли в дружбу двух единомышленников. В 1970 г. Оксмана не стало, но остались подготовительные материалы рукописи книги. 8 августа 1984 г. вдова ученого Антонина Петровна обратилась к академику

Д. С. Лихачеву с письмом, в котором просила «помочь издать в соавторстве с проф. В. В. Пугачевым книгу Ю. Г. Оксмана «Декабристы, Пушкин, Евгений Онегин», Чаадаев». Дмитрий Сергеевич поддержал эту просьбу. Владимир Владимирович Пугачев, в то время профессор Саратовского университета, собирался издать исследование «Пушкин и декабристы», но смерть ученого в 1998 г. не позволила осуществить давний замысел.

И вот накануне 2000 г., преодолев многие трудности, в издательстве журнала «Волга» вышла в свет монография Ю. Г. Оксмана и В. В. Пугачева «Пушкин, декабристы и Чаадаев». На титульном листе помещены фамилии составителей и авторов примечаний: профессора филологического факультета СГУ Л. Е. Герасимовой, доцента исторического факультета В. С. Парсамова и известного саратовского журналиста В. М. Селезнева. К их именам необходимо добавить имена Н. В. Герасимовой, А. Е. Сафроновой и Е. О. Селезневой, расшифровавших 13 печатных листов (около 280 страниц) рукописей Ю. Г. Оксмана, наборщиков и корректора Г. И. Ивановой, Ю. В. Копыриной, Г. Б. Смоляниновой и сверставшего книгу А. А. Голицына. Усилиями этого большого коллектива долгожданная книга вышла к читателям.

Сборник открывается вступительной статьей Герасимовой, Парсамова и Селезневой «Сквозь жар души, сквозь холод ума...» — это строчки Ю. Г. Оксмана в одном из посланий Пугачеву. Симво-

лично, что этот очерк подготовили филолог, историк и журналист — именно на стыке этих сфер творчества плодотворно и талантливо работали Юлиан Григорьевич и Владимир Владимирович. Авторы-составители интуитивно почувствовали, что эта книга «передает точно и сложно не только время Пушкина и его друзей-декабристов, но и время, в которое жили исследователи, — с его надеждами, «смертным томлением», с его рамками, которые надо было раздвинуть». При отборе, расположении, комментировании статей составители пытались следовать плану книги, который сохранился в архиве В. В. Пугачева.

В монографическое исследование вошли четыре статьи Ю. Г. Оксмана: две вышедшие в 1930 и 1934 гг. и ставшие библиографической редкостью, и две вышедшие в 1989 и 1990 гг. — посмертные, опубликованные усилиями Пугачева в малотиражных сборниках, доступных только узкому кругу специалистов. Проблемы же, поднимаемые Юлианом Григорьевичем в этих исследованиях, принципиально важные; предлагаемые логические решения — новаторские; выводы — имеющие непреходящее значение для современной пушкинистики. Заново изучая политическую лирику Пушкина, Оксман в свое время пересмотрел датировку двух этапных стихотворений «Вольность» и «К Чаадаеву», и получилось совсем иное истолкование этих произведений в контексте времени. Об аргументах и фактах в пользу изменения датировки и политической направленности «Вольности» повествуют статьи, помещенные в сборнике. Публикуется также эссе о замысле Пушкина написать повесть о прапорщике Черниговского полка и вступительная статья и комментарии Оксмана к воспоминаниям П. А. Катенина о Пушкине. Значительным событием монографии стали подготовительные материалы Юлиана Григорьевича к его несостоявшейся книге «Пушкин и декабристы», помещенные в приложении. Можно согласиться с составителями сборника, когда они пишут, что «в них слышен живой голос историка XIX века

и современника XX века, филолога и историка, неустанного в поисках научной истины, непримиримого к малейшей неточности, конъюнктурщине, верхоглядству, к воровству чужих идей». Для многих читателей «подготовительные материалы» по-новому откроют масштаб личности и творческого дарования Ю. Г. Оксмана.

Во второй части сборника помещены статьи В. В. Пугачева. Уже в 1960-х гг. тема «Пушкин и декабристы» становится главной в творчестве Владимира Владимировича. После смерти Оксмана Пугачев стремится сохранить присутствие своего учителя в пушкинистике вопреки всем запретам. Творчески развивая и дополняя гениальные догадки Оксмана, выходя на новые и неисследованные сюжеты, иногда аргументированно не соглашаясь и уточняя работы своего учителя, Владимир Владимирович всегда бережно и уважительно писал о Юлиане Григорьевиче. Лишнее тому подтверждение — опубликованные в сборнике статьи Пугачева. Исследованием «Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода «Вольность»» открывается цикл работ Владимира Владимировича, посвященных лирике Пушкина и его идейным связям с ранними декабристскими организациями. В основе статьи — доклад, прочитанный в Пушкинском доме в марте 1959 г. За 39 лет работы в пушкинистике профессор Пугачев опубликовал десятки работ, но в коллективную монографию, к большому сожалению читателей, вошло только семь из них. Творческий почерк Пугачева оригинален и неповторим. Владимир Владимирович парадоксален, загадочен и лаконичен в своем исследовательском порыве, импульсивном движении мысли. Он может в первых строках «огоршить» читателя заявлением: «В этой статье я попробую доказать, что Пушкин был террористом в декабристском духе» (так начинается помещенная в сборнике статья «Пушкинский замысел цареубийства 1820 г. и декабристы»); он мог начать статью с вопроса, казалось бы, давно решенного: «Кто побе-

дил 14 декабря?» — и, как сталкер, проведя читателей через прочувствованное и понятое им время, привести к оригинальным историческим заключениям. Исследуя Пушкина на фоне движения декабристов и идейных исканий русского образованного общества, Владимир Владимирович остро ощущал актуальность исследуемых сюжетов. Отсюда некоторая философичность, а порой и афористичность суждений: «Не раз широко рекламируемое обновление мира оборачивалось очередным смешением желаемого с действительным... Обманы и самообманы возрождались как птица Феникс» (из статьи «Декабристы, «Евгений Онегин» и Чаадаев»).

Ю. Г. Оксман и В. В. Пугачев никогда не выступали соавторами исследований

при жизни. Выпущенный издательством журнала «Волга» монографический сборник впервые объединил в одной книге двух выдающихся ученых-гуманитариев. Получился символический портрет двух ученых — двойной портрет на фоне двух эпох.

Хорошо знавший Оксмана и Пугачева Ю. Г. Лотман в одном из своих писем как-то заметил: «Всякое забвение преступно — это уступка смерти. Человек умирает не когда умирает, а когда о нем забывают». Книга «Пушкин, декабристы и Чаадаев» — частица памяти, которая живет в сердцах родных и близких, коллег и учеников, специалистов и простых читателей Юлиана Григорьевича Оксмана и Владимира Владимировича Пугачева.

Ж.-М. Негринья

НОВЫЙ ПОДХОД К «СОВЕТСКОМУ ВЕКУ»

(о книге Мартина Малиа

«Советская трагедия. История социализма в России. 1917 — 1991»¹)

Исходной точкой замысла Мартина Малиа является попытка ответить на вопрос, заданный историкам совершенно неожиданным падением советского режима в 1991 г. Автор имеет в виду, конечно, что советский период стал тогда завершенным, более свободным от сиюминутных политических соображений объектом исторического изучения. Но главное для него заключается в самом характере события — равнозначный военному поражению крах сверхдержавы в условиях длительного периода мира, что ставит историков перед необходимостью коренным образом переосмыслить свои концепции о сути и

развитии советского режима. Мартин Малиа задумал свою книгу как «опыт анализа и интерпретации советского феномена», включая в эту формулировку идею, что падение коммунизма опровергает оценки большей части западных специалистов, которые видели в советском режиме — симпатизируя ему или же отвергая его — стабильную, долговременную, аналогичную другим социальным формациям систему. Поэтому в задачу автора также входит «критический анализ западной советологии».

Такая двойная установка воплощается в глубоко оригинальном «историческом методе» Мартина Малиа. Повествование следует традиционному на первый взгляд, хронологическому принципу, а на самом деле текст структурируют историографические вопросы, которые автор выявляет из событийного материала. Интерпретации разных историков приводятся как ответы на данные вопросы, и среди них, естественно, интерпретация самого автора. Историческая наука представляется тут не как единое, всеохватывающее и окончательное объяснение событий, а как обсуждение вопросов и гипотез. Данную статью мы посвятим не всем аспектам богатейшей книги Малиа, а самым интересным, на наш взгляд, стимулирующим дальнейшее изучение... Они касаются сути советского режима и процесса его установления, с одной стороны, и причин его падения — с другой.

Само название книги уже содержит вопрос и гипотезу: говорить о «советской трагедии» — значит отсылать читателя к загадочному парадоксу «великого идеала, обернувшегося великим преступлением». А подзаголовок выражает один из основных тезисов Малиа: основополагающим для понимания «советской трагедии» понятием являет-

¹ Мартин Малиа — профессор университета Беркли, специалист по политической и интеллектуальной истории России. Его книга «The Soviet Tragedy. A History of Socialism in Russia. 1917 — 1991» вышла в издательстве «The Free Press» в 1994. Все цитаты переведены нами с французского второго издания: Martin Malia. La Tragédie soviétique. Histoire du socialisme en Russie 1917 — 1991. Editions du Seuil, 1995.

ся не «тоталитаризм», «модернизация» или же «русский деспотизм», а именно «социализм», но в определенном, марксистски-максималистском значении термина: радикальный отказ от «капитализма», то есть от частной собственности и рынка. Социалистическая идея в такой трактовке — носитель мессианской энергии, ибо марксизм наряду с «внешней доктриной» (известные социология, теория истории, экономическая теория) обладает и «глубинной структурой», а именно: диалектикой «отчуждения» пролетариата, «универсального класса угнетенных», и дальнейшего преодоления отчуждения путем классовой борьбы. Дело в том, что эта «диалектика спасения» может применяться к любой угнетенной, «отчужденной» группе — социальной, национальной, отсюда ее огромный успех в самых разных странах и у разных социальных слоев. Кроме того, эта диалектическая схема революции включает возможность, а то и неизбежность социального насилия, «повитухи истории». Поэтому, считает Малиа, Ленин смог, за счет относительно ограниченной ревизии марксизма, адаптировать его, с помощью «теории империализма», к индустриально малоразвитым странам. Поскольку реальное развитие капитализма делало пролетарскую революцию в развитых странах по схеме Маркса все более невозможной, то ленинская концепция роли партии обеспечивала историю необходимым орудием выполнения задачи «отрицания капитализма» в слаборазвитых государствах. Ленинизм сделал партию, заменившую одновременно заблудившиеся пролетариат и историческое развитие, носителем «настоящей» логики истории: ей выпадает поручение «уничтожить капитализм» и «построить социализм». Тем самым утвердилось первенство «идеологизированной политики» над социальной реальностью, что является, по мнению Малиа, «глубинной логикой» ленинизма.

Свою главу о «Красном Октябре» Малиа организует вокруг трех вопросов: Каковы были шансы демократии в Рос-

сии после 1905 г. в плане мирной эволюции? Каковы были шансы демократии после Февраля 1917 г.? Какова соответственно роль внутренних социальных факторов и международной войны в победе большевиков?

Малиа не разделяет оптимизма тех, кто утверждает, что уверенный путь России к демократии после 1905 г. был прерван внешней случайностью — мировой войной. Он усматривает в России начала 10-х гг. серию факторов: нестабильность крестьянства, тяжелое положение рабочих, нарастание конституционного кризиса, которые, не будь войны, привели бы ко второй революции, самым вероятным результатом которой было бы установление авторитарного реакционного режима, а самым маловероятным — мирная эволюция к демократии или же «социалистическая революция».

Во всяком случае, ситуация в Европе и система военно-политических альянсов делали войну фактически неизбежной. Февральская революция произошла вследствие сочетания конституционного кризиса, поражений на фронте и экономического развала.

Но она являлась лишь наглядным проявлением процесса стремительного развала всех структур государства и общества, который принимал в основном формы всеобщего отказа воевать и спонтанного захвата крестьянами земель. Такая ситуация сводила на нет возможности демократической эволюции и, наоборот, приводила к развязке авторитарного типа, — грубо говоря: либо Корнилов, либо Ленин.

Победа большевиков, считает Малиа, немыслима вне этого контекста, порожденного именно войной; но он обсуждает и другую сторону вопроса — внутренние факторы, в данном случае взаимоотношения между пролетариатом и партией, ибо идентификация одного с другой является основой провозглашенной советским режимом легитимности, а вместе с тем и основой не только советской официальной историографии, но и части западной. Автор отмечает, что если большинство

радикально настроенных рабочих зимой 1917/18 г. действительно симпатизировали большевикам, то они тогда стремились к рабочему контролю и к коалиции всех революционных партий, а отнюдь не к тоталитарному социализму. А сам октябрьский переворот осуществился фактически без их участия.

«Социальная реальность Октября, — заключает Малиа, — это сочетание огромного солдатского мятежа и огромного крестьянского бунта, на которое маленькая группа сумела привить видимость Парижской Коммуны». Но временное сближение пролетариата с большевиками послужило оправданием мифов о «партии пролетариата» и «Октябрьской Пролетарской Революции». Большевики действительно считали, что Октябрь раз и навсегда передавал партии «пролетарскую легитимность». Партия не нуждалась в дальнейшем подтверждении этой легитимности, ибо «пролетарское представительство партии основано не на реальных настроениях рабочих, на метафизическом пролетариате, определенном идеологией».

Главы, посвященные основным этапам установления советского режима — «военный коммунизм», НЭП, «великий перелом», — скрываются под знаком решающего в интерпретациях многих историков вопроса: является ли сталинская модель отступлением от настоящего демократического, гуманного социализма или же логическим последствием реального развития, социалистической идеи?

В отличие от тех, кто рассматривает все меры «военного коммунизма» как серию импровизаций, диктуемых ситуацией гражданской войны, Малиа видит в «военном коммунизме» ключевой эпизод, в котором раскры-

вается сущность большевизма. Первые месяцы советской власти были отмечены серией кризисов, в особенности расхождением временного недоразумения, обеспечивавшего большевиков поддержкой рабочих и крестьян. На эти кризисы партия реагировала согласно ленинской логике, то есть заменяя со-

бой те социальные силы, которые она якобы представляла. Провозглашенная как «диктатура большинства над меньшинством», власть превращалась в диктатуру меньшинства, которая стала уничтожать все чуждые ей силы. На разных «фронтах» — строительство государственного аппарата, гражданская война, экономика — проводилось контрнаступление большевиков. Наряду со случайностями, их победе способствовали и структурные факторы: создание ЧК, подчинение партии Красной Армии и государственного аппарата. Сказывалось и «превосходство в организационных способностях», которое, в свою очередь, происходило от «идеологии, оправдывавшей монопольную власть партии трансцендентностью дела социализма». Автор показывает, как во всех областях события вызвали у большевиков радикальные меры, а идеология систематизировала эти меры, придавала им тотальную установку и постоянно связывала их с конечной целью режима. В этом процессе создались основные институты советского режима, за исключением централизованного ведения экономики, находившегося тогда лишь в зачаточном виде в проектах ВСНХ.

В годы НЭПа переплетались борьба за власть между наследниками Ленина и поиски «правильного пути к социализму». Сформировались тогда политические альтернативы, которые впоследствии породили соответствующие историографические течения. Первая из них связана с именем Троцкого, который очень рано осудил НЭП и его «уступки крестьянству» и выступал за программу ускоренной индустриализации. По мере того как он устранялся от реальной власти, эта программа превращалась из антиНЭПовской в антисталинскую. Впоследствии Троцкий в изгнании создал свою теорию «преданной революции» и «бюрократического вырождения советского государства», в которой провал объяснялся в конечном итоге отсталостью крестьянской России. Здесь мы имеем дело с настоящей парадигмой интерпретаций советской

истории, встречающихся, в частности, у многих западных историков, которые взваливают всю ответственность за «сталинизм» на «русские условия» и игнорируют вопрос о последствиях самих ленинских установок. По мнению Малиа, эту концепцию можно считать «альтернативной» лишь в мифическом плане: ведь она многие десятилетия выполняла единственную функцию — поддержать идею исторической возможности несталинского пути к полному — чистому, ленинскому — социализму.

Более реальной представляется автору вторая альтернатива времен НЭПа, связанная с именем Бухарина.

Он выступал за развитие сельского хозяйства, как стимул развития промышленности, и за соревнование между частным и государственным секторами, как необходимый этап к победе социализма. Анализируя реалии тех лет, Малиа приходит к выводу, что НЭП никак нельзя считать «смешанной экономикой», что партия совсем не соблюдала рыночных правил соревнования, а все больше подвергала частный сектор всякого рода давлению и вмешательству. На экономическое сопротивление крестьян («кризис снабжения») партия ответила не расширением НЭПа, а усилением государственного принуждения.

По тому же направлению шла и политическая эволюция при НЭПе, отмечает Малиа: консолидировался партийный аппарат, контролируемый генсеком, создавалось «пропагандистское государство», проводилась идеологизация языка. В таких условиях как могла ленинская партия, не отрекаясь от самой себя, капитулировать перед кризисом, вызванным «классовым врагом»... Малиа считает, что именно к такой «капитуляции» привело бы последовательное применение «бухаринского пути». Так что настоящий выбор в 1929 г. был не между сталинским — «чингисханским» и бухаринским демократическим путем к социализму, а между более или менее сталинским путем и отказом от всего ленинского дела.

«Сталинская революция сверху» 30-х г. анализируется, следовательно, не как «извращение ленинизма» или проявление преступного характера Сталина, а как стратегия, вытекавшая в основном из логики советской системы. Идею плана, включавшую утопию индустриализации, как залога создания нового общества, и необходимость ликвидации крестьянства, Сталин перехватил у левой оппозиции и превратил в военнополитическое наступление партии против общества. Малиа обстоятельно доказывает, какой катастрофой обернулась для страны насильственная коллективизация, а вместе с тем признает, что индустриализация оказалась историческим успехом — СССР в конце 30-х гг. достиг экономической автаркии. Но он подчеркивает, какой ценой был достигнут результат — сверхэксплуатацией крестьянства, насильственным перемещением миллионов людей, фактическим закрепощением рабочих, снижением жизненного уровня, строгой иерархизацией общества.

Автору очень трудно, учитывая все это, согласиться с теми историками, которые характеризуют «сталинскую революцию» как «процесс модернизации». С другой стороны, если судить по размерам социальных потрясений и исторической установке режима — создание социализма как новой эры в развитии человечества, — то сталинский «великий перелом» ни в какое сравнение не входит с предшествовавшими «революциями сверху» в истории России (Иван Грозный, Петр Великий) и не может объясняться «русской преемственностью». Настоящей динамикой «великого перелома» является, по мнению автора, «призвание партии выступать как военно-политический двигатель человечества, идущего к социализму».

Первое историческое воплощение «практической программы» социализма (ликвидация частной собственности и рынка) сопровождалось не подтверждением морального превосходства социализма, а, наоборот, усилением угнетения, эксплуатации, неравенства, регрессией к несвободе. Такое проти-

воречие неоднократно пытались объяснить «русской отсталостью» или «личностью Сталина». Малиа предлагает тут гипотезу, что «извращение моральной программы социализма логично вытекает из осуществления самой социалистической идеи».

«Большой террор», пожалуй, самый таинственный эпизод всей советской истории, и не только потому, что многое еще остается неизвестным. Действительно, нелегко интерпретировать это уничтожение большей части кадров экономики, армии, культуры, партийного и репрессивного аппаратов, этот «организованный Сталиным и его камарильей переворот против основных институтов системы, которой они управляли».

В результате «великого перелома» партия быстро выросла и насчитывала тогда больше двух миллионов членов. Многих из них Сталин считал недостаточно преданными и компетентными. Поэтому с 1933 г. стали проводиться регулярные чистки внутри партии. За 5 лет было исключено более миллиона членов. В 1938–1940 гг. снова пополнялись ряды партии и в нее были допущены 1,5 миллиона новых членов. Все они были выпускниками институтов (образовательных и идеологических) новой социалистической системы, установленной в начале 30-х гг. Малиа считает это огромное обновление партии центральной задачей «большого террора». Кроме того, в рамках этого процесса Сталин добивался снятия табу смертной казни внутри партии и вообще отстранения любых потенциальных препятствий его полной диктатуре. На это были рассчитаны большие процессы и создание мифов «предательства», «вредительства» и «террористических заговоров». Оба момента слились в 1937 г., когда чистки в партии превратились в кампанию массовых арестов и расстрелов.

Связь террора с логикой системы заключалась еще и в следующем: разрыв между идеологическим мифом и реальностью был таким, что приходилось терроризировать население до тех пор, пока оно приняло пропагандистскую

«надреальность» за правду. Вместе с тем «идеократическая легитимность сконцентрировалась в личности Сталина». Эти два аспекта — массовый террор и живое воплощение мифа — стали тогда основными элементами системы. В этом заключалась будущая ее слабость — исчезновение того и другого принесли режиму непоправимый ущерб.

Война дала советскому режиму не только расширение империи и статус сверхдержавы. После войны легитимность режима основывалась уже не только на мандате, якобы выданном партии историей, но и на роли, сыгранной партией в организации Победы, что обеспечивало режим более реальной опорой в обществе. Но несмотря на это, послевоенный период оказался во всех областях систематической реставрацией довоенной системы.

Сталинизм Малиа рассматривает как «вершину, достигнутую советской историей, начиная с Октября». В 1953 г. открылся «сорокалетний спускающийся цикл». Подробное описание автором разных этапов этого цикла можно свести к развитию по двум линиям. Первая — поэтапное разложение идеологии — основы легитимности режима; вторая — нарастание экономического кризиса, неоднократные попытки его преодолеть и постепенное осознание невозможности этого добиться в рамках системы.

Хрущевская десталинизация — XX и XXII съезды — оказалась первым ударом, нанесенным сверху идеологии. Реформы, рассчитанные на улучшение экономических показателей, и в частности на лучшее удовлетворение нужд населения, столкнулись с врожденным консерватизмом структур плановой экономики. Предпринятую тогда попытку мобилизовать партию путем политической реформы номенклатурный аппарат воспринял как угрозу недавно приобретенной стабильности. Будучи уже не в состоянии подчинить партию террором, генсек вынужден был капитулировать. Утвердилось на 20 лет торжество «номенклатурного коммунизма».

Уже тогда начали тревожно снижаться основные показатели экономическо-

го развития. Несмотря на разные попытки реформирования, советская система, сумевшая обеспечить сталинскую индустриальную модель экстенсивного развития и воспроизводить эту модель в период послевоенной реконструкции, оказалась неспособной переходить к интенсивному развитию. Все более непосильным являлось «бремя сверхдержавы», даже если внушительные экспансионистские успехи СССР в 70-е гг. скрывали размеры внутреннего кризиса.

Наряду с этим ускорялся процесс разложения идеологических мифов не только в обществе, но и в официальных структурах, где «внешняя партия» компетентных профессионалов все смелее дистанцировалась от «внутренней партии» некомпетентных руководителей-идеологов.

Убедившись, что успешное реформирование экономики предполагало освобождение ее от фактически уже проигранного соревнования с США, Горбачев довел дело до отказа от «классовой борьбы в международных отношениях» и признания «универсальных ценностей», порывая тем самым с одной из кардинальных основ ленинизма. В связи с сопротивлением, оказанным аппаратом его экономической «перестройке», он подошел, так же как Хрущев, к политическим реформам. Рассчитанные на обновление партии, «гласность» и «демократизация» скоро вышли далеко за пределы установленной задачи и способствовали эмансипации общества. Стремлению покончить с этим угрожавшим процессом противоречили требования международной разрядки. Радикализация «гласности» привела к полной дискредитации идеологии. Когда к экономическому краху и крушению идеологии прибавилось и «восстание национальностей», то «перестройка» советской системы превратилась в ее дезинтеграцию, то есть в одновременный развал империи режима.

Возвращаясь к вопросу о причинах «чрезвычайной слабости коммунизма в конечной фазе», Малиа усматривает их

в «системных недостатках» советского коммунизма. Советский эксперимент заключался в строительстве социализма с помощью ленинской партии. «Октябрьский выбор» строго сокращал поле дальнейших возможных вариантов. Сама природа используемых партократией средств препятствовала выполнению афишированной задачи — созданию процве

тающей экономики и общества равенства и справедливости. Поэтому строительство социализма не могло не оборачиваться сочетанием «идеологической лжи» и насилия над обществом. Единственной реальной альтернативой этому историческому провалу была любая последовательная попытка реформировать систему. Наследники Сталина неизбежно должны были столкнуться с противоречием: между необходимостью реформировать систему и необходимостью сохранить ее. Решительный удар нанес тот, кто не захотел видеть несовместимости обеих задач.

Мы постарались показать, какой вклад в дискуссию об интерпретации советского феномена вносит книга Малиа. Будем надеяться, что она скоро станет доступной русскому читателю в полном объеме.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА КРЕДЕРА

30 октября 2000 года после тяжелой болезни на 53-м году жизни скончался доктор исторических наук, специалист по истории Соединенных Штатов Америки, профессор Саратовского университета Александр Александрович Кредер. Он был полон творческих замыслов. Только что вышла из печати его новая большая монография о предпринимательских корпорациях в США, полным ходом шла подготовка к созданию научного Центра по истории «холодной войны» совместно с американскими учеными. Он собирался принять участие в конкурсе по подготовке учебника по новейшей истории для вузов. Вскоре должен был выйти из печати новый учебник для школьников, в котором параллельно давалась история России и зарубежных стран. Наполовину уже был набран на компьютере текст лекций по новейшей истории для студентов-историков. Трудно себе представить, что один человек мог выполнять такой объем работы. Он часто бывал за рубежом, выступал на научных конференциях, поддерживал творческие контакты с зарубежными учеными. Ко всему прочему, был уважаем коллегами и любим студентами.

А. А. Кредер провел детство в Казахстане, куда были высланы его родные — российские немцы. Окончив там школу, он поступил на исторический факультет Саратовского университета в 1964 году. Избрал специализацию по истории США и тему дипломной работы по истории «нового курса». Закончил истфак блестяще. Но в аспирантуру поступил лишь через два года — служил в армии.

В аспирантуре (1971–1974 гг.) он попал к профессору А. Ф. Остальцевой, исключительно эрудированному историку и доброму человеку. Под ее руководством была подготовлена и защищена кандидатская диссертация по истории общественной и экономической мысли в США в годы «нового курса». После защиты диссертации А. А. Кредер не прерывал научные исследования, работая в Саратовской Высшей партийной школе. Печатался в межвузовских сборниках Саратова и Самары и, довольно часто, в «Американском ежегоднике» в Москве. Результат — монография «Американская буржуазия и “новый курс”», а затем и защита докторской диссертации в Институте всеобщей истории АН СССР весной 1989 года. Звание профессора он получил, уже работая в Саратовском университете.

В марте 1991 года А. А. Кредер выступил на международной конференции американистов в Москве с докладом об истории предпринимательских корпораций в США. Он с благодарностью вспоминал академиков Г. Н. Севостьянова и Н. Н. Болховитинова, оказавших поддержку молодому историку. Вскоре последовала стажировка в Германии и США, консультации ряда американских историков — специалистов по истории бизнеса. Статьи публиковались одна за

другой и, наконец, появилась солидная монография «Предпринимательская корпорация в США: конец XVIII — начало XX вв. (на материалах штата Северная Каролина)», вышедшая в издательстве СГУ. Она стала заметным явлением в нашей отечественной американистике. Об экономике США писали достаточно много, однако исследований по истории бизнеса почти не было. Между тем при формировании «цивилизованного» бизнеса в России опыт американских корпораций мог бы быть поучительным.

Нельзя не сказать о серии школьных учебников по новейшей истории, опубликованных в последние годы значительным тиражом с грифом Министерства образования РФ. А. А. Кредер выезжал во многие города России и обсуждал вопросы методики работы с учителями, вносил коррективы при переизданиях. Ему удалось создать учебник принципиально новый по содержанию и методике подачи материала. Он все время совершенствовал его. Следует признать серьезный вклад А. А. Кредера в реформирование школьного и вузовского образования, в развитие нового направления в советской американистике. В памяти тех, кто его знал, он всегда останется глубоко эрудированным, скромным, доброжелательным человеком. Он был примером трудолюбия и большой душевной щедрости. Многие его работы еще войдут в научный оборот, появятся последователи. Это будет лучшей памятью талантливому историку.

*Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории нового и новейшего времени СГУ
И. Д. Парфенов*